

NATURA CUPIDITATEM INGENUIT HOMINI VERI VIDENDI
Marcus Tullius Cicero
(Природа наделила человека стремлением к познанию истины)

Мысли Об Истине

Альманах «**МОИ**»
Электронное издание, ISBN 9984-688-57-7

Альманах «Мысли об Истине» издается для борьбы с лженаукой во всех ее проявлениях и в поддержку идей, положенных в основу деятельности Комиссии РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований. В альманахе публикуются различные материалы, способствующие установлению научной истины и отвержению псевдонаучных заблуждений в человеческом обществе.

Альманах издается с 8 августа 2013 года
Настоящая версия тома выпущена **2015-11-22**

© 2015 Марина Ипатьева (оформление и комментарии)

Эразм Роттердамский.¹
Портрет кисти Ганса Гольбейна младшего

Настоящий выпуск Альманаха посвящается академику РАН **Юрию Григорьевичу Решетняку**, действия которого снова и снова вызывали в мою память сочинение Эразма Роттердамского, отчего, в конце концов, я решилась перепечатать его у себя.

МОИ

Эразм Роттердамский. Похвала глупости

Государственное издательство художественной литературы (ГИХЛ), М., 1960.

Перевод с латинского П.К. Губера.

Редакция перевода С.П. Маркиша.²

Статья и комментарии Л.Е. Пинского.

Курсивом выделены слова и выражения, в оригинале написанные по-гречески.

OCR: Алексей Черных (abch@hotmail.ru)³.

Библиотека Мошкова: Last-modified: Tue, 20 Jun 2000 06:35:00 GMT.

¹ **МОИ 2015-11-18:** *1466.10.28, † 1536.07.12 по Юлианскому календарю; по нашему *1466.11.06, † 1536.07.22. Жил 25·460 дней или 69 лет, 8 месяцев и 14 дней.

² **МОИ 2015-11-12:** Маркишом отредактировано издание 1960 года. Я имела возможность сравнить его текст с изданием 1931 года (где нередактированный перевод Губера) и с оригинальным латинским текстом, и могу сказать, что это «редактирование», как и в большинстве подобных случаев, представляет собой пагубное искажение, и меня весьма раздражало. Но всё же я в этом выпуске оставила нетронутым текст 1960 года, так как текста 1931 года у меня не было в электронном виде, пригодном для внесения в Альманах, а изготовлять его было бы очень и очень трудоемко.

³ **МОИ 2015-11-13:** С моими исправлениями. Текст Алексея Черных сравнительно хороший (для интернетовской публикации), но всё же пара сотен ошибок была мной исправлена.

Предисловие автора

Эразм Роттердамский своему милому Томасу Морю⁴ – привет.

В недавние дни, возвращаясь из Италии в Англию и не желая, чтобы время, проводимое на лошади, расточалось в пустых разговорах, *чуждых Музам* и литературе, я либо размышлял о совместных ученых занятиях, либо наслаждался мысленно, вспоминая о покинутых друзьях, столь же ученых, сколь любезных моему сердцу. Между ними и ты, милый Мор, являлся мне в числе первых: вдали от тебя я не менее наслаждался воспоминаниями, нежели, бывало, вблизи – общением с тобою, которое, клянусь, слаще всего, что мне случалось отведать в жизни. И вот я решил заняться каким-нибудь делом, а поскольку обстоятельства не благоприятствовали предметам важным, то и задумал я сложить похвальное слово Глупости. «Что за Паллада внушила тебе эту мысль?» – спросишь ты. Прежде всего, навело меня на эту мысль родовое имя Мора, столь же близкое к слову *мория*,⁵ сколь сам ты далек от ее существа, ибо, по общему приговору, ты от нее всех дальше. Затем мне казалось, что эта игра ума моего тебе особенно должна прийтись по вкусу, потому что ты всегда любил шутки такого рода, иначе говоря – ученые и не лишены соли (ежели только не заблуждаюсь я в оценке собственного моего творения), и вообще не прочь был поглядеть на человеческую жизнь глазами Демокрита.⁶ Хотя по исключительной прозорливости ума ты чрезвычайно далек от вкусов и воззрений грубой толпы, зато благодаря необыкновенной легкости и кротости нрава можешь и любишь, снисходя до общего уровня, играть роль самого обыкновенного человека. А значит, ты не только благосклонно примешь эту мою ораторскую безделку, эту *памятку* о твоём товарище, но и возьмешь ее под свою защиту; отныне, тебе посвященная, она уже не моя, а твоя.

Найдутся, быть может, хулители, которые станут распространять клевету, будто легкие эти шутки не к лицу теологу и слишком язвительны для христианского смирения; быть может, даже обвинят меня в том, что я воскрешаю древнюю комедию или, по примеру Лукиана,⁷ подвергаю осмеянию всех и каждого. Но пусть те, кого возмущают легкость предмета и шутливость изложения, вспомнят, что я лишь последовал примеру многих великих писателей. Сколько веков тому назад Гомер воспел *Батрахомиомахию*,⁸ Марон – комара и чесночную закуску,⁹ Овидий¹⁰ – орех! Поликрат написал похвальное слово Бусириду, которое затем исправил Исократ,¹¹ Главк восхвалял неправосудие,¹² Фаворин – Терсита¹³ и перемежающуюся лихорадку, Синесий¹⁴ – лысину. Лукиан – муху и блоху,¹⁵ Сенека сочинил шуточный апофеоз Клавдия,¹⁶ Плутарх –

⁴ Томас Мор (1478–1535) – известный английский гуманист и государственный деятель, с которым Эразм был дружен. Его перу принадлежит знаменитая «Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия» (1516).

⁵ Мория – глупость (греч.). **МОИ 2015-11-16:** пишется Μωρία.

⁶ Демокрит Абдерский (ок. 460 – ок. 370 до н.э.) – великий древнегреческий философ-материалист, основатель учения об атомах, как неизменных элементах материи. Древние называли Демокрита «смеющимся философом».

⁷ Лукиан (ок. 120–180 н.э.) – знаменитый древнегреческий сатирик, автор многочисленных диалогов, памфлетов и сатирических рассказов, в которых зло осмеивал религиозные представления языческой мифологии и раннего христианства.

⁸ Батрахомиомахия (то есть «Война мышей и лягушек») – древнегреческая поэма (V в. до н.э.), в которой борьба лягушек и мышей описана наподобие войны троянцев с ахейцами, изображенной в «Илиаде». Во времена Эразма «Батрахомиомахия» приписывалась, по античной традиции, Гомеру.

⁹ Среди приписываемых знаменитому римскому поэту Публию Вергилию Марону (70–19 до н.э.) стихотворений есть две маленькие шуточные поэмы, на которые и намекает здесь Эразм.

¹⁰ Публий Овидий Назон (43 до н.э. – 18 н.э.) – один из крупнейших римских поэтов.

¹¹ Исократ (436–338 до н.э.) – знаменитый афинский оратор, автор многочисленных речей и декламаций. В речи «Бусирид» он исправляет и дополняет софиста Поликрата, восхвалявшего легендарного египетского царя Бусирида, который приносил в жертву богам всех прибывавших в Египет чужеземцев.

¹² Намек на рассуждения софиста Главка в диалоге Платона, «Государство» (II, 2).

¹³ Фаворин из Арелата (ныне Арль во Франции) – греческий ритор и философ (II в. н.э.); Терсит – ахейский воин, изображенный безобразным, дерзким и злым («Илиада», II, 216–219).

¹⁴ Синесий Киренский (370–413 н.э.) – философ-неоплатоник александрийской школы; принял христианство и был митрополитом Киренского пятиградия (в Северной Африке). Среди произведений Синесия до нас дошло шутивное «Похвальное слово плешу».

¹⁵ Эразм имеет в виду «Похвальное слово мухе» Лукиана.

разговор Грилла с Улиссом,¹⁷ Лукиан и Апулей – похождения осла¹⁸ и уже не помню кто – завещание поросенка¹⁹ по имени Грунный Корокотта, о чем упоминает св. Иероним.²⁰

Если же всего этого мало, то пусть вообразят строгие мои судьи, что мне пришла охота поиграть в бирюльки или поездить верхом на длинной хворостине. В самом деле, разрешая игры людям всякого звания, справедливо ли отказывать в них ученому, тем более если он так трактует забавные предметы, что читатель, не вовсе бестолковый, извлечет отсюда более пользы, чем из иного педантского и напыщенного рассуждения? Вот один в терпеливо составленной из разных кусков речи прославляет риторику и философию, вот другой слагает хвалы какому-нибудь государю, вот третий призывает к войне с турками. Иной предсказывает будущее, иной поднимает новые вопросы – один другого пустячнее и ничтожнее. Но ежели ничего нет нелепее, чем трактовать важные предметы на вздорный лад, то ничего нет забавнее, чем трактовать чушь таким манером, чтобы она отнюдь не казалась чушью. Конечно, пусть судят меня другие: однако коль скоро не вконец обольстила меня *Филавтия*,²¹ то сдаётся мне, что я восхвалил Глупость не совсем глупо. Что же касается пустого упрека в излишней резкости, то отвечу, что всегда дозволено было безнаказанно насмеяться над повседневной человеческой жизнью, лишь бы эта вольность не переходила в неистовство. Весьма дивлюсь я нежности современных ушей, которые, кажется, ничего не выносят, кроме торжественных титулов. Немало также увидишь в наш век таких богомоллов, которые скорее стерпят тягчайшую хулу на Христа, нежели самую безобидную шутку насчет папы или государя, в особенности когда дело затрагивает *интересы кармана*. Но если кто судит жизнь человеческую, не называя имен, то почему, спрошу я, видеть здесь непременно язвительное издевательство, а не наставление, не увещание? А в противном случае сколь часто пришлось бы мне обращаться с укорами и порицаниями к самому себе! И, наконец, кто не щадит ни одного звания в роде людском, тот ясно показывает, что не против отдельных лиц, а только против пороков он ополчился. Итак, если кто теперь станет кричать, жалуясь на личную обиду, то лишь выдаст тем свой страх и нечистую совесть. Куда вольней и язвительней писал св. Иероним, не щадивший и имен порою! Я же не только избегал повсеместно имен собственных, но сверх того старался умерить всячески слог, дабы разумному читателю сразу же было понятно, что я стремлюсь скорее к смеху, нежели к злomu глумлению. Я не хотел по примеру Ювенала²² ворошить сточную яму тайных пороков и охотнее выставлял напоказ смешное, нежели гнусное.

Того, кто не удовлетворится всем сказанным, прошу вспомнить для утешения, что весьма почтенно служить жертвою нападков Глупости, от лица которой я взял слово. Впрочем, стоит ли говорить всё это такому искусному адвокату, как ты,²³ и без того ты сумеешь отстоять наилучшим образом даже и не столь правое дело. Прощай же, мой красноречивейший Мор, и Морию твою защищай всеусердно.

Писано в деревне, 10 июня 1508 г.²⁴

¹⁶ Луций Анней Сенека (I в. н.э.) – знаменитый римский философ-стоик. Эразм имеет в виду сатиру «Отыквление», написанную Сенекой на смерть императора Клавдия.

¹⁷ В одном из сочинений выдающегося греческого писателя-моралиста Плутарха (ок. 46–126 н.э.) выведен Грилл – спутник Улисса (Одиссея), превращенный (как и его товарищи) волшебницей Цирцеей в свинью. Предпочитая оставаться в этом состоянии, Грилл убеждает Одиссея в преимуществах четвероногих над двуногими.

¹⁸ Апулей (род. ок. 124 н.э.) – известный римский писатель. Его роман «Метаморфозы» («Золотой Осел») по основной сюжетной схеме близок к приписываемой Лукиану повести «Лукий, или Осел». В обоих произведениях рассказывается о приключениях юноши, превратившегося в осла.

¹⁹ «Завещание поросенка» – шуточное анонимное сочинение на латинском языке (III или IV в. н.э.).

²⁰ Иероним (ок. 340–420 н.э.) из Далмации – известный теолог, автор многих богословских сочинений; ему принадлежит латинский перевод Библии, так называемая «Вульгата». Эразм издал в 1516 году полное собрание сочинений св. Иеронима, снабдив их своими комментариями.

²¹ Филавтия – Самолюбие (греч.). Ниже (гл. IX) упомянута в числе спутниц Глупости.

²² Децим Юний Ювенал (I–II вв. н.э.) – знаменитый древнеримский поэт-сатирик, бичевавший римские нравы императорской эпохи.

²³ Томас Мор начал свою деятельность как адвокат.

²⁴ Дата, по-видимому, ошибочная (возможно, опечатка первого издания). «Похвальное слово Глупости» написано не раньше 1510 года, издано впервые в 1511 году. **МОИ 2015-11-16:** Согласно латинскому тексту https://la.wikisource.org/wiki/Moriae_encomium, подпись такова: Ex Rure Quinto Idus Iunias, [AN. MDVII]. То есть, Эразм, видимо, вообще не поставил года, а издатели дали 1507 год; сам Викиресурс (как и Википедия) датирует текст 1509 годом (когда Эразм переехал из Италии в Англию).

Глупость говорит:

Глава I. Глупость одним своим видом разгоняет заботы слушателей

Пусть грубые смертные толкуют обо мне, как им угодно, – мне ведомо, на каком худом счету Глупость даже у глупейших, – всё же я дерзаю утверждать, что мое божественное присутствие, и только оно одно, веселит богов и людей. Наилучшее тому доказательство – перед вами: едва взошла я на кафедру в этом многолюдном собрании, как все лица просияли небывалым, необычайным весельем, все подались вперед и повсеместно раздался радостный, ликующий смех. При взгляде на вас кажется мне, будто я вижу богов Гомеровых, охмелевших от нектара, настоящего на непенте,²⁵ а ведь только что вы сидели печальные и озабоченные, словно воротились недавно из Трофониевой пещеры.²⁶ Подобно тому как утреннее солнце, показывающее земле свой прекрасный золотой лик, или как ранняя весна, веющая приятными зефирами после суровой зимы, всему сообщают новый цвет и вид и новую юность, так и у вас при взгляде на меня совсем иными сделались лица. В то время как даже великие риторы лишь при помощи длинной, старательно обдуманной речи понуждают вас стряхнуть с души тяжелые заботы, я достигла этого сразу, единым моим появлением.

Глава II. Содержание речи

Чего ради выступаю я сегодня в несвойственном мне обличи, об этом вы узнаете, ежели будете слушать внимательно, – не так, как слушают церковных проповедников, но как внимают рыночным скоморохам, шутам и фиглярам или так, как наш друг Мидас слушал некогда Пана.²⁷ Ибо захотелось мне появиться перед вами в роли софиста, но только – не одного из тех, которые ныне вколачивают в головы мальчишкам вредную чушь и научают их препираться с упорством, более чем бабьим. Нет, я хочу подражать тем древним грекам, которые, избегая позорной клички мудрецов, предпочли назваться софистами.²⁸ Их тщанием слагались хвалы богам и великим людям. И вы тоже услышите сегодня похвальное слово, но не Гераклу и не Солону,²⁹ а мне самой, иначе говоря – Глупости.

Глава III. Почему Глупость сама себя хвалит

Воистину не забочусь я нисколько о тех любомудрах, которые провозглашают дерзновеннейшим глупцом всякого, кто произносит хвалы самому себе. Ладно, пусть это будет глупо, если уж им так хочется, – лишь бы зазорно не было. Кому, однако, как не Глупости, больше подобает явиться трубачом *собственной славы* и самой себе подыгрывать на флейте? Кто может лучше изобразить меня, нежели я сама? Разве что тот, кому я известна ближе, нежели себе самой! Сверх того, действуя таким образом, я почитаю себя скромнее большинства великих и мудрых мира сего. Удерживаемые ложным стыдом, они не решаются выступить сами, но вместо того нанимают какого-нибудь продажного ритора или поэта-пустозвона, из чьих уст выслушивают похвалу, иначе говоря – ложь несусветную. Наш смиренник распускает хвост, словно павлин, задирает хохол, а тем временем бесстыжий льстец приравнивает этого ничтожного человека к богам, выставляет его образцом всех доблестей, до которых тому, *как до звезды небесной, далеко*, наряжает ворону в павлиньи перья, *старается выбелить эфиона и из мухи делает слона*.

²⁵ Непента – упоминаемое в «Одиссее» растение, которое усиливало опьяняющее действие кипа.

²⁶ Трофониева пещера – оракул Зевса в Беотии. Обстановка, в которой давались предсказания, была настолько ужасна, что все побывавшие в пещере выходили из нее потрясенные.

²⁷ Царь Фригии Мидас, присутствовавший при состязании Аполлона с Паном, предпочел простую свирель Пана кифаре Аполлона. В наказание оскорбленный бог наградил его ослиными ушами (греч. миф.). **МОИ 2015-11-16:** Мидас был избран судьей в состязании между Аполлоном и Паном.

²⁸ Имеется в виду течение в древнегреческой философии (V–IV вв. до н.э.), взгляды представителей которого (Горгия, Протагора, Продика, Гиппия и др.) были проникнуты скептицизмом, субъективизмом и релятивизмом. Они называли себя софистами (от греч. «софия» – мудрость) и обучали «мудрости», прежде всего – умению аргументировать любой тезис. Сократ, Платон и Аристотель осуждали софистов, противопоставляя их учению объективные и общеобязательные нормы разума и морали. Со временем термином «софистика» стали обозначать «мнимую мудрость» (по определению Аристотеля).

²⁹ Солон (ок. 638 – ок. 559 до н.э.) – законодатель древних Афин и один из древнейших аттических поэтов. Солон греки считали одним из величайших мудрецов.

Наконец, я применяю на деле народную поговорку, гласящую: «Сам выхваляйся, коли люди не хвалят». Не знаю, чему удивиться – лености или неблагодарности смертных: хотя все они меня усердно чтут и охотно пользуются моими благодеяниями, никто, однако, в продолжение стольких веков не удосужился воздать в благодарственной речи похвалу Глупости, тогда как не было недостатка в охотниках сочинять, не жалея лампового масла и жертвуя сном, напыщенные славословия Бусиридам, Фаларидам,³⁰ перемежающимся лихорадкам, мухам, лысынам и тому подобным напастям. От меня же вы услышите речь, не подготовленную заранее и не обработанную, но зато тем более правдивую.

Глава IV. Почему говорит без подготовки

Не хотелось бы мне, чтобы вы заподозрили меня в желании блеснуть остроумием по примеру большинства ораторов. Ведь те, – дело известное, – когда читают речь, над которой бились лет тридцать, а иногда так и вовсе чужую, то дают понять, будто сочинили ее между делом, шутки ради, в три дня, или просто продиктовали невзначай. Мне же всегда особенно приятно было говорить то, что *в голову взбредет*. И да не ждет никто, чтобы я по примеру тех же заурядных риториков стала предлагать вам здесь точные определения, а тем более разделения. Ибо как ограничить определениями ту, чья божественная сила простирается так широко, или разделить ту, в служении которой объединился весь мир? Да и вообще, к чему выставлять напоказ тень мою или образ, когда вот я сама стою здесь перед вами? Видите? Вот я, Глупость, щедрая подательница всяческих благ, которую латиняне зовут Стультицией,³¹ а греки *Морией*.

Глава V. Глупость сразу же сама себя выдает

Да и вообще – нужны ли здесь слова? Разве само чело мое и лик, как говорится, не достаточно свидетельствуют о том, кто я такая? Если бы кто даже и решился выдать меня за Минерву или за Софию, мое лицо – правдивое зеркало души – опровергло бы его без долгих речей. Нет во мне никакого притворства, и я не стараюсь изобразить на лбу своем то, чего нет у меня в сердце. Всегда и всюду я неизменна, так что не могут скрыть меня даже те, кто из всех сил старается присвоить себе личину и титул мудрости, – эти *обезьяны, рядящиеся в пурпур, и ослы, щеголяющие в львиной шкуре*. Пусть притворствуют как угодно: торчащие ушки всё равно выдадут Мидаса. Неблагодарна, клянусь Гераклом, и та порода людей, которая всего теснее связана со мною, а между тем при народе так стыдится моего имени, что даже попрекает им своих ближних, словно бранною кличкой. Эти глупейшие из глупцов хотят прослыть мудрецами и Фалесами,³² но можно ли назвать их иначе, как *глупомудрами*?³³

Глава VI. Подражание риторам

Как видите, мне действительно захотелось подражать риторам нашего времени, которые считают себя уподобившимися богам, если им удастся прослыть двуязычными,³⁴ напоподобие пиявок, и которые полагают верхом изящества пересыпать латинские речи греческими словечками, словно бубенцами, хотя бы это и было совсем некстати. Если же не хватает им заморской тарабарщины, они извлекают из полуистлевших грамот несколько устарелых речений, чтобы пустить пыль в глаза читателю. Кто понимает, тот тешится самодовольством, а кто не понимает, тот тем более удивляется, чем менее понимает. Ибо нашей братии весьма приятно бывает восхищаться всем иноземным. А ежели среди невежественных слушателей и читателей попадутся люди самолюбивые, они смеются, рукоплещут и, на ослиный лад, помахивают ушами, дабы другие не сочли их несведущими. Да, именно так.

Теперь возвращаюсь к главному предмету моей речи.

³⁰ Фаларид (VI в. до н.э.) – тиран Агригента (Сицилия), отличавшийся крайней жестокостью. Лукиан написал два «Слова» о Фалариде: первое произносят в защиту тирана его посланцы, обращаясь к жрецам Аполлона и народу дельфийскому, второе, ответное, – один из дельфийцев.

³¹ Стультиция – глупость (лат.). **МОИ 2015-11-09:** По-латински *Stultitia*.

³² Фалес из Милета (ок. 624–547 до н.э.) – родоначальник античной философии, впервые высказавший идею о единой материальной основе мира (считая такой основой воду). Один из так называемых «семи греческих мудрецов».

³³ **МОИ 2015-11-12:** В оригинале «*mērosophous*».

³⁴ Двуязычные – то есть знающие греческий и латинский языки.

Глава VII. Родословная Глупости

Итак, мужи... каким бы эпитетом вас почтить? Ах да, конечно: мужи глупейшие! Ибо какое более почетное прозвище может даровать богиня Глупость сопричастникам ее тайнств? Но поскольку далеко не всем известно, из какого рода я происхожу, то и попытаюсь изложить это здесь, с помощью Муз. Родителем моим был не Хаос, не Орк, не Сатурн, не Иапет³⁵ и никто другой из этих обветшалых, полуистлевших богов, но Плутос,³⁶ который, не во гнев будь сказано Гомеру, Гесиоду³⁷ и даже самому Юпитеру, есть единственный и подлинный *отец богов и людей*.³⁸ По его мановению в древности, как и ныне, свершалось и свершается всё – и священное и мирское. От его приговоров зависят войны, мир, государственная власть, советы, суды, народные собрания, браки, союзы, законы, искусства, игрища, ученые труды... – вот уж и дыхания не хватает, – коротко говоря, все общественные и частные дела смертных. Без его содействия всего этого племени поэтических божеств – скажу больше: даже верховных богов³⁹ – вовсе не было бы на свете или они прозябали бы самым жалким образом. На кого он прогневаётся, того не выручит и сама Паллада. Напротив, кому он благоволит, тому и дела нет до Юпитера с его громами. *Вот каков мой отец*. И породил он меня не из головы своей, как некогда Юпитер эту хмурую, чопорную Палладу, но от Неотеты,⁴⁰ самой прелестной и веселой из нимф. И не в узах унылого брака, как тот хромоу кузнец,⁴¹ родилась я, но – что не в пример сладостнее – *от вождения свободной любви*, пользуясь словами нашего милого Гомера. И сам отец мой, должно вам знать, был в ту пору не дряхлым полуслепым Плутосом Аристофана,⁴² но ловким и бодрым, хмельным от юности, а еще больше – от нектара, которого хлебнул он изрядно на пиру у богов.

Глава VIII. Место рождения Глупости, ее кормилицы

Если вы спросите о месте моего рождения, – ибо в наши дни благородство зависит прежде всего от того, где издал ты свой первый младенческий крик, – то я отвечу, что не на блуждающем Делосе, и не среди волнующегося моря,⁴³ и не *под сенью пещеры*⁴⁴ родилась я, но на тех Счастливых островах, где *не сеют, не пахут*, а в житницы собирают. Там нет ни труда, ни старости, ни болезней, там на полях не увидишь асфоделей, мальв, морского луку, волчцов, бобов и тому подобной дряни, но повсеместно глаза и обоняние твои ласкают молий, панацея,⁴⁵ непента, майоран, бессмертники, лотосы, розы, фиалки и гиацинты, достойные садов Адонисовых.⁴⁶ Рожденная среди этих усад, не с плачем вступила я в жизнь, но ласково улыбнулась матери. Право, не завидую я *вышнему Крониду*, вскормленному козой,⁴⁷ – ведь меня питали своими сосцами две прелестные нимфы – Метэ,⁴⁸ рожденная Вакхом, и Апедия,⁴⁹ дочь Пана.

³⁵ Иапет – титан, отец титанов Прометея, Эпиметея и Атланта.

³⁶ Плутос – греческий бог богатства.

³⁷ Гесиод – древнегреческий поэт VIII–VII вв. до н.э.; ему принадлежат две большие дидактические поэмы «Труды и дни» и «Теогония» («Происхождение богов»).

³⁸ Так Гомер и Гесиод неоднократно называют Зевса (Юпитера).

³⁹ Греческая мифология насчитывала 12 главных (верховных) богов и богинь.

⁴⁰ Неотета – Юность (греч.). **МОИ 2015-11-09**: Значит, она – мать Глупости.

⁴¹ Хромоу кузнец – Гефест, греческий бог огня и кузнечного ремесла. **МОИ 2015-11-09**: Римский Вулкан; был сыном Зевса и Геры (Юпитера и Юноны).

⁴² В комедии великого древнегреческого комедиографа Аристофана (ок. 445–385 до н.э.) «Богатство» бог богатства Плутос выведен в образе слепого старика.

⁴³ На острове Делосе, который носился до этого по морским волнам, родился бог Аполлон. Из морской пены возникла богиня Афродита (греч. миф.).

⁴⁴ Намек на миф о рождении Зевса.

⁴⁵ Молий – растение, употреблявшееся древними как средство против колдовских чар. Панацея – мифическая трава, исцеляющая все болезни.

⁴⁶ Адонис – прекрасный юноша, любимец Афродиты; был растерзан вепрем во время охоты, а затем превращен богиней в цветок (греч. миф.). Сады Адониса – поговорка, обозначающая всё непрочное, быстро преходящее, доставляющее лишь кратковременное удовольствие.

⁴⁷ Кронид – сын Крона, то есть Зевс. Крон, зная, что он будет свергнут одним из сыновей, проглатывал всех своих детей, как только они рождались. Младшего сына, Зевса мать его Рея родила в пещере на острове Крите и, спрятав от отца, поручила заботам нимф, которые вскормили его молоком божественной козы Амалфеи (греч. миф.).

⁴⁸ Метэ – Опыяние (греч.).

⁴⁹ Апедия – Невоспитанность (греч.).

Обеих вы видите в толпе моих спутниц и наперсниц. А если вам угодно знать имена всех прочих, то – клянусь Гераклом! – я назову их не иначе, как по-гречески.

Глава IX. Спутники Глупости

Вот эта, с горделиво поднятыми бровями, – *Филавтия*. Та, что улыбается одними глазами и плещет в ладоши, носит имя *Колакия*.⁵⁰ А эта, полусонная, словно дремлющая, зовется *Летой*.⁵¹ Эта, что сидит со сложенными руками, опершись на локти, – *Мисопония*.⁵² Эта, увитая розами и опрысканная благовониями, – *Гедонэ*.⁵³ Эта, с беспокойно блуждающим взором, называется *Анойя*.⁵⁴ Эта, с лоснящейся кожей и раскормленным телом, носит имя *Трифэ*.⁵⁵ Взгляните еще на этих двух богов, замешавшихся в девичий хоровод: одного из них зовут *Комос*,⁵⁶ а другого – *Негретос Гипнос*.⁵⁷ С помощью этих верных слуг я подчиняю своей власти весь род людской, отдаю повеления самим императорам.

Глава X. Глупость – богиня

Теперь вы знаете, каков мой род, каково воспитание и какова свита. Дабы не подумал никто, будто я без должного права присвоила себе звание богини, внимайте, наострив уши, какими благами одаряю я богов и людей и как широко простирается моя божественная сила.

Если не зря написал некто, что быть богом – значит помогать смертным, и ежели по заслугам допущены в верховное собрание богов те, кто ввел в употребление хлеб, вино и прочие полезные вещи, то почему бы и мне не именоваться альфой в алфавите богов, поскольку я щедрее всех?

Глава XI. Глупости люди обязаны и самой жизнью, и всеми житейскими благами

Прежде всего – что может быть слаще и драгоценней самой жизни? Но кому обязаны вы возникновением ее, если не мне? Ведь не копье Паллады, *дщери могучего отца*, и не эгида *тучегонителя* Зевса⁵⁸ производят и умножают род людской. Воистину, сам отец богов и владыка людей, сотрясающий Олимп единым своим мановением, откладывает порою в сторонку трезубые свои молнии и обличье титана, столь страшное небожителям. Волей-неволей напяливает он, подобно актеру, чужую личину, когда овладевает им столь привычное для него желание *делать детей*. Стойки полагают, что они всего ближе к богам. Но дайте мне тройного, четверного, дайте, если угодно, тысячекратного стойка, – я докажу, что и ему придется в подобном случае отложить в сторону если не бороду, знамя мудрости, общее, впрочем, с козлами, то свою хмурую важность и свои твердокаменные догматы,⁵⁹ придется расправить морщины на лбу и покориться сладостному безумию. Утверждаю, что ко мне, лишь ко мне одной, должен будет взывать этот мудрец, ежели только возжелает стать отцом. Впрочем, почему бы мне, по обычаю моему, не изъясниться еще откровеннее? Скажите, пожалуйста, разве голова, лицо, грудь, рука, ухо или какая другая часть тела из тех, что слывут добропорядочными, производит на свет богов и людей? Нет, умножает род человеческий совсем иная часть, до того глупая, до того смешная, что и поименовать-то ее нельзя, не вызвав общего хохота. Таков, однако, источник, более священный, нежели числа Пифагоровы,⁶⁰ и из него всё живущее получает свое начало. Скажите

⁵⁰ Колакия – Лесть (греч.).

⁵¹ Лета – Забвение (греч.).

⁵² Мисопония – Лень (греч.).

⁵³ Гедонэ – Наслаждение (греч.).

⁵⁴ Анойя – Безумие (греч.).

⁵⁵ Трифэ – Чревоугодие (греч.).

⁵⁶ Комос – Разгул (греч.).

⁵⁷ Негретос Гипнос – Непробудный сон (греч.).

⁵⁸ Эгида – щит Зевса, сделанный из кожи выкормившей его козы Амалфеи (греч. миф.).

⁵⁹ Эразм говорит об этике стоицизма, философского учения, основанного древнегреческим философом Зеноном (IV–III вв. до н.э.) и получившего широкое распространение в Римской империи (Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий и др.). Стойки проповедовали отказ от радостей жизни и подчинение всех человеческих страстей и чувств разуму.

⁶⁰ По мысли древнегреческого философа Пифагора (VI в. до н.э.), в основе всего сущего лежит число. **МОИ 2015-11-15:** В оригинале: «Is est sacer ille fons, unde uitam hauriunt omnia uerius quam ille Pythagoricus quaternio», т.е. речь не о «числах Пифагоровых» вообще, а о «пифагоровой четверке» или

по совести, какой муж согласился бы надеть на себя узду брака, если бы, по обычаю мудрецов, предварительно взвесил все невыгоды супружеской жизни? Какая женщина допустила бы к себе мужа, если бы подумала и поразмыслила об опасностях и муках родов и о трудностях воспитания детей? Но если жизнью мы обязаны супружеству, а супружеством – моей служанке Анойе, то сами вы понимаете, в какой мере являетесь моими должниками. Далее, какая женщина, единожды попробовавшая рожать, согласилась бы повторить этот опыт, если б не божественная сила спутницы моей Леты? Не во гнев будь сказано Лукрецию, сама Венера не посмеет отрицать, что без моей чудесной помощи всё ее могущество не имело бы ни силы, ни действия.⁶¹ Итак, только благодаря моей хмельной и веселой игре рождаются на свет и угрюмые философы, чье место в наши дни унаследовали так называемые монахи, и порфиноносные государи, и благочестивые иереи, и трижды пречистые первосвященники, а за ними и весь этот рой поэтических богов, до того многочисленный, что самый Олимп, сколь он ни обширен, едва может вместить такую толпу.

Глава XII. Всё приятное – дар Глупости

Но мало того что во мне вы обрели рассадник и источник всяческой жизни: всё, что есть в жизни приятного, – тоже мой дар, и я берусь вам это доказать. Чем была бы земная наша жизнь, и вообще стоило ли бы называть ее жизнью, если б лишена была наслаждений? Вы рукоплещете? Я так и знала, что никто из вас не настолько мудр или, лучше сказать, не настолько глуп, нет – именно не настолько мудр, чтобы не согласиться с моим мнением. Сами стойки отнюдь не отворачиваются от наслаждений. Лицемеры и клеймя наслаждение перед грубой толпой, они просто хотят отпугнуть других, чтобы самим вольготнее было наслаждаться. Но пусть ответят они мне ради Зевса: что останется в жизни, кроме печали, скуки, томления, несносных доук и тягот, если не примешать к ней малую толику наслаждения, иначе говоря, если не сдобрить ее глупостью? Ссылаюсь на свидетельство прославленного Софокла, который воздал мне следующую красноречивую хвалу:

Блаженна жизнь, пока живешь без дум.⁶²

Попытаемся, однако, рассмотреть этот предмет более обстоятельно.

Глава XIII. Родство Глупости с детством и старостью

Прежде всего, кому не известно, что первые годы – самый приятный и веселый возраст в жизни человека? Детей любят, целуют, ласкают, даже враг-чужеземец готов прийти к ним на помощь. Чем объяснить это, если не тем, что мудрая природа окутала младенцев привлекательным покровом глупости, который, чаруя родителей и воспитателей, вознаграждает их за труды, а малюткам доставляет любовь и опеку, для них необходимые.

За детством следует юность. Кому она не мила, кто к ней не благоволит, кто не стремится помочь ей, кто не протягивает ей дружелюбную руку? Но в чем, спрошу я, источник очарования юности, если не во мне? Чем меньше умничает мальчик по моей милости, тем приятнее он всем и каждому. Разве я лгу, утверждая, что люди, по мере того как они становятся старше и начинают умнеть благодаря собственному опыту и воспитанию, понемногу теряют свою привлекательность, проворство, красоту и силу? Чем более удаляется от меня человек, тем меньше остается ему жить, пока не наступит наконец тягостная старость, ненавистная не только другим, но и самой себе. Никто из смертных не вынес бы старости, если б я не сжалилась над несчастными и не поспешила бы на помощь. Подобно тому как у поэтов боги, видя, что человек готов расстаться с жизнью, стараются облегчить его участь посредством какой-нибудь *метаморфозы*,⁶³ так и я, по мере возможности, возвращаю к детству тех, кто стоит уже на краю могилы. Недаром про дряхлеющих старцев говорят в народе, будто они впали во *второе детство*. Если кто спросит, каким способом произвожу я подобное превращение, то это не тайна. Я веду старцев к истоку

«четверичности». Числа, конечно, у Пифагора были «святыми», но четверка среди прочих чисел была еще особенно выделенной.

⁶¹ Тит Лукреций Кар (ок. 99–55 до н.э.) – знаменитый римский поэт и философ-материалист. Его поэма «О природе вещей» начинается гимном Венере: «Рода Энеева мать, людей и бессмертных услада, О благая Венера!» (Перевод Ф. Петровского).

⁶² Слова из трагедии великого древнегреческого трагика Софокла (ок. 497–407 до н.э.) «Аянт Биченосец» (554).

⁶³ *Метаморфоза* – превращение (греч.).

Леты, берущей свое начало на Счастливых островах (лишь узким ручейком струится она затем вдоль Подземного царства), и там, испив влаги забвения, они понемногу смывают с души своей все заботы и набираются новых сил. О них говорят, будто выжили они из ума и несут вздор... Тем лучше! Это и означает, что они снова стали детьми. Быть ребенком и нести вздор – разве это не одно и то же? Разве не больше других веселится в этом возрасте тот, кто поглупее? Кому не мерзко и не кажется чудовищем мальчик с умом взрослого человека? Пословица недаром гласит: Ненавижу я мальчишек, зрелых преждевременно.

И кто согласится водить знакомство со стариком, который, наряду с приобретенной за долгие годы опытностью, сохранил полностью силу духа и остроту ума? Лучше уж ему, право, стать дураком по моей милости. Это избавит его от тяжких забот, которые терзают мудреца. Благодаря мне он еще считается недурным собутыльником. Он не испытывает пресыщения жизнью, столь мучительного в более молодом возрасте. Когда он, по примеру старичка, выведенного Плавтом, пожелает вспомнить коротенькое словечко: ЛЮБЛЮ, он будет несчастнейшим из людей, ежели сохранил свой ум.⁶⁴ А между тем по моей милости он счастлив, приятен друзьям и может порою принять участие в веселой беседе. Из уст его, как у Гомерова Нестора, струится речь слаще меда, в то время как Ахилл изливает свою злобу в желчных словах.⁶⁵ У того же Гомера старики беседуют, сидя на городской стене, и голоса их поэт сравнивает с шелестом, лилий.⁶⁶ В этом отношении старость стоит даже выше младенчества, без сомнения сладостного, но бессловесного, лишенного приятнейшей из житейских утех – мирной болтовни.

Прибавьте к этому, что старики очень любят детей, а дети легко привязываются к старикам.

Сходные вещи сблизать привыкли великие боги.⁶⁷

Да и в самом деле, какая разница между стариком и ребенком, если не считать того, что первый изборужден морщинами и насчитывает больше дней от рождения? Те же белые волосы, беззубый рот, малый рост, пристрастие к молоку, косноязычие, болтливость, бестолковость, забывчивость, опрометчивость. Коротко говоря, они во всем подобны друг другу. Чем более стареют люди, тем ближе они к детям, и, наконец, словно настоящие младенцы, не испытывая отращения к жизни, не сознавая смерти, уходят они из мира.

Глава XIV. Глупость продлевает юность и отгоняет старость

Теперь пусть всякий, кто захочет, сравнит мои благодеяния с метаморфозами, совершавшимися по манию других богов. Не стоит вспоминать здесь, что творят они в порыве гнева, – ведь даже тех, к кому они особенно благосклонны, эти боги превращают в дерево, в птицу, в цикаду и даже в змею. Как будто лишиться образа своего не значит погибнуть! Я же, оставив человека самим собою, лишь возвращаю его к лучшей и счастливейшей поре жизни. Если бы смертные удалялись от всякого общения с мудростью и проводили всю жизнь свою в моем обществе, не было бы на свете ни одного старца, но все наслаждались бы вечной юностью. Взгляните на этих тощих угрюмцев, которые предаются либо изучению философии, либо иным трудным и скучным занятиям. Не успев стать юношами, они уже состарились. Заботы и непрерывные упорные размышления опустошили их души, иссушили жизненные соки. А мои дурачки,⁶⁸ напротив того, – гладенькие, беленькие, с холеной шкуркой, настоящие *акарнанские свинки*,⁶⁹ никогда не испытают они тягот старости, ежели только не заразятся ею, общаясь с умниками. Не дано человеку быть всегда и во всем счастливым. Недаром, однако, учит нас народная пословица, что одна только глупость способна удержать быстро бегущую юность и отдалить постыльную старость.

⁶⁴ Эразм намекает на сцену из комедии «Купец» (акт II, сц. 2) великого римского комедиографа Тита Макция Плавта (ок. 254–184 до н.э.). **МОИ 2015-11-11:** В этой сцене один старик рассказывает, что в школе научился только трем буквам: *a, m, o* (которые, сложенные вместе, образуют слово *amo* – «люблю»).

⁶⁵ Нестор – мудрый и красноречивый старец, старейший из ахейских царей, осаждавших Троию. Стремясь смягчить гнев спорящих Ахилла и Агамемнона Нестор «...сладкоречивый восстал... Речи из уст его вещей сладчайшие меда лились». («Илиада», I, 248–249; перевод Н. Гнедича).

⁶⁶ «Илиада», III, 152.

⁶⁷ «Одиссея», XVII, 218.

⁶⁸ **МОИ 2015-11-16:** «Cum contra Moriones mei pinguculi sint...». Не просто дурачки, а «морионы»: видимо, слово специально изобретенное Эразмом для обозначения на латинском языке «детей Морины»; раньше было слово греческого происхождения «μοῖο» – шут, а теперь еще морионы. Во всяком случае Губер это слово сохраняет не переведенным, и ни в одном доступном мне словаре его нет.

⁶⁹ Акарнания – область на севере Греции; жители Акарнании занимались свиноводством.

Правильно также говорят о брабантцах, что они чем старше, тем глупее, в отличие от прочих людей, которые умнеют с годами. А между тем нет народа, с которым приятнее было бы иметь дело и который менее чувствовал бы печальное бремя старости.

По месту жительства и по обычаям всего ближе к брабантцам мои голландцы. Почему бы, в самом деле, и не назвать их моими? Ведь они столь ревностные мои последователи, что заслужили достойное их крылатое прозвище,⁷⁰ которого они не только не стыдятся, но коим даже хвастаются с великой охотой!

Пусть же теперь одураченные смертные отправляются к Медеям, Цирцеям,⁷¹ Венерам, Аврорам и отыскивают неведомый источник, который возвратит им утраченную юность – я, только я одна могу сделать это и всегда делаю. У меня хранится тот чудодейственный сок, посредством которого дочь Мемнона возвратила молодость своему деду Тифону.⁷² Я – та Венера, по чьей милости Фаон так помолодел, что в него влюбилась Сафо.⁷³ Мне принадлежат колдовские травы (если они вообще существуют), мне ведомы волшебные заклинания, под моей властью пребывает тот источник, который не только возвращает вам потерянную юность, но – что еще лучше – делает ее вечной. И если все вы согласны, что ничего нет на свете лучше молодости и ненавистнее старости, то, разумеется, вам должно быть ясно, сколь много вы обязаны мне, сохраняющей такое великое благо и преграждающей путь такому великому злу.

Глава XV. Боги особенно нуждаются в Глупости

Но что говорить о смертных? Общайте всё небо, и пусть имя мое будет покрыто позором, если вы найдете хоть одного порядочного и приятного бога, который обходился бы без моего содействия? Почему, например, Вакх⁷⁴ вечно юн и кудряв? Да потому, что он кутила и пьяница, проводит жизнь свою в пирах, плясках, пении и играх и никогда не связывается с Палладой. До того чужды ему всякие помыслы о славе мудреца, что он радуется, когда ему служат со смехом и шутками. Ему не в обиду пословица, которая нарекла его болваном или, точнее говоря, *огородным чучелом*.⁷⁵ А чучелом его прозвали за то, что, когда он сидит у ворот своего храма, земледельцы для потехи обмазывают ему лицо спелыми смоквами и виноградным соком. Каких только шуток не отпускает на его счет древняя комедия! Вот, говорят, дурацкий бог – недаром из бедра на свет вышел. И, однако, кто не предпочел бы участь этого болвана и дурня, вечно веселого, вечно юного, всюду влекущего за собою забавы и игры, жребия грозного для всех *тайнодумца* Юпитера, или Пана, наводящего ужас своими воплями,⁷⁶ или осыпанного золою, грязного от кузнечной работы Вулкана, или даже Паллады с ее страшной Горгоной,⁷⁷ с ее копьем и неизменно свирепым взором? Почему Купидон – вечно дитя? Почему? Не потому ли, что он, неисправимый повеса, ни о чем серьезном и не помышляет? Почему златоликая Венера вечно цветет красотой? Потому только, что она мне сродни и золотистым цветом лица недаром напоминает моего родителя; по этой причине Гомер и прозвал ее Золотой Афродитой. К тому же она всегда смеется, если верить поэтам и их соперникам – ваятелям. Какое божество чтили римляне усерднее, нежели Флору,⁷⁸ мать всех наслаждений?

⁷⁰ Эразм намекает на голландскую поговорку: «Чем старше, тем глупее брабантец; чем старше, тем тупее голландец». **МОИ 2015-11-16:** Брабант – во времена Эразма: герцогство по соседству с его родиной – графством Голландии.

⁷¹ Медея, Цирцея (Кирка) – могущественные волшебницы, героини многих древнегреческих мифов.

⁷² Глупость смешивает и путает несколько различных мифов.

⁷³ Некоторые древнегреческие предания отождествляют лесбосского юношу Фаона, отвергшего любовь великой поэтессы Сафо (VI до н.э.), с Адонисом, любимцем Афродиты (Венеры), которому богиня даровала вечную юность.

⁷⁴ Вакх (Дионис) – бог вина, сын Зевса и фиванской царевны Семелы; он родился недоношенным, поэтому Зевс зашил его к себе в бедро, и Дионис вторично родился из бедра своего отца (греч. миф.).

⁷⁵ **МОИ 2015-11-16:** Никаким огородным чучелом его не называли: «Neque prouerbio offenditur, quod illi fatui cognomentum attribuit, id est huiusmodi, moruchou môrteros. Porro Morycho nomen uerterunt, quod illum pro templi foribus sedentem, musto ficisque recentibus, agricolarum lasciuiâ consueuerit oblinere». Поговорка была «простодушнее Мориха», а «Морих» от греческого «*morychein*» – намазать. (Эразм продолжает обыгрывать корень «Мор»).

⁷⁶ Лесной бог Пан, разгневавшись, насылал на людей «панический» ужас (греч. миф.).

⁷⁷ Горгона – чудовище, взгляд которого обращал людей в камень. Герой Персей победил Горгону, и богиня Афина-Паллада прикрепил ее голову к своему щиту.

⁷⁸ Флора – римская богиня цветов и весны. Празднества в ее честь сопровождались бурным весельем и разгулом.

Впрочем, если проследить у Гомера и других поэтов жизнь даже самых хмурых и степенных богов, то и здесь окажется, что всё исполнено глупости. Не говоря уже о прочих богах, вам ведь известны проделки и любовные шашни самого громовержца Юпитера. А эта суровая Диана, которая забыла свой пол в трудах охоты, а между тем сходила с ума по Эндимионе!⁷⁹ Пусть лучше боги, однако, послушают о своих проказах от Мома,⁸⁰ как нередко доводилось им встарь. Но они недавно разгневались и сбросили его на землю вместе с Атой⁸¹ за то, что он своим благоразумием нарушал их блаженство. А теперь никто из смертных не оказывает гостеприимства изгнаннику, в особенности нет ему приюта во дворцах государей, где в чести моя милая Колакия, у которой с Момом столько же согласия, сколько у волков с ягненком. После изгнания Мома тем свободнее и веселее дурачатся боги, не страшась сурового цензора, – поистине с легким сердцем, как говорит Гомер. Каких только шуток не откалывает этот деревянный затейник Приап⁸²? На какие выдумки не пускается вороватый Меркурий? Даже сам хромоногий Вулкан валяет дурака на пирах у богов и своей неуклюжей поступью, остротами да прибаутками потешает сотрапезников. А там и старец Силен, любитель кордака,⁸³ пускается в пляс; рядом с ним Полифем⁸⁴ танцует *третанеллу*, а нимфы – *босоножку*, козлоногие же сатиры представляют Ателланские фарсы.⁸⁵ Пан какой-нибудь безвкусной и грубой песенкой вызывает всеобщий смех. Боги слушают его охотнее, нежели Муз, особенно когда упьются нектаром. Не знаю, стоит ли вообще вспоминать здесь о том, как ведут себя после пира пьяные боги? До того глупо, что, клянусь Гераклом, я сама подчас помираю со смеху. Однако не лучше ли последовать примеру молчальника Гарпократа,⁸⁶ дабы не подслушал какой-нибудь бог-соглядатай, как ведем мы здесь речи, которые и Мому не прошли бы даром.

Глава XVI. Приправа Глупости нужна повсюду

Но уже настало для нас время по примеру Гомерову, покинув небожителей, снова спуститься на землю; а на земле мы не найдем ни веселья, ни счастья, которые не были бы моими дарами. Посмотрите, во-первых, с какой прозорливостью чадолюбивая и благосклонная к человеку природа хлопочет о том, чтобы нигде не было недостатка в приправе Глупости. Согласно определению стоиков, быть мудрым – это не что иное, как следовать велениям разума, а глупым – внушению чувств, и дабы существование людей не было вконец унылым и печальным, Юпитер в гораздо большей мере одарил их чувством, нежели разумом: можно сказать, что первое относится ко второму, как унция к грану.⁸⁷ Сверх того, он заточил разум в тесном закутке черепа, а всё остальное тело обрек волнению страстей. Далее, он подчинил его двум жесточайшим тиранам: во-первых, гневу, засевшему, словно в крепости, в груди человека, в самом сердце, источнике нашей жизни, и, во-вторых, похоти, которая самовластно правит нижней половиной, до признака зрелости. Насколько силен разум против этих двух врагов, достаточно обнаруживает повседневная жизнь: пусть его вопит до хрипоты, провозглашая правила чести и добродетели, – бунтовщики накидывают своему царю петлю на шею и поднимают такой ужасный шум, что он, в изнеможении, сдается и на всё изъясняет свое согласие.

⁷⁹ Эндимион – прекрасный юноша, любимец богини Артемиды (римской Дианы). По другим мифам, Эндимиона любила богиня Луны, которая погрузила его в вечный сон.

⁸⁰ Мом – греческий бог злословия.

⁸¹ Богиня Ата олицетворяла пагубное заблуждение. Зевс, разгневавшись однажды, сбросил Ату на землю и запретил ей возвращаться на Олимп.

⁸² Приап – римский бог плодородия, покровитель полей и садов, позднее – бог сладострастия. Его изображения делались обычно из дерева.

⁸³ Силен – воспитатель и постоянный спутник бога Диониса (греч. миф.); кордак – разнузданный бурный танец в древне-аттической комедии.

⁸⁴ Полифем – свирепый одноглазый великан (циклоп), ослепленный Одиссеем.

⁸⁵ Ателланские фарсы – древнеримские народные драматические представления часто непристойного содержания, обычно включавшие в себя пляски сатиров; названы так по месту возникновения (город Ателла в Кампании).

⁸⁶ Гарпократ – древнеегипетское божество, олицетворявшее восход солнца; изображалось обычно держащим палец правой руки у рта, поэтому греки считали его богом молчания.

⁸⁷ В римской унции 480 гран.

Глава XVII. Благодаря Глупости женщины нравятся мужчинам

Мужчины рождены для дел правления, а потому должны были получить несколько лишних капелек разума, необходимых для поддержания мужского достоинства; по этому случаю мужчина обратился ко мне за наставлением – как, впрочем, он поступает всегда, – и я тотчас же подала ему достойный совет: сочетаться браком с женщиной, скотинкой непонятливой и глупой, но зато забавной и милой, дабы она своей бестолковостью приправила и подсластила тоскливую важность мужского ума. Недаром Платон колебался, к какому разряду живых существ подобает отнести женщину, – разумных или неразумных, сомнением своим желая указать, что глупость есть неотъемлемое свойство ее пола.⁸⁸ Если женщина даже захочет прослыть умной – как она ни бейся, окажется вдвойне дурой, словно бык, которого, рассудку вопреки, ведут на ристалище, – ибо всякий врожденный порок лишь усугубляется от попыток скрыть его под личиною добродетели. Правильно говорит греческая пословица: *обезьяна всегда остается обезьяной, если даже облечется в пурпур*; так и женщина вечно будет женщиной, иначе говоря – дурой, какую бы маску она на себя ни нацепила. И всё же я не считаю женщин настолько глупыми, чтобы обидеться на мои слова, ибо я сама женщина и имя мое – Глупость. Ежели поразмыслить как следует, то ведь женщины обязаны мне тем, что они несравненно счастливее мужчин. Начнем с внешней красоты, которую они справедливо ставят превыше всего на свете и с помощью которой самих тиранов подчиняют своей тирании. А с другой стороны, откуда взялась отталкивающая и дикая внешность мужчин, их волосатая кожа, их дремучая борода, весь этот облик преждевременного обветшания, откуда всё это, если не от порока мудрости?! Между тем, пухлые щеки, тонкий голос и нежная кожа женщин вечно подражают юности. Далее, к чему стремятся женщины в этой жизни, как не к тому, чтобы возможно больше нравиться мужчинам? Не этой ли цели служат все их наряды, притирания, омовенья, дорогие безделушки, мази, благовония, раскрашенные лица, подведенные глаза, искусно увеличенные округлости? Чем привлекают они к себе мужчин, как не глупостью? Чего не позволяют им мужчины во имя сладострастия?! В глупости женщины – высшее блаженство мужчины. Этому, конечно, не станет прекословить тот, кто вспомнит, какую чушь привыкли нести мужчины в любовных беседах и каких только дурачеств они не совершают, лишь бы заставить женщину уступить их вожделению. Теперь вы видите, из какого источника проистекает любовь – первое и величайшее наслаждение в жизни.

Глава XVIII. Глупость – лучшая приправа на пиру

Впрочем, многие мужчины, – и прежде всего старики, более пьяницы, чем женолюбцы, – высшее блаженство полагают в попойках. Можно ли представить себе веселый пир, на котором отсутствуют женщины, об этом пусть судят другие, но совершенно несомненно, что без приправы Глупости нам ничто не мило. Это до такой степени справедливо, что во всех случаях, когда подлинная или притворная Глупость не потешает гостей, нарочно приглашают наемного шута или смешного блюдолиза, который забавными, или, говоря попросту, глупыми речами гонит прочь с попойки молчание и скуку. В самом деле, стоит ли обременять чрево всякой снедью, лакомствами и сластями, если при этом глаза, уши и дух наш не услаждаются смехом, играми и шутками? А для десертов этого рода я – незаменимая повариха. Кто установил все застольные обряды – избрание короля пира по жребию, здравицы, питье вкруговую, пение с миртовой ветвью в руках, пляски, пантомиму, – не семь ли греческих мудрецов?⁸⁹ Нет, не ими, а мною заведено всё это для блага человеческого рода. Свойство этих обычаев таково, что чем больше в них глупости, тем полезнее они смертным, ибо если жизнь печальна, она не заслуживает даже названия жизни. А жизнь непременно будет печальной, ежели не изгонять рожденную с нею вместе тоску подобного рода забавами.

⁸⁸ Глупость здесь искажает взгляды великого древнегреческого философа-идеалиста Платона (427–347 до н.э.), который, напротив, считал, что женщина наделена такими же умственными способностями, как и мужчина. **МОИ 2015-11-15:** И не только умственными, но даже и физическими: в (идеальном) «Государстве» Платона женщины (высшего сословия – военного) наравне с мужчинами занимаются гимнастикой (голыми, как и мужчины; правда, не понятно – то ли отдельно от них, то ли вместе с ними), овладевают оружием и идут на войну.

⁸⁹ Семь греческих мудрецов – Питак Митиленский, Солон Афинский, Клеобул Родосский, Периандр Коринфский, Хейлон Спартанский, Фалес Милетский и Биант Приенский, полулегендарные философы, законодатели и военачальники VII–VI вв. до н.э.

Глава XIX. Она же – соединительница друзей

Но, быть может, найдутся среди вас люди, которые пренебрегают такими усадями и находят радость лишь в общении с друзьями, полагая дружбу наилучшей среди всех вещей и до того необходимой, что ни воздух, ни огонь, ни вода не могут с нею сравниться. По их мнению, лишиться дружбы всё равно что лишиться солнца. Дружба, наконец, столь глубоко достойна уважения, что сами философы, если только позволительно на них здесь сослаться, называют ее в числе величайших благ. А ну как я докажу, что именно я являюсь и кормою и носом корабля, доставляющего вам это великое благо? И докажу это не крокодилитами, не соритами, не рогатыми силлогизмами⁹⁰ и не какими-нибудь еще диалектическими хитросплетениями, а попросту, как говорится, ткну пальцем. Потакать слабостям своих друзей, закрывать глаза на их недостатки, восхищаться их пороками, словно добродетелями, – что может быть ближе к глупости? Когда влюбленный целует родимое пятнышко своей подруги, когда Бальбин восхищается бородавкой своей Агны,⁹¹ когда отец говорит про косоглазого сына, будто у того плутоватые глазки,⁹² – что это такое, как не чистой воды глупость? Да, конечно, трижды, четырежды глупость! – но она одна

Соединяет друзей и дружбу хранит неизменно.⁹³

Я говорю о простых смертных, из коих ни один не рождается на свет без недостатков; у кого недостатков меньше, тот и лучше всех.⁹⁴ Что же касается богоподобных этих философов, то в их сердце вовсе не бывает дружбы; а если и бывает, то какая-то пасмурная, лишенная всякой приятности, распространяющаяся лишь на немногих, ибо большинство людей глупы и всякий дурачится на свой лад, а сближение возможно только с себе подобными. Если между этими суровыми мужами и зародилось взаимное благоволение, то оно не бывает прочным и длительным; да это и понятно: ведь они – такие строгие, такие глазастые, на пороки друзей они зорки, «как орел или Змей Эпидаврский»⁹⁵, а собственных пороков, словно котомки у себя за плечами, не видят. Такая уж у людей натура, что никто из них не бывает свободен от тяжких пороков. Прибавьте сюда разницу в летах и занятиях, промахи, ошибки, жизненные случайности и скажите: есть ли малейшая возможность для этих Аргусов⁹⁶ вкушать сладость дружбы в течение хотя бы одного часа, ежели не придет к ним на помощь *Эвифия*,⁹⁷ как называют ее греки, а по-нашему глупость и легкомыслие? Да что там толковать! Сам Купидон, виновник и родитель всякого сближения между людьми, разве он не слеп, и разве не *кажется ему безобразное прекрасным*? То же бывает и с вами – каждый доволен своим: старичок боготворит свою старушку, а мальчишка – свою девчонку. Так происходит повсюду, и хоть над этим смеются, но именно смешные повадки людей делают жизнь приятной и связывают общество воедино.

Глава XX. Примирительница супругов

Сказанное о дружбе еще с большим правом применимо и к браку, который есть не что иное, как союз между двумя людьми на всю жизнь. Боже бессмертный, сколько было бы повсеместно разводов или чего другого похуже, если б мужья и жены не скрашивали и не облегчали домашнюю жизнь при помощи лести, шуток, легкомыслия, заблуждения, притворства

⁹⁰ Крокодилиты, сориты, рогатые силлогизмы – термины средневековой формальной логики, обозначающие виды умозаключений. **МОИ 2015-11-11:** «Крокодилитный силлогизм» таков: Крокодил похитил у женщины ребенка и говорит: «Если ты скажешь правду, я тебе отдам ребенка». Женщина отвечает: «Ты не отдашь. Значит, отдай, ибо я сказала правду!». Крокодил заключает: «Наоборот: если я отдам, то окажется, что ты не сказала правду». Сорит – «силлогизм кучи» (*soros* по-гречески «куча») «доказывает», что одно зерно – это куча. Сначала одно зерно еще не куча. Кладем зерно к зерну, и образуется куча. То зерно, до которого еще не было кучи, но после которого появилась куча, «следовательно», это зерно было кучей (так «доказывает» софист). «Рогатый силлогизм» таков: У тебя есть то, что ты не потерял. Рога ты не потерял, «следовательно», у тебя есть рога.

⁹¹ Бальбин и Агна – комические любовники, упоминаемые великим римским поэтом Квинтом Горацием Флакком (65– 8 до н.э.) в одной из его сатир (I, 3).

⁹² **МОИ 2015-11-11:** Гораций, Сатиры, I, 3, 40–45.

⁹³ **МОИ 2015-11-11:** Гораций, Сатиры, I, 3, 54.

⁹⁴ **МОИ 2015-11-11:** Гораций, Сатиры, I, 3, 68–69.

⁹⁵ Гораций, «Сатиры», I, 3, 27. Перевод М. Дмитриева.

⁹⁶ Аргус – стоглазый великан, которому ревнивая Гера приказала стеречь возлюбленную Зевса Ио, превращенную ею в корову.

⁹⁷ **МОИ 2015-11-11:** Добродушие.

и прочих моих спутников! Да и много ли вообще заключалось бы браков, если б жених благоразумно осведомлялся, какими играми еще задолго до свадьбы забавлялась эта столь деликатная и стыдливая на вид барышня? И сколь недолговечными были бы уже заключенные браки, если б деяния жен не оставались скрытыми вследствие беспечности или бестолковости мужей! Всё это – заслуга Глупости, ее одну надо благодарить, если жена по-прежнему любезна мужу, муж любезен жене, если в доме царит мир и семейные связи не разрываются. Над рогоносцем⁹⁸ смеются и какими только не чествуют его именами, когда он поцелуями осушает слезы прелюбодейки. Но насколько лучше так заблуждаться, нежели терзать себя ревностью, обращая жизнь свою в трагедию!

Глава XXI. Связующее начало всякого человеческого общества

Одним словом, без меня никакое сообщество, никакая житейская связь не были бы приятными и прочными: народ не мог бы долго сносить своего государя, господин – раба, служанка – госпожу, учитель – ученика, друг – друга, жена – мужа, квартирант – домохозяина, сожитель – сожителя, товарищ – товарища, ежели бы они взаимно не заблуждались, не прибегали к лести, не щадили чужих слабостей, не потчевали друг друга медом глупости. Сказанного, по моему, вполне достаточно, но погодите, сейчас вы услышите кое-что поважнее.

Глава XXII. Почему Филавтия именуется родной сестрой Глупости

Как вы думаете, может ли полюбить кого-либо тот, кто сам себя ненавидит? Сговорится ли с другими тот, кто сам с собой в разладе? Какой приятности ждать от того, кто сам себе опостылел и опротивел? Никто, полагаю, не дерзнет утверждать, будто нечто подобное возможно, – разве что будет глупее самой Глупости. Попробуйте отвергнуть меня – и не только все прочие люди станут вам несносны, но и каждый из вас себе самому делается мерзок и ненавистен. Природа во многих смыслах скорей мачеха, нежели мать: ведь наградила же она смертных, особливо тех, кто чуть-чуть поумней, печальной склонностью гнушаться своего и ценить чужое.

А из-за этого вся сладость, всё обаяние жизни оскверняются и погибают. Какой толк от красоты, высшего дара бессмертных богов, если она поражена гнилью? Что пользы в юности, ежели к ней примешана закваска старческой печали? Каким образом можешь ты действовать и в своих и в чужих глазах изящно и благовидно (а благовидность – основа не одних только искусств, но и всех дел человеческих), ежели не явится тебе на помощь стоящая одесную меня Филавтия, которую я по заслугам считаю родной своею сестрой, – так ловко разыгрывает она повсюду мою роль. Что может быть глупее самовлюбленности и самолюбования? Но что изящное или приятное можешь ты сделать, ежели сам себе будешь в тягость? Отними у жизни эту приправу, и ледяным холодом встречен будет оратор со своей речью, никому не угодит своими мелодиями музыкант, освистана будет игра актера, осмеян заодно с Музами поэт, впадет в ничтожество с искусством своим живописец, отощает от голода, сидя на своих лекарствах, врач. Вместо Нирея ты увидишь Терсита, вместо Фаона – Нестора,⁹⁹ вместо Минервы – свинью,¹⁰⁰ вместо красноречивого оратора – бессловесного младенца, вместо франта – неотесанную деревенщину. Человек должен любоваться самим собой: лишь понравившись самому себе, сумеет он понравиться и другим. Наконец, высшее блаженство состоит в том, «чтобы желания твои совпадали с выпавшим тебе жребием»¹⁰¹, а в этом деле помочь может только моя Филавтия. Благодаря ей каждый бывает доволен своей внешностью, умом, происхождением, должностью, образом жизни и отечеством до такой степени, что ирландец не

⁹⁸ **МОИ 2015-11-11:** В оригинале это предложение звучит так: «*Ridetur, cuculus, curtuca, et quid non uocatur, cum moechæ lacrymas labellis exsorbet*». Эразм употребляет два названия в связи с супружеской изменой: «*cuculus*» и «*curtuca*». Первое, мужского рода, означает «кукушка» (у римлян также в переносном смысле: «дурачок») и в своих дальних производных, видимо, образует английское «*suckold*». Второе слово, женского рода, имеет корень «бежать» (*currere*) и обозначает, скорее, не обманутого мужа, а блудную жену («бегающая»). Ассоциация с рогами у Эразма отсутствует. Скорее всего, она была ему не известна.

⁹⁹ Нирею, самому красивому из осаждавших Трою греков, противопоставляется безобразный Терсит, юноше Фаону – старец Нестор.

¹⁰⁰ **МОИ 2015-11-11:** Когда римляне хотели сказать, что глупый учит умного, они говорили: «*sus Minervam*» («свинья учит Минерву»).

¹⁰¹ Перифраз одной строки римского поэта-эпиграмматиста I в. н.э. Марка Валерия Марциала (X, 47, 12).

согласится поменяться с итальянцем, фракиец – с афинянином, скиф – с жителем Счастливых островов. Поразительна мудрость природы, которая при таком бесконечном разнообразии сумела всех уравнять! Если она кого и обделила своими дарами, то возмещает этот изъян усиленной дозой самодовольства, впрочем, прошу прощения за глупость: самодовольство как раз и является ее наилучшим даром. Смеею сказать: ни одно великое дело не обошлось без моего внушения, ни одно благородное искусство не возникло без моего содействия.

Глава XXIII. Глупость – причина войн

Не война ли – рассадник и источник всех достохвальных деяний? А между тем что может быть глупее, чем вступать по каким бы то ни было причинам в состязание, во время которого каждая из сторон обязательно испытывает гораздо больше неудобств, нежели приобретает выгод? О тех, которые будут убиты, не стоит – как говорили когда-то о мегарцах¹⁰² – и распространяться. Но я спрашиваю вас: когда два войска, закованные в железо, стоят одно против другого и

«Хриплым рокотом труб оглашается воздух»¹⁰³,

какой толк от этих мудрецов, истомленных учением, с разжиженной, холодной кровью в жилах? Здесь потребны силачи, здоровяки, у которых побольше отваги и поменьше ума. Кому нужен такой воин, как Демосфен, который, следуя совету Архилоха, бежал, бросив щит, едва завидел врагов, – прекрасный оратор, но никуда не годный воин!¹⁰⁴ Говорят, однако, что в военном деле прежде всего потребен ум. Да, для вождей, и к тому же – ум военный, а вовсе не философский. А вообще-то война, столь всеми прославляемая, ведется дармоедами, сводниками, ворами, убийцами, тупыми мужланами, нерасплатившимися должниками и тому подобными подонками общества, но отнюдь не просвещенными философами.

Глава XXIV. Невыгоды Мудрости

Насколько философы непригодны для каждодневной жизни, тому пример сам Сократ,¹⁰⁵ возведенный оракулом Аполлоновым в чин единственного в мире мудреца, – вот уж приговор, который мудрым никак не назовешь! Вздумалось как-то Сократу, уже не помню по какому случаю, выступить с публичной речью, и он вынужден был удалиться, всеми осмеянный. А ведь муж этот был до такой степени мудр, что даже отвергал звание мудреца, считая его приличным только самому богу, и учил, что умному человеку не подобает вмешиваться в государственные дела; лучше бы уж он посоветовал держаться подальше от мудрости всякому, кто хочет оставаться в числе людей. Что в самом деле, как не мудрость, привело его к осуждению и к чаше с цикутой? Ну да, ведь рассуждая об облаках и идеях, измеряя ножки блохи и умиляясь пению комара, он не успел научиться ничему имеющему отношение к обыденной жизни. Когда наставнику угрожала смертная казнь, его ученик Платон, преславный адвокат, запнулся на первой же фразе, смущенный шумом толпы. А что сказать о Теофрасте?¹⁰⁶ Взойдя на ораторскую

¹⁰² **МОИ 2015-11-16:** Мегара – город, над жителями которого в древности смеялись как над живущими на отшибе и простодушными (наподобие наших чукчей); фраза Эразма связана со словами Теокрита, который пишет, что однажды после совместного боя оракул в своем ответе упомянул всех участников боя, кроме мегарцев.

¹⁰³ Вергилий, «Энеида», VIII, 2.

¹⁰⁴ Архилох – выдающийся древнегреческий поэт середины VII в. до н.э. Он много странствовал и служил наемником в войсках различных греческих городов-государств. В одном стихотворении Архилох без тени смущения вспоминает о том, как однажды во Фракии позорно бежал с поля брани. Демосфен (384–322 до н.э.) – великий афинский оратор и политический деятель; его речи сыграли большую роль в период борьбы Афин против Македонии. Мория искажает факт трагической биографии Демосфена, который бежал из Афин после поражения родного города и, не желая сдаться македонянам, принял яд. **МОИ 2015-11-11:** Архилоха (основателя поэзии ямба) его родной город выгнал в ссылку за бегство с поля боя. В отношении Демосфена Глупость не факт его самоубийства искажает, а повторяет обвинения, которые против Демосфена выдвигал его противник Эсхин.

¹⁰⁵ Сократ (469–399 до н.э.) – великий древнегреческий философ. Учение Сократа, оказавшее огромное влияние на развитие современной ему мысли, известно из сочинений его учеников Платона и Ксенофонта, так как сам Сократ ничего не писал. Обвиненный в том, что он, отвергая богов, развращает юношество, Сократ был приговорен к смертной казни и умер, выпив чашу с ядом.

¹⁰⁶ Теофраст (372–287 до н.э.) – ученик и последователь Аристотеля, известный древнегреческий мыслитель, писатель и ученый-натуралист, автор множества разнообразных сочинений. Замечание Мории о Теофрасте ошибочно, так как Теофраст считался прекрасным оратором. **МОИ 2015-11-11:** Его на самом

трибуну, он тотчас онемел, словно волка увидел. Исократ, воодушевлявший в своих писанных речах воинов накануне битвы, был так застенчив, что ни разу не решился рта раскрыть перед публикой. Марк Туллий,¹⁰⁷ отец римского красноречия, когда начинал говорить, трясся самым жалким образом, задыхаясь и всхлипывая, словно мальчишка, в чем Фабий видит доказательство добросовестного и сознательного отношения оратора к своей задаче. Однако, утверждая это, не признает ли он тем самым мудрость препятствием для достоюжного ведения тяжб? Что станется с нашими философами, когда в ход пойдет железо, раз они трепещут от страха даже в простом словесном бою? И после этого еще прославляют знаменитое изречение Платона: «Блаженны государства, в которых философы повелевают или властители философствуют»¹⁰⁸. Справься у историков – и увидишь, что ничего не бывало для государства пагубнее, нежели правители, которые баловались философией или науками. Для примера здесь достаточно будет поименовать обоих Катонов, из коих один смущал спокойствие республики дурацкими доносами, а другой, с излишней мудростью защищая свободу народа римского, способствовал ее окончательному падению.¹⁰⁹ Прибавьте сюда Брутов, Кассиев, Гракхов¹¹⁰ и даже самого Цицерона, который не меньше вреда принес республике Римской, нежели Демосфен – Афинской. Уж на что Марк Антонин, который, признаюсь, был хорошим императором, и то своей философией сделался всем в тягость и возбудил всеобщую ненависть. Он был человек добрый, но, оставив престол такому наследнику, как сын его Коммод, больше причинил государству вреда, нежели принес пользы всем своим управлением.¹¹¹ Почему-то нет удачи людям, приверженным мудрости, ни в одном из дел их, особливо же – в детях, как будто сама предусмотрительная природа заботится о том, чтобы болезнь мудрования не распространилась слишком широко. Известно, что сын Цицерона был настоящим выродком, а мудрый Сократ имел детей, более похожих на мать, чем на отца, иными словами, как правильно заметил некто, настоящих дураков.

Глава XXV. Невыносимость мудрецов

Однако пусть они даже будут не способны к общественным занятиям, как *ослы к музыке*, – это еще куда ни шло; но ведь от них и в повседневных житейских делах нет никакого проку. Допусти мудреца на пир – и он тотчас всех смутит угрюмым молчанием или неуместными расспросами. Позови его на танцы – он запляшет, словно верблюд. Возьми его с собой на какое-нибудь зрелище – он одним своим видом испортит публике всякое удовольствие; и придется мудрому Катону уйти из театра, если он не сможет хоть на время отложить в сторону свою

деле звали Тиртам, а имя Теофраст («Божественный оратор») ему дал Аристотель и назначил своим наследником, руководителем Ликея. С Теофрастом и Цицероном Глупость обыгрывает хорошо известную в психологии вещь: шизоиды не любят говорить перед публикой (стесняются, теряются и т.д.), но если им всё же удастся эту свою стеснительность преодолеть, то именно они и становятся самыми лучшими ораторами. То, что Глупость говорит о Теофрасте и Цицероне, явно относится к начальному периоду их деятельности (когда они еще не преодолели свою стеснительность) и, видимо, взято из их воспоминаний о своей юности (или из воспоминаний других людей о их юности).

¹⁰⁷ Марк Туллий Цицерон (106–43 до н.э.) – крупнейший римский оратор, видный государственный деятель, писатель и юрист.

¹⁰⁸ Платон, «Государство», V, р. 473 С.

¹⁰⁹ Марк Порций Катон Старший (234–149 до н.э.) – известный римский государственный деятель, участник Второй Пунической войны. В 184 году Катон был избран цензором и прославился как непреклонный блюститель строгих нравов. Марк Порций Катон Младший (95–56 до н.э.), называемый по месту смерти Утическим, правнук Катона Старшего – римский политический деятель, ревностный сторонник республики, сражавшийся против Цезаря на стороне Помпея. После поражения помпеянцев при Тапсе покончил с собой, не желая пережить республику.

¹¹⁰ Марк Юний Брут (85–42 до н.э.) и Гай Кассий Лонгин (ум. в 42 до н.э.) – римские политические деятели, последние защитники республики, организаторы заговора против Цезаря. После убийства Цезаря вынуждены были удалиться из Рима, а затем, в битве при Филиппах в Македонии, были разгромлены войском триумвиров Марка Антония и Октавиана и покончили с собой. Братья Гракхи, Тиберий (163–132 до н.э.) и Гай (153–121 до н.э.), – римские политические деятели, защитники плебса. Попытки Гракхов провести демократические реформы не увенчались успехом. Оба брата были убиты.

¹¹¹ Марк Антонин – римский император Марк Аврелий Антонин (годы правления: 161–180 н.э.). Его внутренняя политика (в частности устройство детских приютов, помощь пострадавшему от голода и чумы населению и т.д.) создала ему репутацию гуманного правителя. Занимаясь с ранней юности философией, Марк Аврелий был последователем учения стоиков, этическую доктрину которых он изложил в трактате «К самому себе». Сын его Коммод, развратный, слабохарактерный и жестокий деспот, был убит в 192 году.

хмурую важность. Если мудрец вмешается в разговор – всех напугает не хуже волка. Если надо что-либо купить, если предстоит заключить какую-либо сделку, если, коротко говоря, речь пойдет об одной из тех вещей, без которых невозможна наша жизнь, тупым чурбаном покажется тебе мудрец этот, а не человеком. Ни себе самому, ни отечеству, ни своим близким не может быть он ни в чем полезен, ибо не искушен в самых обыкновенных делах и слишком далек от общепринятых мнений и всеми соблюдаемых обычаев. Из такого разлада с действительной жизнью и нравами неизбежно рождается ненависть ко всему окружающему, ибо в человеческом обществе всё полно глупости, всё делается дураками и среди дураков. Ежели кто захочет один восстать против всей вселенной, я посоветую ему бежать, по примеру Тимона,¹¹² в пустыню и там, в уединении, наслаждаться своей мудростью.

Глава XXVI. Сила всякого вздора в народе

Но возвращаюсь к прежней своей мысли: какая сила собрала этих каменных, дубовых, диких людей в государство, если не лезть? Таков единственный смысл преданий об Амфионе и Орфее.¹¹³ Что утихомирило римский плебс, уже готовый разрушить республику? Уж не философская ли диссертация? Ничуть не бывало! Просто смешная ребяческая басня о чреве и членах человеческого тела.¹¹⁴ Не менее пользы принесла сходная басня Фемистокла о лисице и еже.¹¹⁵ Какая мудрая речь могла бы сравниться по своему действию с выдумкой Сертория, рассказавшего солдатам про вешую лань,¹¹⁶ или с опытами, которые славный спартанец проделал с двумя собаками,¹¹⁷ а тот же Серторий – с лошадиным хвостом.¹¹⁸ Не буду говорить о Миносе и Нуме, которые правили глупой толпой посредством ловко придуманных басен.¹¹⁹ Чепуха этого сорта приводит в движение исполинского, мощного зверя – народ.

Глава XXVII. Жизнь человеческая – только забава Глупости

А с другой стороны, было ли когда-нибудь такое государство, которое бы приняло законы Платона или наставления Сократа? Что побудило Дециев добровольно посвятить себя подземным богам,¹²⁰ что заставило Курция броситься в расщелину,¹²¹ если не суетная слава – эта

¹¹² Тимон (V в. до н.э.) – богатый афинянин, который, возмущившись человеческой неблагодарностью, удалился от людей. Имя его еще в древности стало нарицательным для обозначения человеконенавистника (ср. также трагедию Шекспира «Тимон Афинский»).

¹¹³ Амфион звуками своей лиры заставлял каменные глыбы слагаться в стену вокруг города Фив. Орфей своими песнями укрощал диких зверей и приводил в движение деревья и скалы (греч. миф.).

¹¹⁴ Имеется в виду предание о том, как в 494 году до н.э. римские плебеи, возмущенные жестокими притеснениями со стороны патрициев, покинули Рим и удалились на Священную гору (невдалеке от города). Посол патрициев Менений Агриппа умиротворил народ, рассказав басню о членах человеческого тела, которые взбунтовались против желудка, за что сами заплатились крайним изнеможением.

¹¹⁵ Фемистокл (526–461 до н.э.), известный древнегреческий полководец и политический деятель, однажды успокоил афинян, возмущенных жадностью должностных лиц, рассказав басню об увязшей в болоте лисе, которая просила ежа не отгонять облепивших ее комаров, так как они уже напились ее кропи, а на их место могут слететься новые, голодные и потому еще более жадные и жестокие.

¹¹⁶ Квинт Серторий (ум. в 72 до н.э.) – римский полководец и политический деятель. Будучи наместником в Испании, откололся от Рима во время диктатуры Суллы, противником которого он был, и возглавил армию, состоявшую из наемников и римских изгнанников. Стремясь укрепить свой авторитет, Серторий показывался солдатам с ручной белой ланью, якобы подаренной ему Дианой.

¹¹⁷ Имеется в виду полулегендарный законодатель Спарты Ликург (ок. X в. до н.э.), который, чтобы наглядно доказать необходимость реформы воспитания юношества, по-разному вырастил двух щенков: один из них был прожорливым и ленивым, а второй проворным. Когда щенков спустили с цепи, первый бросился к миске с похлебкой, а второй погнался за живым зайцем.

¹¹⁸ Желая показать своим сторонникам, что единодушие важнее силы, Серторий сначала велел молодому, сильному солдату вырвать хвост у старой клячи, а потом приказал дряхлому старику вырвать хвост у молодого коня. Первый справился со своей задачей с большим трудом, потому что старался вырвать весь хвост сразу, а второй легко выщипал волос за волосом.

¹¹⁹ Мифический царь и законодатель Крита Минос каждые девять лет якобы посещал Зевса и получал от него наставления. Полулегендарный древнеримский царь Нума Помпилий, по преданию, постоянно советовался с мудрой нимфой Эгерией, которая открывала ему волю богов.

¹²⁰ Деции – римский патрицианский род. Три представителя этого рода (отец, сын и внук) погибли в боях за отечество (IV–III вв. до н.э.).

¹²¹ Имеется в виду рассказ о подвиге Марка Курция; в 362 году до н.э. он бросился в появившуюся посреди римского форума расщелину, которую, согласно прорицаниям, во избежание великих несчастий,

обольстительная сирена, строго порицаемая нашими мудрецами? Что может быть глупее, говорят они, чем пресмыкаться перед народом, домогаясь высокой должности, снискивать посулами народное благоволение, гоняться за рукоплесканиями глупцов, радоваться приветственным кликам, позволять носить себя во время триумфа, словно знамя, на потеху черни, стоять на площади в образе медной статуи? А громкие имена и почетные прозвища?! А божеские почести, воздаваемые ничтожнейшим людишкам, а торжественные обряды, которыми сопричислялись к богам гнуснейшие тираны?! Всё здесь глупость на глупости, и для осмеяния всего этого понадобился бы не один Демокрит. Станет ли кто оспаривать мое мнение? Но не из этого ли источника родились подвиги могучих героев, превознесенных до небес в писаниях столь многих красноречивых мужей? Глупость создает государства, поддерживает власть, религию, управление и суд. Да и что такое вся жизнь человеческая, как не забава Глупости?

Глава XXVIII. Науками и искусствами люди обязаны жажде суетной славы

Но обратимся к наукам и искусствам. Что, кроме жажды славы, могло подстрекнуть умы смертных к изобретению и увековечению в потомстве стольких, по общему мнению, превосходных наук? Воистину глупы донельзя люди, полагающие, что какая-то никчемная, ничего не стоящая известность может вознаградить их за бдения и труды. Да, именно Глупости обязаны вы столь многими и столь важными жизненными удобствами, и – что всего слаще – вы пользуетесь плодами чужого безумия.

Глава XXIX. Глупость требует, чтобы ее похвалили за рассудительность

Теперь, когда я уже воздала похвалы могуществу моему и трудолюбию, мне остается еще похвалить себя за рассудительность. Иные скажут, что рассудительность мне столь же родственна, сколь вода огню; но я надеюсь убедить вас в обратном – слушайте только меня по-прежнему внимательно и благосклонно.

Прежде всего, если рассудительность сказывается в деловитости, то кто, спрошу я, имеет право притязать на почетное звание человека рассудительного: мудрец ли, который отчасти по излишней совестливости, отчасти по малодушию ничего не решается предпринять, или на всё дерзающий дурак, не сдерживаемый ни стыдом, которого не имеет, ни опасностью, которой не сознает. Мудрец обращается к древним писаниям и выискивает в них одни только хитросплетения словес. Дурак, напротив того, постоянно вращаясь в самой гуще жизни, приобретает, по моему, истинную рассудительность. Это ясно видел, вопреки своей слепоте, еще Гомер и потому сказал: «Событие зрит и безумный»¹²². Поистине, два великих препятствия стоят на пути правильного понимания вещей: стыд, наполняющий душу, словно туман, и страх, который перед лицом опасности удерживает от смелых решений. Но Глупость с удивительной легкостью гонит прочь и стыд и страх. Однако лишь немногие смертные понимают, сколь выгодно и удобно никогда не стыдиться и ни перед чем не робеть.

Если же под рассудительностью разуметь способность правильно судить о вещах, то послушайте, молю вас, сколь далеки от нее те, кто всего более похваляется этой способностью. Прежде всего, не подлежит сомнению, что любая вещь имеет два лица, подобно Алкивиадовым силанам,¹²³ и лица эти отнюдь не схожи одно с другим. Снаружи как будто смерть, а загляни внутрь – увидишь жизнь, и наоборот, под жизнью скрывается смерть, под красотой – безобразие, под изобилием – жалкая бедность, под позором – слава, под ученостью – невежество, под мощью – убожество, под благородством – низость, под весельем – печаль, под преуспеванием – неудача, под дружбой – вражда, под пользой – вред; коротко говоря, сорвав маску с Силена, увидишь как раз обратное тому, что рисовалось с первого взгляда. Быть может, кому-нибудь это мое рассуждение покажется чересчур философским – извольте, буду говорить грубее и проще. Кого, как не короля, считать богатым и могучим? Но если не имеет он в душе своей ничего доброго, если вечно он ненасытен, то остается беднейшим из бедняков. А если к тому же в душе он

нужно было заполнить самым дорогим, что есть в Риме. **МОИ 2015-11-16:** По словам Курция «Нет в Риме ничего драгоценнее оружия и храбрости»; согласно легенде он бросился в расщелину на коне и с оружием, после чего расщелина сразу закрылась.

¹²² Гомер, «Илиада», XVII, 32.

¹²³ Алкивиад (ок. 450–404 до н.э.) – известный афинский политический деятель, друг Сократа. В диалоге Платона «Пир» Алкивиад произносит речь, в которой сравнивает Сократа с силанами (уродливыми фигурами, внутри которых скрывались прекрасные изображения).

привержен многим порокам, – он уже не только нищий, но и презренный раб. Подобным же образом надлежит рассуждать и обо всем прочем. Но хватит с нас и одного примера.

«К чему, однако, всё это?» – быть может, спросит кто-либо из вас. Сейчас услышите, куда я клоню. Если бы кто-нибудь сорвал на сцене маски с актеров, играющих комедию, и показал зрителям их настоящие лица, разве не расстроил бы он всего представления и разве не прогнали бы его из театра камнями, как юродивого? Ведь всё кругом мгновенно приняло бы новое обличье, так что женщина вдруг оказалась бы мужчиной, юноша – старцем, царь – жалким оборвышем, бог – ничтожным смертным.¹²⁴ Устранить ложь – значит испортить всё представление, потому что именно лицедейство и притворство приковывают к себе взоры зрителей. Но и вся жизнь человеческая есть не иное что, как некая комедия, в которой люди, нацепив личины, играют каждый свою роль, пока хорег не уведет их с просцениума.¹²⁵ Хорег этот часто одному и тому же актеру поручает различные роли, так что порфиноносный царь внезапно появляется перед нами в виде несчастного раба. В театре всё оттенено более резко, но, в сущности, там играют совершенно так же, как в жизни. Что, ежели теперь какой-то свалившийся с неба мудрец вдруг поднимет крик, уверяя, будто тот, кого все почитают за бога и своего господина, – даже и не человек, ибо по-скотски следует лишь велениям страстей, что он – подлый раб, ибо сам добровольно служит многим и к тому же гнусным владыкам? Что, если, встретив человека, оплакивающего своего умершего отца, мудрец повелит ему радоваться, коль скоро лишь теперь покойник начал по-настоящему жить: ведь наша здешняя жизнь – лишь подобие смерти?! Что, если тот же мудрец, увидя дворянина, хвастающегося своими предками, обзовет его безродным нищим на том основании, что ему чужда сердечная доблесть, единственный источник истинного благородства? Что, если он со всеми и с каждым вздумает рассуждать подобным же образом – разве не станут все глядеть на него, как на буйно помешанного? Как ничего нет глупее непрошеной мудрости, так ничего не может быть опрометчивее сумасбродного благоразумия. Сумасбродом называю я всякого не желающего считаться с установленным положением вещей и применяться к обстоятельствам, не помнящего основного закона всякого пиршества: *либо пей, либо – вон*, и требующего, чтобы комедия не была комедией. Напротив, истинно рассудителен тот, кто, будучи смертным, не стремится быть мудрее, чем подобает смертному, кто снисходительно разделяет недостатки толпы и вежливо заблуждается заодно с нею. Но ведь в этом и состоит глупость, скажут мне. Не стану спорить, но согласитесь и вы, что это как раз и значит играть комедию жизни.

Глава XXX. Глупость ведет к мудрости

Говорить ли мне дальше, о боги бессмертные, или умолкнуть теперь же? Зачем умолкать, когда слова мои – сущая правда? Но, пожалуй, в таком деле не мешало бы пригласить на помощь Муз геликонских,¹²⁶ к которым поэты то и дело взывают из-за всякой чепухи. Так пособите же мне малость, дщери Юпитера, дабы могла я доказать, что к высокой оной мудрости, к этой твердыне блаженства, как ее прозвали философы, не отыскать пути, ежели Глупость не согласится быть вашим вожатым. Уже признано нами, что все чувствования подлежат ведению Глупости. Тем и отличен от дурня мудрец, что руководствуется разумом, а не чувствами. Поэтому стойки тшятся отстранить от мудреца все волнения, словно какие-то недуги, забывая, что чувства и страсти не только как рачительные пестуны направляют поспешающего в гавань мудрости, но сверх того служат хлыстом и шпорами доблести, ибо они-то и побуждают человека ко всякому доброму делу. Правда, это яростно оспаривает сугубый стоик Сенека, воспреещающий мудрецу всякое душевное волнение. Но при этом он уже ничего не оставляет от человека, а создает некоего нового бога, какого никогда не бывало и никогда не будет; говоря яснее, он воздвигает мраморное подобие человека, застывшее и лишённое всех людских свойств. Пусть философы, ежели им это нравится, носятся со своим мудрецом, пусть никого не любят, кроме

¹²⁴ **МОИ 2015-11-16:** «Exorietur autem repente nova rerum species, ut qui modo mulier, nunc vir: qui modo iuvenis, mox senex: qui paulo ante Rex, subito Dama: qui modo Deus, repente homunculus appareat». Словом «оборвыш» Губер перевел имя собственное «Дама» – это персонаж комедий (раб в лохмотьях).

¹²⁵ Хорег – руководитель хора (греч.). Просцениум (просцений) – в античном театре площадка, на которой играли актеры.

¹²⁶ Геликон – гора в Беотии (область средней Греции), где, согласно греческим мифам, обитали Музы.

него, пусть пребывают с ним вместе в государстве Платона, или в царстве идей,¹²⁷ или в садах Танталовых!¹²⁸ Кто не убежит в ужасе от такого существа, не то чудовища, не то привидения, недоступного природным чувствованиям, не знающего ни любви, ни жалости,

твердому камню подобного, скалам Марпесса холодным,¹²⁹

от которого ничто не ускользает, который никогда не заблуждается, который, подобно зоркому Линкею,¹³⁰ всё видит насквозь, всё тщательно взвешивает, всё знает, который одним только собой доволен, один богат, один здоров, один – царь, один – свободен, коротко говоря, он один – всё, но... лишь в собственных своих помышлениях; не печалится он о друге, ибо сам никому не друг, даже богам готов накинуть петлю на шею, и всё, что только случается в жизни, он осмеивает и порицает, во всем усматривая безумие. Вот он каков, этот совершенный мудрец. Теперь позвольте спросить: если бы вопрос решался голосованием, какое государство согласилось бы поставить над собою подобного правителя, какое войско последует за подобным вождем, какая женщина изберет себе такого супруга, кто согласится иметь за столом такого сотрапезника, какой раб снесет иго господина, обладающего подобным нравом? Кто не предпочтет ему последнего дурака из простонародья, который равно способен и повелевать глупцами и повиноваться им, который будет угоден себе подобным (а таких всегда большинство), ласков с женой, обходителен с друзьями, весел на пиру, приятен в сожительстве и которому не чуждо ничто человеческое?¹³¹ Но мне даже противно говорить долее об этом мудреце. Обратимся лучше к другим благам, которые доставляет вам Глупость.

Глава XXXI. Только благодаря Глупости жизнь бывает сносной

Ежели поглядеть на наш мир с высоты небес, как смотрит, по рассказам поэтов, Юпитер, скольких бед исполнена жизнь человеческая: жалкое и грязное рождение, мучительное воспитание, детство, сопряженное с бесчисленными обидами, юность, обремененная бесчисленными трудами, тяжкая старость, суровая неизбежность смерти, целая рать болезней, множество несчастных случайностей и житейских невзгод – повсюду мед отравлен желчью! Не стану уж вспоминать, сколько зла причиняет человек человеку! Бедность, тюрьма, позор, бесчестие, пытки, мятежи, интриги, злословие, тяжбы, обманы... Но не пытаюсь ли я, в самом деле, *исчислить песок морской*? Негоже рассуждать здесь о том, какими грехами навлекли на себя люди все эти бедствия или какой гневный бог осудил их рождаться для горя и скорбей. Воистину всякий, кто поразмыслит как должно, никогда не осудит Милетских дев, сколь ни жалкой представляется нам их участь.¹³² Но какие люди чаще всего налагали на себя руки, пресытившись печалью жизни? Не те ли, которые ближе всего стояли к мудрости? Не говоря уже о Диогенах, Ксенократах,¹³³ Катонах, Кассиях и Брутах, напомним здесь Хирона, который мог получить бессмертие, но выбрал смерть.¹³⁴ Судите сами, что случилось бы, если б все люди были мудрецами: опять понадобился бы кусок глины, и вновь пришлось бы взяться за работу гончару Прометею.¹³⁵ Но я, обращаясь к помощи то невежества, то бездумья, дарю забвение всех зол и

¹²⁷ В диалоге «О государстве» Платон излагает принципы совершенного, с его точки зрения, государственного устройства. Идеи в учении Платона – сущности и прообразы вещей, образующие особый мир, отражением которого является мир материальный.

¹²⁸ В наказание за разглашение тайн богов царь Фригии Тантал был осужден в царстве мертвых вечно мучиться голодом, видя спелые плоды над самой своей головой, но тщетно пытаясь их сорвать.

¹²⁹ Вергилий, «Энеида», I, 471. Марпесс – гора на о-ве Паросе, из которой добывался знаменитый паросский мрамор.

¹³⁰ Линкей – мифический герой, был одарен необыкновенно острым взором, проникавшим даже в недра земные.

¹³¹ **МОИ 2015-11-17:** «...postremo qui nihil humani a se alienum putet?» Чутьочку переиначенная крылатая фраза из комедии «Сам себе судья» римского (II в. до н.э.) писателя Теренция (Homo sum, humani nihil a me alienum puto).

¹³² По свидетельству римского писателя Авла Гелия (II в. н.э.), эти девушки, потеряв рассудок, все разом покончили с собой.

¹³³ Диоген Синопский (ок. 404–323 до н.э.) – древнегреческий философ-киник; согласно легенде, он покончил жизнь самоубийством, задержав и остановив дыхание. Ксенократ Халкидский (ок. 406–314) – древнегреческий философ, ученик и последователь Платона; ему приписывался философский трактат о смерти.

¹³⁴ Хирон – мудрый и справедливый кентавр, воспитатель Ахилла. По одной из версий мифа, он добровольно умер вместо Прометея, передав ему свое бессмертие.

¹³⁵ Согласно одному из вариантов мифа о Прометее, он сотворил первых людей из глины.

надежду на лучшее будущее, щедро окропляя людей медвяной росой наслаждения, так успешно помогаю им в бедах, что никто не желает расставаться с жизнью, прежде чем не кончилась нить Парок¹³⁶ и жизнь сама не оставила тела; чем меньше у человека причин дорожить существованием, тем крепче он за него цепляется, не подозревая даже, что такое пресыщение и тоска. Благодаря моим дарам вы увидите повсеместно старцев в годах Нестеровых, у которых и образа человеческого не сохранилось – шамкающих, слабоумных, беззубых, седых, лысых, или, как рисует их Аристофан, неопрятных, скрюченных, жалких, сморщенных, оплешивевших, отупевших, но сластолюбивых,¹³⁷ и, однако, они так наслаждаются жизнью, так *молодятся*, что иной, глядишь, красит свои седины, другой прикрывает лысину накладными кудрями, третий вставляет себе зубы, быть может, выдернутые из свиной челюсти, четвертый жалостно вздыхает по какой-нибудь девчонке и в любовных глупостях готов состязаться с зеленым юнцом. Иные в гроб смотрят, настоящие старые хрычи, а туда же, берут себе молодую жену, бесприданницу, конечно, и берут ее на потребу не столько себе, сколько другим; это случается повсеместно и вызывает даже похвалы. Еще забавнее, когда дряхлая старуха, труп трупом, словно только что с того света воротилась, то и знай повторяет: «*Светик мой*», резвится, жеманится, привлекает за немалую мзду какого-нибудь Фаона, усердно расписывает румянами лицо, не отходит от зеркала, выщипывает заросли у себя между ногами, выставляет напоказ свои увядшие, рыхлые груди, криками, визгом подстрекает уснувшее вождение, тянет вино, как губка, вмешивается в толпу пляшущих девушек, строчит любовные цидулки. Все над ней смеются, потому что это воистину весьма глупо; но сами старушонки собою довольны, наслаждаются жизнью, упиваются медом, и всё – по моей милости. И я прошу всех, кто находит это смешным, поразмыслить, что лучше – наслаждаться подобным образом, при содействии Глупости, или искать, как это говорится, перекладину для петли? Что касается позора, который, по общему мнению, навлекают на человека такие дела, то для моих дурачков его словно и не существует: они либо вовсе его не сознают, либо ежели сознают, то легко с ним мирятся. Вот если камень на голову свалится, это – настоящая беда, а позор, бесчестие, хула и дурная молва лишь постольку доставляют неприятности, поскольку мы их замечаем. А не замечаем – так и беды нет совсем. Что тебе до того, ежели все кругом тебя свищут, когда сам ты себе рукоплещешь? Но всё это становится возможным единственно при помощи Глупости.

Глава XXXII. Науки изобретены на пагубу роду людскому

Однако я уже предвижу, что со мной заспорят философы. «Подчиняться Глупости, – скажут они, – заблуждаться, обманываться, коснеть в невежестве – всё это и значит быть несчастным». Нет, это значит быть человеком. Не понимаю, чего ради называть таких людей несчастными, раз они так рождены, так воспитаны, так приучены и ежели таков общий удел. Нет никакого несчастья в том, чтобы во всех отношениях быть подобным другим существам своей породы, иначе придется жалеть человека потому, что он не может летать вместе с птицами, не ходит на четвереньках вместе со скотами и не носит на лбу рогов наподобие быка. Воистину тогда пришлось бы назвать несчастливцем и прекраснейшего коня, – потому что он не знает грамматики и не ест пирожных, и быка, – потому что он не пригоден для забав палестры.¹³⁸ Но если нечего жалеть неискушенного в грамматике коня, то нельзя назвать несчастным и глупого человека, ибо такова уж его натура. Здесь опять ополчатся на меня хитроумные спорщики: «Для того, – говорят они, – и дано человеку, в отличие от прочих живых существ, познание наук, чтобы он образованием ума восполнял пробелы, оставленные природой». Но разве это хоть в малой мере похоже на правду? Природа, с таким бдительным тщанием создавшая мошек, травы и цветы, задремала, изволите видеть, и дала маху, когда творила человека, так что один он нуждается в поддержке наук – тех самых наук, которые на погибель роду человеческому изобрел Тевт,¹³⁹ этот враждебный людям гений! Отнюдь не способствуя нашему счастью, науки лишь

¹³⁶ Парки (Мойры) – три богини судьбы, одна из которых пряла нить человеческой жизни, другая тянула ее, а третья обрезала (греч. миф.).

¹³⁷ Аристофан, «Богатство», 266–267.

¹³⁸ Палестра – гимнастическая школа в древней Греции.

¹³⁹ Тевт (или Тот) – легендарный создатель математики, алфавита и астрономии.

вредят той цели, ради которой они якобы созданы, как это изящно доказывает у Платона один умный царь.¹⁴⁰

Итак, науки, вместе с другими язвами человеческой жизни, появились на свет лишь по вине тех, от кого происходят все наши напасти, а именно – по вине демонов; на то указывает самое их название – демоны, словно бы *даэмоны*, то есть знающие.¹⁴¹ В золотом веке человеческий род, не вооруженный никакими науками, жил, следуя указаниям одной природы. Какая, в самом деле, была нужда в грамматике, когда у всех был один общий язык и искусство речи служило лишь для того, чтобы люди понимали друг друга? Какую пользу могла принести диалектика, когда не существовало несходных мнений? Есть ли место риторике там, где никто не доставляет соседу никаких хлопот? К чему знание законов при отсутствии дурных нравов, от которых, – в том нет сомнения, – родились хорошие законы? Далее, древние люди были слишком богобоязненны, чтобы испытывать с нечестивым любопытством тайны природы, исчислять величину, движения и влияния небесных тел, пытаться проникнуть в сокровенные причины вещей; они сочли бы кощунством желание смертного человека сделаться мудрее, нежели то предопределено его жребием. А безумная мысль исследовать то, что находится за пределами небес, никому и в голову не приходила. Но по мере того как первобытная невинность золотого века начала клониться к упадку, злые гении изобрели науки и искусства, впрочем, на первых порах весьма немногочисленные и усвоенные лишь немногими. Впоследствии суеверие халдеев¹⁴² и праздное легкомыслие греков присоветовали сюда множество новых орудий умственной пытки, и теперь одной грамматике за глаза хватит, чтобы обратить в сплошное мученье всю жизнь человека.

Глава XXXIII. Среди наук особенно ценятся те, которые связаны с Глупостью

Впрочем, и между самими науками превыше всего ценятся те, которые ближе стоят к здравому смыслу, иначе говоря, к глупости. Голодают богословы, мерзнут физики, терпят посмеяние астрологи, живут в пренебрежении диалектики. Только *муж врачеватель многим другим предпочтен*.¹⁴³ Но и среди врачей – кто невежественнее, нахальнее, безрассуднее остальных, тому и цена выше даже у венчаных государей. Да и сама медицина, в том виде, в каком многие ею теперь занимаются, не что иное, как искусство морочить людей, – нисколько не хуже риторики.

К врачам ближе всего законники-крючкотворы; быть может даже, их следует поставить на первое место – сама судить не решусь; во всяком случае, все философы единодушно называют их ремесло ослиным. И, однако, от решений этих ослов зависят все дела – как самые важные, так и самые незначительные. Имена законников умножаются, между тем как теолог, постигнувший глубочайшие тайны божества, жует волчцы и ведет жестокую войну с клопами и блохами. Итак, если среди ученых счастливее других те, которые состоят в наиболее близком родстве с Глупостью, то, без сомнения, величайшие счастливицы – те, кто воздерживается от всякого соприкосновения с науками и исполняет веления одной природы; ведь природа никогда не заблуждается, разве только мы сами попытаемся перешагнуть за положенные человеческой доле границы. Ненавистна природе всякая подделка, и всего лучше бывает то, что не искажено ни наукой, ни искусством.

Глава XXXIV. Из животных всего счастливее те, которые не знают никакой дрессировки

Посмотрите далее на любую другую породу живых существ: всех счастливей – те, которые не знают ни учения, ни дрессировки, но живут исключительно по закону природы. Кто блаженнее пчел, кто более их достоин восхищения? А ведь они даже не обладают всеми нашими телесными чувствами. Какой зодчий может с ними сравниться? Какому философу удалось

¹⁴⁰ Эразм имеет в виду рассказ Платона («Федр», р. 274 C–D) о споре египетского царя Тама с обучавшим его Тевтом. Тевт утверждал, что искусство письма помогает памяти. Там доказывал, что оно, напротив, вредно, так как, овладев им, человек больше записывает, чем запоминает.

¹⁴¹ **МОИ 2015-11-12:** В оригинале: «*igitur disciplinæ cum reliquis humanæ vitæ pestibus irrepererunt, iisdem auctoribus, a quibus omnia flagitia proficiscuntur, puta Dæmonibus, quibus hinc nomen etiam inventum, quasi daëmonas, hoc est, scientes appelles*». Здесь греко-латинская игра слов: греческое слово «*daimon*» означает «злой дух», а «*daëmon*» – «ученый»; по-латински же оба слова писались одинаково.

¹⁴² Халдеи – племена Южной Месопотамии, образовавшие в VII в. до н.э. Ново-Вавилонское царство; они считались изобретателями астрологии и магии, поэтому впоследствии в Риме астрологов называли халдеями.

¹⁴³ Гомер, «Илиада», XI, 514.

учредить столь совершенную республику? С другой стороны – вот вам лошадь: чувствами своими она вполне подобна человеку и уже давно стала его товарищем и спутником, зато и делит с ним все невзгоды. Во время состязаний она задыхается от усталости, боясь поражения, а на войне напрягает все силы для победы, пока не ударится мордой о землю, рухнув вместе с седоком. Не говорю уже о зубчатых удилах, шпорах с острыми шипами, стойлах, подобных темницам, плетях, палках, путах, тяжести всадника и вообще обо всей этой трагедии рабства, на которую она добровольно¹⁴⁴ себя обрекла, потому что стремится, подражая могучим мужам, отмщать своему врагу любой ценой. Насколько завиднее жизнь мушек и птичек, не знающих иного руководителя и наставника, нежели природа! Лишь бы только люди не преследовали их своими западнями, ибо стоит птице попасть в клетку, как она привыкает болтать человеческим языком и теряет весь блеск своей природной красоты. Настолько творения природы выше подделок искусства! Не нахожу достаточно похвал для того петуха Пифагора, который последовательно был философом, мужчиной, женщиной, царем, простолюдином, рыбой, лошадью, лягушкой и даже, сколько помнится, губкой и решил в конце концов, что нет существа несчастнее человека, поскольку все остальные животные довольствуются теми пределами, в которые их заключила природа, и лишь он один пытается раздвинуть границы своего жребия.¹⁴⁵

Глава XXXV. Дураки, юродивые, глупцы и слабоумные гораздо счастливее мудрецов

Далее, по мнению того же петуха, между людьми идиоты стоят много выше ученых и знатных. Грилл оказался гораздо мудрее *многоопытного* Одиссея, когда предпочел лучше хрюкать в хлеву, чем подвергаться вместе со своим предводителем новым опасностям. В этом со мною, кажется, согласен и сам Гомер, отец всяческой чуши, ибо он постоянно именуется смертных *жалкими и злополучными*, а мудрого своего Одиссея частенько зовет *горемыкой*, между тем как ни разу не дает этого прозвища ни Парису, ни Аяксу, ни Ахиллу. Почему бы это? Не потому ли, что хитрый выдумщик Одиссей ничего не предпринимал без совета Паллады, мудрил свыше меры и постоянно отвергал внушения природы? Итак, между смертными те всего далее от блаженства, которые стремятся к мудрости, нет! они вдвойне глупы, ибо, родившись на свет людьми, мечтают, забывая о своей доле, уподобиться бессмертным богам и по примеру титанов ведут войну против природы с помощью машин, именуемых науками. Зато как счастливы, по видимому, те, которые всего ближе к безмозглым скотам и даже не помышляют ни о чем чересчур высоком! Попробуем пояснить это не стоическими энтимемами,¹⁴⁶ но самым грубым и для всех очевидным примером. Бессмертными богами клянусь, не лучше ли всего живется той породе людей, которые сльвут шутами, дураками, тупицами, болванами, – прекрасные, на мой вкус, прозвища! То, что я сейчас скажу, с первого взгляда может показаться нелепым и бессмысленным, и однако, это – истинная правда. Прежде всего, подобного рода люди свободны от страха смерти – зла превеликого, клянусь Юпитером! Укоров совести они не знают, призраков и прочей нежити не страшатся, боязнь грядущих бедствий не терзаются, надеждой на будущие блага не обольщаются. Говоря короче, не тяготят их тысячи забот, которыми полна наша жизнь. Не стыдятся они, не завидуют, ни о чем не хлопочут, никого не любят и не уважают. Еще один шаг в сторону скотского неразумия – и, по мнению богословов, их заблуждения даже грехом нельзя будет назвать. А теперь взвесь, глупейший мудрец, все заботы, которые денно и ночью гложут твою душу, собери воедино все невзгоды твоей жизни, и ты уразумеешь, от скольких зол спасаю я моих дураков. Добавь сюда, что они не только сами вечно радуются, резвятся, напевают, смеются, но сверх сего одним своим появлением и другим людям приносят веселье, радость, шутки и смех, словно посланы милосердными богами разгонять все печали человеческой жизни. Потому-то, хотя вообще люди относятся друг к другу отнюдь не одинаково, дурачков все любят, как близких и родных, зовут в гости, балуют, ласкают, приходят к ним на помощь в беде; им позволяют безнаказанно говорить и делать что угодно. Никто не решится причинить им обиду, даже дикие звери их не трогают ради их простоты. Поистине, они посвящены богам, особенно – мне, почему и пользуются всеобщим и заслуженным уважением.

¹⁴⁴ **МОИ 2015-11-17:** Басня Горация о том, как лошадь, захотев выгнать косяку из общего пастбища, «взяла всадника на спину и в рот удила».

¹⁴⁵ Намек на диалог Лукиана «Петух, или Сновидение», в котором петух рассказывает о своих превращениях из воина в философа Пифагора, затем в гетеру, циника Кратета, царя, нищего, сатрапа, коня, галку, лягушку и, наконец, в петуха.

¹⁴⁶ Энтимема – сокращенный силлогизм (одна из посылок опущена).

Глава XXXVI. Дураки всем нравятся

Дураки служат потехой величайшим властителям; иные без них ни трапезовать, ни прогуливаться, ни даже единого часа прожить не могут. Своих дурачков государи любят, без всякого сомнения, больше, нежели хмурых мудрецов, которых, впрочем, тоже содержат у себя при дворе чести ради. Причина такого предпочтения столь же ясна, сколь мало удивительна: мудрецы привыкли докладывать государям обо всем печальном, и, гордые своей ученостью, они дерзают порою оскорблять нежные уши язвительной правдой. Наоборот, глупые выходки шутов, их прибаутки, хохот, балагурство монархам всего больше по нраву. Примите в расчет и то немаловажное обстоятельство, что одни дураки бывают вполне искренни и правдивы. А что похвальнее правдивости? Я знаю, Алкивиад в диалоге Платона называет правду спутницей вина и детства, но в действительности мне причитается по заслугам эта хвала; порукую тому Эврипид, которому принадлежит следующее знаменитое изречение: «Глупый по-глупому и говорит»¹⁴⁷. У дурачка что в сердце скрыто, то и на лбу написано, то и с языка срывается. А у мудрецов, как заметил тот же Эврипид, два языка, из коих один говорит правду, а другой разглагольствует сообразно времени и обстоятельствам. Разумники эти – мастера превращать черное в белое, из одних и тех же уст выпускать поочередно холод и жар,¹⁴⁸ одно таить в груди, а другое изъяслять в речах. При всем видимом благополучии своим государи представляются мне несчастнейшими из смертных, потому что никто не говорит им правды и вместо друзей имеют они только льстецов. Но, скажут мне, царские уши не выносят правды; по этой причине и убегают государи от мудрецов, опасаясь, как бы не отыскался среди них человек свободный, который посмеет говорить вещи скорее правдивые, нежели приятные. Это действительно так: ненавистна истина царям. Но то и удивительно в моих дурачках, что от них не только правда, но явные даже укоры выслушиваются с приятностью: пусть обронит неосторожное слово мудрец – головой своей он заплатит за это, а в устах у глупого шута те же самые речи вызывают бурю восторга. Истине самой по себе свойственна неотразимая притягательная сила, если только не примешивается к ней ничего обидного, но лишь одним дуракам даровали боги умение говорить правду, никого не оскорбляя. Пожалуй, по тем же причинам и женщины отдают предпочтение мужчинам этого сорта, ибо они больше других склонны к забавам и всякому вздору. А сверх того, до чего бы ни дошло у женщины с дураком, хотя бы и до самого крайнего, всё легко объяснить игрою и шуткой. Поистине, неистощим на выдумки этот пол, в особенности – когда надо скрыть свои шашни!

Глава XXXVII. Несчастья мудрецов

Но возвращаясь снова к благополучию дураков. Прожив с великой приятностью жизнь, не отравленную страхом и предчувствием смерти, они переселяются прямо в Поля Елисейские¹⁴⁹ дабы забавлять там своими шутками скучающие души праведных.

А теперь сравним жребий какого угодно мудреца с участью глупого шута. Представьте себе человека, который всё детство и юность свои провел в усвоении наук, который убил лучшую часть жизни на непрестанные бдения, заботы, труды, а в прочие годы не вкушал никаких наслаждений; неизменно бережливый, бедный, печальный, хмурый, к самому себе взыскательный и суровый, для других тягостный и ненавистный, бледнолицый, тощий, хилый, подслеповатый, преждевременно состарившийся и поседевший, он до срока расстается с жизнью. Впрочем, не всё ли равно, когда он умрет – ведь он и не жил вовсе! Вот вам образ совершенного мудреца!

Глава XXXVIII. Почему следует отдать предпочтение безумию

Но тут снова заквакали мне в уши *стоические лягушки*. «Нет, – говорят они, – ничего столь жалкого, как безумие, а величайшая глупость соседствует с безумием, вернее сказать, она-то и есть настоящее безумие. Что значит безумствовать, если не заблуждаться во всех своих

¹⁴⁷ Слова из трагедии древнегреческого трагика Еврипида (ок. 480–406 до н.э.) «Вакханки» (369).

¹⁴⁸ **МОИ 2015-11-17:** Старинная басня о сатире, которого в зимнюю стужу земледелец впустил в избу. Сатир увидел, что крестьянин дует на замерзшие пальцы и спросил, почему он так делает. «Чтобы согреть», ответил мужик. Потом сатир увидел, что хозяин дует на горячую кашу, спросил зачем, и получил ответ: «Чтобы охладить кашу». Сатир испугался, воскликнул: «Ты из одного рта дуешь и горячее и холодное!», и сбежал.

¹⁴⁹ Елисейские Поля – обитель блаженных в царстве мертвых (греч. миф.).

помыслах?» Но сами они заблуждаются от начала и до конца своего пути. Разобьем-ка, при помощи Муз, и этот их силлогизм.

Подобно тому как у Платона Сократ рассекает Венеру на две части и из одного Купидона делает двух,¹⁵⁰ так и этим диалектикам, при всей их тонкости и хитрости, не мешает отличать безумие от безумия, если только они желают казаться в здравом уме. Отнюдь не всякое безумие губительно. Иначе не сказал бы Гораций:

Иль сладко безумье так
Прельщает слух и зренье мне?¹⁵¹

Платон не поименовал бы неистовства поэтов, пророков и влюбленных в числе наивысших жизненных благ, и прорицательница не нарекла бы безумным подвиг Энея.¹⁵² Всё дело в том, что безумие бывает двоякого рода: иногда оно посылается из подземного царства жестокими мстительницами, которые, вселяя в нашу грудь ядовитых змей, воспаляют ее то воинственным пылом, то неутолимою жаждой золота, то недозволенной и постыдной любовью, то страстью к отцеубийству, кровосмешению, святотатству и другим подобным злодействам или преследуют преступную душу, устрашая ее фуриями и грозными факелами. Но есть и другое, нимало не сходное с первым безумие, исходящее от меня и для всех отрадное. Оно постигает человека всякий раз, когда какое-либо приятное заблуждение ума освобождает душу от мучительных забот и одновременно досыта поит наслаждениями. Подобная ошибка сама по себе есть наилучший дар богов, о ней-то именно и мечтал Цицерон, когда писал к Аттику,¹⁵³ что желает не сознать великого множества окружающих его бедствий. А разве так уж опасно заблуждался тот аргиевнин, помешательство которого выражалось лишь в том, что он целые дни просиживал в театре один-одинешенек, смеясь, рукоплеща, радуясь, как будто присутствовал при исполнении восхитительной трагедии, тогда как в действительности перед ним не было ни единого актера. Во всех остальных житейских делах он вел себя вполне разумно и дельно.

Добрый соседом он был и хозяином гостеприимным,
Ласков с женою; умел снисходительным быть и к рабам он,
В яростный гнев не впадал, коль печать повредят у бутыли.

Но когда родственникам удалось победить болезнь лекарствами и он пришел в себя, то немедленно стал жаловаться:

...Не спасли вы меня, а убили,
Други, – сказал он, – клянусь! Ибо вы наслажденье исторгли,
Отняли силой обман, что приятнейшим был для сознанья.¹⁵⁴

И правильно: не он, а они скорее нуждались в лечении, ибо иначе не пришло бы им в голову изгонять при помощи целебных снадобий такое блаженное и приятное безумие.

Но мы до сих пор еще не установили, что следует называть безумием – обман чувств или ошибку ума. Ведь ежели человеку близорукому мул представится ослом, то это еще не помешательство; ежели кто сочтет жалкие вирши превосходнейшими стихами, то он еще не сумасшедший. Настоящим помешанным можно считать лишь того, кому изменяют не только внешние чувства, но и способность суждения, и при этом не случайно, но постоянно, – например, если кто, заслышав рев осла, каждый раз будет утверждать, что слышит упоительную музыку, или если человек, рожденный в подлом звании и нищете, возомнит себя богатым и могущественным, словом Крез, царь Лидийский. Но тот род безумия, обычно соединяющийся с веселостью, весьма приятен и тому, кто им одержим, и тому, кто наблюдает его со стороны, сам оставаясь в полном душевном здравии. Такое безумие распространено гораздо шире, нежели принято думать. Сплошь да рядом двое помешанных смеются друг над другом к обоюдному удовольствию. Нередко даже увидите, как тот, чье безумие сильнее, смеется куда громче того, в ком еще сохранился остаток здравомыслия.

¹⁵⁰ Эразм имеет в виду диалог Платона «Пир», в котором утверждается, что есть две Афродиты: старшая, родившаяся из пены морской, Небесная Афродита (Урания) и младшая, дочь Зевса и Дионы, Всенародная Афродита (Пандемос), а следовательно – два Эроса и два различных вида любви (идеальная и чувственная).

¹⁵¹ Гораций, «Оды», III, 4, 4–5. Перевод Н.С. Гинцбурга.

¹⁵² В «Энеиде» Вергилия (VI, 135) прорицательница Сивилла так говорит о намерении Энея спуститься в преисподнюю для свидания с тенью отца его, Анхиза.

¹⁵³ Тит Помпоний Аттик – богатый римлянин, друг Цицерона.

¹⁵⁴ Гораций, «Послания», II, 2, 133–135; 138–140. Перевод Н.С. Гинцбурга.

Глава XXXIX. Безумие супругов, охотников, строителей и игроков

По моему глупому суждению, всех счастливее тот, кто всех безумнее, лишь бы он был подвержен тому виду помешательства, который свойствен мне и который встречается столь часто, что среди всего великого множества смертных вряд ли найдется человек, который вечно оставался бы в здравом уме и не страдал каким-нибудь видом безумия. Ежели кто, видя тькву, принимает ее за свою жену, то его называют сумасшедшим, поскольку такие случаи редки. Но если он, имея супругу, которую делит с весьма многими, в счастливом неведении клянется, что она вернее Пенелопы, и весьма тому радуется, – его никто не назовет безумцем, ибо подобного рода мужей можно видеть повсюду.

К этому сословию принадлежат и те, кто ради охоты на красного зверя позабывает обо всем на свете; такие люди утверждают, будто испытывают несказанное блаженство, слыша вопли рогов и тьяканье собак. Полагаю даже, что собачий кал пахнет для них киннамоном.¹⁵⁵ А что за наслаждение свежевать зверя! Резать быков и баранов подобает простолюдину, но рассекать на части красного зверя не разрешается никому, кроме благородных. Да и те обязаны рубить туши, обнажив голову, преклонив колена, действуя мечом, нарочито для того предназначенным, а не первым подвернувшимся под руку; всё здесь предусмотрено: каждое движение, чередование отсекаемых членов и прочее, совсем, как в церковном обряде. А вокруг стоит безмолвная толпа и дивится, как будто глядит на какую-то новинку, а не на привычное, тысячу раз виденное зрелище. А если кому посчастливится и отведать дичины, то ликует он так, словно приобщился к высокороднейшему дворянству. Следствием же этой усердной травли и поеданья зверей оказывается лишь то, что люди сами превращаются чуть ли не в скотов, хотя мнят себя живущими по-царски.

Всего ближе к этому роду помешанных стоят неутомимые зодчие, без конца перестраивающие круглое здание в квадратное и квадратное – в круглое; занятие это не знает ни конца, ни предела, доколе строители наши, промотавшись в пух, не останутся без крова и пропитания. Что за беда? Зато несколько лет они прожили в полное свое удовольствие.

За ними следуют те, кто при помощи тайных, невиданных прежде наук тшятся преобразовать природу вещей и отыскивают некую пятую сущность на суше и в морской пучине.¹⁵⁶ И так обольщает их сладкая надежда, что не жалеют они ни трудов, ни издержек, с удивительной изобретательностью придумывают постоянно что-нибудь новое, обманывают и морочат себя приятнейшим образом до тех пор, пока не лишатся всего и не останутся без гроша – даже горн починить не на что. Это, однако, не мешает им по-прежнему видеть радужные сны и соблазнять других людей тем же блаженством. Когда же покидает их, наконец, всякая надежда, то они властью утешаются известным изречением:

Важно уже и стремление в деле великом.¹⁵⁷

При этом они жалуются на кратковременность жизни, которой-де не хватило на осуществление исполинского замысла.

Я не совсем уверен, можно ли допустить в наше братство игроков. Но поистине глупы и смешны люди, до такой степени пристрастившиеся к игре, что, едва слышат стук костей, сердце у них в груди так и прыгает. Беспреданно обольщаемые надеждой на выигрыш, они натываются со всем кораблем своим на скалу неудачи, не менее страшную, нежели скалы Малей.¹⁵⁸ Вынырнув нагишом, они готовы бывают надуть кого угодно, но только не прежних своих победителей – оттого, разумеется, что боятся уронить свое достоинство. И старики, наполовину ослепшие, тоже играют, нацепив на нос очки. У иного хирагрой так скрючило пальцы, что он вынужден нанимать себе помощника, который мечет вместо него кости. Да, сладкая вещь игра, но слишком уж часто переходит она в неистовство, подвластное уже не мне, но фуриям.

¹⁵⁵ Киннамон – благовонное масло.

¹⁵⁶ Помимо четырех материальных сущностей (земли, воды, воздуха и огня), о которых писали античные материалисты, средневековые философы различали пятую (квинтэссенцию), якобы наиболее истинную сущность вещей.

¹⁵⁷ Слова из элегии римского поэта I в. до н.э. Секста Проперция (II, 10, 6).

¹⁵⁸ Малей – очень опасный для мореплавателей мыс на побережье Пелопоннеса.

Глава XL. Суеверы

Зато, без всякого сомнения, из нашего теста испечены того сорта люди, которые любят рассказы о ложных знаменьях и чудесах и никак не могут досыта наслушаться басен о призраках, лемурах, ларвах,¹⁵⁹ выходцах с того света и тому подобной невидали; и чем более расходятся с истиной эти небылицы, тем охотнее им верят, тем приятнее ласкают они слух. Не для одного препровождения времени рассказываются эти басни – бывает от них и выгода, особливо священникам и площадным краснобаям. Нужно здесь помянуть и тех, кто внушил себе глупое, но приятное убеждение, будто стоит человеку поглядеть на статую или икону Полифема-Христофора¹⁶⁰ – и смерть не грозит ему в тот день; или, что, прочитав перед статуей св. Варвары некую молитву, он воротится цел и невредим с поля боя; или, что, ставя в известные дни свечки св. Эразму,¹⁶¹ он вскорости делается богачом. Из св. Георгия люди эти создали себе нового Ипполита¹⁶² или Геракла, на его коня, благоговейно украшенного драгоценной попоной с кистями, они только что не молятся; стараясь заслужить его расположение, они то и дело подносят ему подарочки, а медным шлемом святого клянутся даже короли. А что сказать о тех, которые, якобы искупив свои грехи пожертвованием на церковь, безмятежно радуются и измеряют срок своего пребывания в чистилище веками, годами, месяцами, днями, часами – без малейшей ошибки, словно при помощи клепсидры¹⁶³ или математической таблицы? Что сказать далее о тех, которые верят в волшебные амулеты и наговоры, выдуманные каким-нибудь благочестивым обманщиком для потехи или выгоды ради, и тешат себя надеждами на богатство, почести, наслаждения, избыток во всем, вечно цветущее здоровье, долгую жизнь, бодрую старость и, наконец, место в царствии небесном поближе к самому Христу? Впрочем, попасть туда они рассчитывают возможно позже: когда, мол, пресытятся всеми наслаждениями здешней жизни, тогда и променяют ее на райское блаженство. Судите сами: иной купец, воин или судья, уделив единый грошик из всего награбленного им, верит, что разом обелил скверну своей жизни; все ложные клятвы, грязные похоти, кутежи, драки, убийства, обманы, козни, измены он считает выкупленными и оплаченными, словно по договору, так что при желании впору бы начать новый круг мерзостей. Можно ли быть глупее, да нет! – счастливее тех, кто, читая ежедневно семь стихов из священной «Псалтири», сулит себе за то вечное блаженство? Полагают, что названные магические стишки указал св. Бернарду некий демон, весьма красноречивый, что и говорить, но вместе с тем скорее легкомысленный, чем хитрый, а потому и попавший впросак.¹⁶⁴ Всё это настолько глупо, что даже я готова устыдиться, и, однако, этому верят не только грубые мужики, но и наставники церкви. Вполне уместно будет сказать и о том, что каждая область заявляет притязания на своего особенного святого; каждый чествуются особыми обрядами, каждому из них приписываются особые способности: один исцеляет от зубной боли, другой искусно помогает роженицам, третий возвращает украденные вещи, этот спасает при кораблекрушении, тот охраняет стада, и так далее в том же роде. Перечислять всех подряд было бы слишком долго. Существуют также святые, оказывающие помощь во всех случаях жизни, такова в особенности богородица-дева, которую простой народ чтит даже более, чем ее сына.

Глава XLI. Прощения и благодарности

Но разве просят люди у всех этих святых чего-нибудь, не имеющего отношения к глупости? Взгляните на благодарственные приношения, которыми стены иных храмов украшены

¹⁵⁹ Лемуры, ларвы – духи умерших (римск. миф.).

¹⁶⁰ Эразм сопоставляет великана Полифема со св. Христофором потому, что иконописцы обычно изображали этого святого очень высоким, с огромным посохом, похожим на мачту.

¹⁶¹ **МОИ 2015-11-17:** Эразм – христианский святой, помощник при болезнях домашнего скота и недугах живота; часто изображался со вспоротым животом. Согласно легенде, епископ Эразм Антиохийский (Формийский) (умер около 303 г.) погиб мученической смертью: ему вспороли живот и кишки намотали на лебедку.

¹⁶² Св. Георгий постоянно изображается на коне, а юноша Ипполит, погубленный влюбившейся в него мачехой, был, согласно мифу, искусным наездником.

¹⁶³ Клепсидра – водяные часы.

¹⁶⁴ В житии св. Бернарда Клервосского (ум. в 1153) рассказывается, как явившийся ему однажды дьявол хвастался, что знает такие семь стихов из «Псалтири», ежедневное чтение которых непременно приведет в рай, но открыть эти стихи отказался. Св. Бернард решил ежедневно прочитывать всю «Псалтирь». Тогда дьявол, рассудив, что это составит еще больший подвиг благочестия, чем чтение семи строк, назвал магические стихи.

вплоть до самой кровли, – увидите ли вы среди них хоть одно пожертвование за избавление от глупости, за то, что приноситель стал чуть-чуть умнее бревна? Один тонул, но выплыл. Другой был ранен врагом, но выжил. Третий удрал столь же доблестно, сколь счастливо, с поля битвы, в то время как другие продолжали сражаться. Четвертый был вздернут на виселицу, но при помощи некоего святого, покровителя воров, сорвался и ныне продолжает с успехом облеγχать карманы богачей, обремененные деньгами. Пятый бежал, проломав стену тюрьмы. Шестой, к негодованию своего врача, исцелился от лихорадки. Седьмой хлебнул яду, но не умер, а только прочистил желудок на горе своей супруге, которая впустую потрудилась и потратилась. У восьмого опрокинулась повозка, но кони вернулись домой невредимые. На девятого обрушилась кровля, но он остался цел. Десятый, застигнутый мужем на месте преступления, счастливо спасся. Но никто не благодарит за избавление от глупости. Так сладко ни о чем не думать, что от всего откажутся люди, только не от Мории. Но к чему пускаться в это море суеверий?

Если б имела я сто языков и железное горло,
То и тогда б не могла дураков породу исчислить
И описать до конца многовидные глупости формы.¹⁶⁵

Вся жизнь христиан до краев переполнена подобными безумствами, а священнослужители не только терпят их, но и поощряют, ибо знают отлично, как это увеличивает их доходы. Теперь представьте, что вдруг появляется среди нас несносный некий мудрец и начинает проповедовать: «Ты не погибнешь, если станешь жить праведно; грехи твои простятся тебе, если к пожертвованной лепте ты присовокупишь ненависть к злым делам, слезы, бдения, молитвы, посты – словом, всё переменишь в твоей жизни. Святой этот станет тебе покровительствовать, если ты решишься ему подражать».

Если бы, говорю я, такой мудрец взялся неотступно бубнить свои поучения, сами можете себе представить, в какую смуту вверх бы он души людские, прежде утопавшие в блаженстве!..

К нашему братству принадлежат и те, кто еще при жизни усердно хлопочет о собственных похоронах, подробно указывает, сколько факелов, сколько праздных зевак в трауре, сколько певчих и сколько наемных плакальщиков должны сопровождать его тело, как будто он сам сможет любоваться на это зрелище или будет сконфужен, ежели труп предадут земле без надлежащей пышности. Право, эти люди хлопочут так, словно их избрали эдилами для устройства народных игрищ и угощения.¹⁶⁶

Глава XLII. Люди, бахвалящиеся благородством своего происхождения

Как ни тороплюсь я, не могу, однако, обойти молчанием тех, которые хоть и не отличаются ничем от последнего поденщика, однако кичатся благородством своего происхождения. Один ведет свой род от Энея, другой – от Брута, третий – от Артура.¹⁶⁷ Повсюду выставляют они скульптурные и живописные изображения своих предков, исчисляют прадедов и пращуров, вспоминают старинные фамильные прозвища, а ведь сами недалеко ушли от бессловесных истуканов. Это, впрочем, не мешает им чувствовать себя как нельзя лучше – при любезном содействии Филавтии. Но еще находятся дураки, готовые приравнять этих родовитых скотов¹⁶⁸ к богам!

Зачем, впрочем, говорю я о том или ином виде тщеславных и блаженных глупцов, когда Филавтия создает счастливых повсюду и самым чудесным образом? Иной уродливее обезьяны, а самому себе кажется Ниреем. Другой, проведя кое-как при помощи циркуля три кривых линии, мнит себя Эвклидом. Этот в музыке – что *осел, играющий на лире*, и поет не лучше курицы, которую оседлал петух, а воображает себя вторым Гермогеном.¹⁶⁹ А вот еще один, без всякого сомнения приятнейший род помешательства, – когда господа тщеславятся дарованиями своих слуг, словно своими собственными. Таков, например, был трижды счастливый богач, описанный

¹⁶⁵ Мория перефразирует три строки из «Энеиды» (VI, 625– 627).

¹⁶⁶ Эдилы – в древнем Риме выборные лица, в обязанности которых входили организация народных зрелищ, городское благоустройство, полицейский надзор и регулирование продовольственного снабжения.

¹⁶⁷ Артур – легендарный король Британии. С его именем связаны кельтские предания, послужившие сюжетами для множества средневековых романов (так называемый цикл романов Круглого Стола).

¹⁶⁸ **МОИ 2015-11-12:** В оригинале «Neque desunt æque stulti, qui hoc belluarum genus perinde ut Deos suspiciunt». «Bellua» – это «страшный зверь» (обычно подразумевался слон); Эразм, таким образом, говорит не «родовитые скоты», а «род слонов» (belluarum genus). Губер перевел не согласно эразмовским, а своим (или эпохи) воззрениям.

¹⁶⁹ Гермоген – известный певец, о котором упоминает Гораций («Сатиры», I, 3, 129).

Сенекой: желал он рассказать забавную историю – к его услугам были рабы, подсказывавшие ему всё, чего он сам не упомянул, и хотя сам был так хил и бессилён, что едва душа держалась, он не боялся участвовать в кулачных боях, полагаясь на силу своих многочисленных слуг.

Нужно ли поминать здесь служителей свободных искусств? Им всем так близка Филавтия, что иной скорей откажется от отеческого достоинства, нежели признает себя лишенным таланта; таковы в особенности актеры, певцы, ораторы и поэты, из коих кто невежественнее других, тот и наглее в своем самомнении, громче хвастается, больше пыжится. Но на всякий товар свой купец найдется, и, мало того, чем бездарней такой человек, тем больше у него почитателей; самая низкопробная дрянь всегда приводит толпу в восхищение, ибо значительное большинство людей, как уже сказано, заражено глупостью. Невежда и сам собою доволен, и другие им восторгаются, так зачем же стремиться к истинной учености, добываемой великими трудами, приносящей с собою робость и застенчивость и, наконец, ценимой столь немногими?!

Глава XLIII. Филавтия отдельных смертных, народов и городов

Но природа не только каждого смертного одарила личным тщеславием – она постаралась снабдить народы и даже отдельные города некоей общей Филавтией. Поэтому британцы заявляют исключительные притязания на телесную красоту, музыкальное искусство и хороший стол. Шотландцы тешатся своим благородством и родством с королями, а также тонкостью ума. Французы только себе приписывают приятную обходительность. Парижане уверены, будто они превыше всех стоят в науке богословия. Итальянцы присвоили себе первенство в изящной литературе и красноречии, а посему пребывают в таком сладостном обольщении, что из всех смертных единственно лишь себя не почитают варварами. Этой блаженной мыслью более всех проникнуты римляне, которым доселе снятся приятные сны о древнем Риме. Венецианцы счастливы сознанием своего знатного происхождения. Греки мнят себя творцами всех наук и приписывают себе достохвальные деяния древних героев. Турки, это скопище настоящих варваров, притязают на обладание единственно истинной религией и смеются над суеверием христиан. Но куда слаще самообольщение иудеев, которые доселе упорно ждут своего Мессию и цепко держатся за Моисея. Испанцы никому не согласны уступить в том, что касается воинской славы. Немцы бахвалятся высоким ростом и знанием магии.

Глава XLIV. Сестра Филавтии – Лесть

Полагаю, что вам и без дальнейших подробностей должно быть ясно, сколь великую отраду доставляет и отдельным смертным и всему человечеству вообще моя Филавтия, с которой весьма схожа ее сестра – Лесть. В самом деле, Филавтия есть не что иное, как самообольщение. Лести другому, и это будет *Колакия*. В наши дни лесть почитается чем-то постыдным, но так судят лишь те, для которых названия вещей имеют больше значения, нежели самые вещи. Они полагают, что лесть несовместима с верностью; но они заблуждаются – даже животные служат примером обратного. Кто лстивее пса? И кто его вернее? Найдется ли животное ласковее белки, и кто так легко, как она, становится другом человека? Или, быть может, для совместной жизни с людьми более пригодны суровые львы, свирепые тигры, неистовые леопарды? Есть, правда, и пагубный вид лести, при помощи которого иные коварные насмешники доводят несчастных до гибели. Но моя Колакия рождается от добродушия и простосердечия и более сходствует с добродетелью, нежели противные ей суровость и угрюмство, столь несносные и докучливые, по слову Горациеву. Она ободряет упавших духом, увеселяет печальных, поднимает расслабленных, будит оцепенелых, больных исцеляет, свирепых умягчает, любящих сблизает, а сблизив, удерживает в единении. Она побуждает отроков к усвоению наук, веселит старцев; под видом похвал и без обиды увещевает и научает государей. В общем, благодаря ей каждый становится приятнее и милее самому себе, а ведь в этом и состоит наивысшее счастье. Поглядите, как услужливо два мула почесывают друг другу спины. Не в этом ли состоит главная задача красноречия, еще в большей степени медицины и всего более поэзии? Лесть – это мед и приправа во всяком общении между людьми.

Глава XLV. Счастье зависит от нашего мнения о вещах

Но ведь заблуждаться – это несчастье, говорят мне; напротив, не заблуждаться – вот величайшее из несчастий! Весьма неразумны те, которые полагают, будто в самих вещах заключается людское счастье. Счастье зависит от нашего мнения о вещах, ибо в жизни человеческой всё так неясно и так сложно, что здесь ничего нельзя знать наверное, как справедливо

утверждают мои академики,¹⁷⁰ наименее притязательные среди философов. А если знание порой и возможно, то оно нередко отнимает радость жизни. Так уж устроена человеческая душа, что более прельщается обманами, нежели истиною. Ежели кто потребует от меня наглядных и убедительных примеров, я посоветую ему посетить храм или общественное собрание. Когда речь ведется о предметах важных, все спят, зевают и томятся. Но стоит только орущему (виновата, я хотела сказать – ораторствующему) рассказать какую-нибудь дурацкую, смешную историю (а это случается нередко), все оживляются, подбадриваются, наостряют уши. Равным образом, чем больше поэтических выдумок вокруг святого, как, например, вокруг Георгия, Христофора или Варвары, тем усерднее ему поклоняются, не то что Петру, Павлу или даже самому Христу. Впрочем, здесь не место говорить об этом.

Итак, счастье зависит не от самих вещей, но от того мнения, которое мы о них составили. К вещам доступ труден, даже к самым легким, вроде грамматики, а мнения усваиваются легко и просто, и их одних с избытком хватает для достижения счастья. Поглядите-ка на этого обжору, уписывающего гнилую солонину; иной запаха ее не стерпел бы, а ему она представляется амброзией – так чего же недостает ему для полного блаженства? И напротив, ежели кого тошнит от осетра, то что ему за радость в этом ястве? Если супруга до крайности безобразна, но мужу своему кажется достойной соперницей Венеры, то не всё ли это равно, как если бы она была воистину красавицей? Ежели кто, любуясь картиною, написанную негодным маляром, дивится ей, считая созданием Зевксиды или Апеллеса,¹⁷¹ не блаженнее ли он того, кто, купив за дорогую цену творения этих мастеров, быть может, гораздо меньше будет наслаждаться их созерцанием? Знаю я одного человека моего соименника,¹⁷² который подарил своей молодой жене поддельные дорогие камни, но при этом сумел уверить ее, будто они настоящие, подлинные, воистину единственные в своем роде, так что даже цены не имеют. Спрашивается: не всё ли равно было этой девчонке – тешить глаза свои и душу стекляшками или хранить в ларце под замком действительно несравненное сокровище? А супруг между тем и расходов избег и жене своей обманутой угодил не меньше, чем если бы преподнес ей богатый подарок. Что скажете вы об узниках Платоновой пещеры, дивящихся теням и подобиям вещей и довольствующихся этим зрелищем? Не счастливее ли они того мудреца, который, выйдя из пещеры, созерцает самые вещи?¹⁷³ Лукианов Микилл, видевший себя во сне богачом, не пожелал бы себе иного блаженства, если б дано ему было вечно грезить.¹⁷⁴ Итак, либо нет никакой разницы между мудрецами и дураками, либо положение дураков не в пример выгоднее. Во-первых, их счастье, покоящееся на обмане или самообмане, достается им гораздо дешевле, а во-вторых, они могут разделить свое счастье с большинством других людей.

Глава XLVI. Глупость на всех смертных равно изливает свои благодеяния

Далее известно, что никакие житейские блага не будут нам приятны, ежели мы пользуемся ими одни, без товарищей. Но каждый знает и другое: если существуют на свете мудрецы, то лишь в самом малом числе. За столько веков греки насчитали их всего семь, да и то, клянусь Гераклом, ежели перетряхнуть хорошенько этих семерых, то – помереть мне на этом самом месте – не найдется среди них даже половины настоящего мудреца, а пожалуй, так и одной трети. Много похвал воздают Вакху, но особенно славят его за то, что он снимает с души всякие заботы, – впрочем, лишь на самое малое время: как проспишься с похмелья, тотчас словно на четверке подкатывают к тебе тяжелые думы. Сколь полнее и прочнее моя благостыня, ибо я вечным опьянением ублажаю и веселю душу, и притом без всяких хлопот! Сверх того, я наделяю моими дарами всех смертных без изъятия, тогда как щедроты прочих богов распределяются отнюдь не поровну. Далеко не во всех землях рождается благородное, тонкое вино, прогоняющее

¹⁷⁰ Академики – последователи Платона. Основанная Платоном философская школа, называлась Академией потому, что его ученики и друзья собирались в роще, посвященной герою Академу (близ Афин).

¹⁷¹ Зевксид (V в. до н.э.) и Апеллес (IV в. до н.э.) – знаменитые древнегреческие живописцы.

¹⁷² Моего соименника – то есть Томаса Мора.

¹⁷³ Эразм имеет в виду знаменитое место из диалога Платона «Государство» (начало кн. VII), где люди уподоблены узникам, заключенным со дня рождения в темной пещере. Они обращены спиной к выходу и видят лишь тени предметов, проносимых мимо пещеры. Только созерцающий идею мудрец подобен человеку, который вышел из пещеры на свет и увидел самые предметы.

¹⁷⁴ В диалоге Лукиана «Петух, или Сновидение» выведен некий Микилл, который во время послеобеденного сна увидел себя богачом, но был разбужен петухом и горько об этом сожалел.

заботы и вливающее в сердце безграничную надежду. Редко кому достается в удел красота, милостиво ниспосланная Венерой, еще реже – красноречие, дар Меркурия. Лишь немногим удалось обогатиться при помощи Геракла. Не каждому дает власть Гомеров Юпитер. Марс сплошь да рядом отказывает в своем благоволении обоим сражающимся воинствам. Сколь многие печально обращаются вспять от треножника Аполлонова. Сын Сатурнов часто мечет молнии на Землю, а Феб посылает чуму своими стрелами. Нептун больше губит людей, нежели спасает. Лишь мимоходом упомяну здесь о Вейовисах, Плутонах, Атах, Пенах, Фебрах¹⁷⁵ и прочих – не богах, а палачах. Единственно я, Глупость, всех равно и с такой готовностью жалую моей благостью.

Глава XLVII. Снисходительность Глупости

Я не требую даров и обетов, не гневаюсь и не жду искупительных приношений, ежели в обряд вкралась какая погрешность. Я не переворачиваю вверх дном небо и землю, когда прочих богов приглашают обонять благовоние жертв, а меня забывают, и я остаюсь дома. Между тем другие боги отличаются в этих делах столь великою строгостью, что лучше и безопаснее даже и не вспоминать о них, нежели служить им. Таковы же и многие люди, столь капризные и чувствительные к обидам, что лучше с ними вовсе не знаясь, нежели дружить. Но, скажут мне, ведь никто не приносит жертв Глупости, никто не воздвигает ей храмов. Я уже говорила, что дивлюсь подобной неблагодарности. Впрочем, по снисходительности моей, я смотрю на это добродушно, да, по правде говоря, совсем и не желаю, чтоб мне служили, как прочим богам. Чего ради стану я требовать ладана или муки, козленка или борова, когда смертные всякого рода и звания и без того правят мой обряд при полном одобрении богословов? Разве что Диане позавидовать, которую потчуют человеческой кровью? Я полагаю, что мне служат с великим благоговением, ибо всегда и всюду носят меня в своих сердцах и подражают мне в жизни. Такое почитание святых не часто встретишь и среди христиан. Как много людей возжигают свечи богородице даже среди бела дня, когда в том нет никакой нужды! Но сколь малое число их стремится подражать ей чистотою жизни, кротостью и любовью ко всему небесному. А ведь в этом-то и состоит истинное, самое отрадное для небожителей служение. Зачем мне храмы, когда весь круг земной – мой храм, прекраснее которого, по-моему, ничего быть не может. Таинства мои не останутся без причастников, доколе существуют люди. Я не так глупа, чтобы домогаться икон и статуй – они нередко вредят чистоте культа, ибо дураки и тупицы чтут иконы усерднее, чем изображенных на них святых, а тем временем мы, боги, терпим то же, что священник, которого выгоняет из прихода его же vikарий. Я считаю, что мне воздвигнуто столько статуй, сколько есть на свете людей, воспроизводящих вживе мой образ, хотя бы и вопреки своей воле. Итак, нечего мне завидовать прочим богам, если иные из них в определенные дни чтутся в том или ином уголке земли, например Феб на Родосе, Венера на Кипре, Юнона в Аргосе, Минерва в Афинах, Юпитер на Олимпе, Нептун в Таренте, Приап в Лампсаке, ибо мне весь мир усердно и непрерывно приносит несравненно лучшие жертвы.

Глава XLVIII. Различные виды и формы Глупости

Иному из вас, быть может, покажется, что в словах моих больше дерзости, нежели правды, но приглядимся чуть повнимательнее к жизни людской – и тотчас увидим, сколь многие у меня в долгу, как усердно чтут меня и великие и малые мира сего. Я не стану разбирать здесь одно за другим все состояния и сословия, – это было бы слишком долго, – а буду говорить лишь о тех, кто поважней; об остальных вы легко и сами рассудите. В самом деле, к чему заниматься чернью, которая, без всякого сомнения, вся целиком мне подвластна? Люди простого звания сообщают глупости столь разнообразные формы, они ежедневно изобретают по этой части такие новшества, что для осмеяния их не хватило бы и тысячи Демокритов, тем более что самим Демокритам этим понадобился бы новый Демокрит.

Вы не поверите, какое развлечение, какую потеху, какое удовольствие доставляют ежедневно людишки богам! Трезвые предполуденные часы боги привыкли посвящать выслушиванию людских споров и обетов, но когда, хлебнув нектара, они теряют охоту к предметам важным, то забираются повыше на небо и оттуда глядят вниз. Нет зрелища приятнее! Боже бессмертный, что за представление эта шутовская возня глупцов! (Я и сама люблю посидеть

¹⁷⁵ Вейовис – древнеримский бог мщения. Пены – олицетворения кары, возмездия. Фебры – богини лихорадки (римск. миф.).

здесь в одном ряду с богами поэзии). Вот человек, который сохнет по какой-нибудь бабенке и тем сильнее влюбляется, чем меньше встречает взаимности. Вот другой берет себе приданое, а не жену. Один посылает на блуд собственную невесту; другой ревниво, как Аргус, следит за нею. Этот, по случаю траура, каких только глупостей не говорит и не делает! Призывает, например, наемных лицедеев, чтобы они изобразили в лицах его печаль. Тот плачет над могилою мачехи. Этот пихает себе в глотку всё, что только удастся раздобыть, хотя, быть может, вскоре ему придется голодать. Этот ничего не знает приятнее сна и досуга. Есть и такие, которые вечно шумят и волнуются по поводу чужих дел, своими же пренебрегают. Иной – весь в долгах, накануне разорения, а мнит себя богатеем. Для другого нет высшего блаженства, как жить всю жизнь в нищете, лишь бы наследнику досталось побольше. Этот ради малой и неверной прибыли рыщет по морю, веря волнам и ветрам свою жизнь, которую нельзя купить ни за какие деньги. Другой предпочитает искать сокровищ на войне, вместо того чтобы дома наслаждаться покоем и безопасностью. Найдутся и такие, которые удобнейший путь к обогащению видят в том, чтобы подольститься к одиноким старичкам, в то время как иные, стремясь к той же цели, обольщают богатых старушек. Какая потеха для богов-зрителей, когда и те и другие бывают одурочены теми, кого хотели надуть.

Но глупее и гаже всех купеческая порода, ибо купцы ставят себе самую гнусную цель и достигают ее наигнуснейшими средствами: вечно лгут, божатся, воруют, жульничают, надувают и при всем том мнят себя первыми людьми в мире потому только, что пальцы их украшены золотыми перстнями. Вертятся вокруг них лстивые братцы-монахи, которые ими восхищаются, громко именуют их *достопочтенными*, в надежде получить малую толику от несправедливо нажитых богатств. Зато в другом месте увидишь подчас неких пифагорейцев, которым все блага земные представляются до того общими, что они всё лежащее без охраны тащат с легким сердцем, словно законное наследство получили.¹⁷⁶ Немало и таких, что богаты лишь в мечтах: услаждаясь приятными снами, они бывают вполне довольны и счастливы. Иные на людях разыгрывают богачей, а дома усердно постыются. Один расточает всё, что имеет, другой приумножает правдами и неправдами. Этот домогается у народа почетной должности, тот сидит весь век у себя за печкой. Многие ведут нескончаемые тяжбы, наперебой обогащая судью-волокичка и его пособника – адвоката. Один замышляет государственный переворот, другой лелеет честолюбивые замыслы. Иной отправляется в Иерусалим, Рим или Сант-Яго,¹⁷⁷ где нет у него никакого дела, а дома покидает жену и ребят... В общем, ежели поглядеть с луны, по примеру Мениппа,¹⁷⁸ на людскую сутолоку, то можно подумать, будто видишь стаю мух или комаров, дерущихся, воюющих, интригующих, грабящих, обманывающих, блудящих, рождающихся, падающих, умирающих. Нельзя и представить себе, сколько движения, сколько трагедий в жизни этих недолговечных тварей, ибо сплошь да рядом военная буря или чума губит и уничтожает их целыми тысячами.

Глава XLIX. Грамматики

Но я сама была бы всех глупее и вполне достойна того, чтобы Демокрит хохотал надо мной во всё горло, если бы вздумала исчислять здесь все разновидности глупости и безумства, существующие в народе. Обращаюсь поэтому к тем, которые почитаются у смертных за мудрецов и держат, как говорится, златую ветвь в руках.¹⁷⁹ Среди них первое место занимают грамматики – порода людей, несчастнее которой, злополучнее и ненавистнее богам не было бы на свете, если б я в своем 4 милосердии не скрашивала тягот их ремесла неким сладким безумием. Не пяти проклятиям, о которых гласит греческая эпиграмма,¹⁸⁰ они обречены, но целой тысяче,

¹⁷⁶ Пифагорейцы основывали аскетические общины, в которых отчасти осуществляли проповедущий ими отказ от личной собственности.

¹⁷⁷ Испанский городок Сант-Яго, в котором, по преданию, хранились чудотворные мощи апостола Иакова, покровителя Испании, был местом паломничества.

¹⁷⁸ Вероятно, намек на диалог Лукиана «Икаротенипп», герой которого, Менипп, смастерив себе крылья, взлетел на Луну.

¹⁷⁹ Некоторые комментаторы полагают, что Эразм намекает на розгу, которой был неизменно «вооружен» учитель. **МОИ 2015-11-08:** Чепуха! Это золотая ветвь, которую под руководством сибиллы нашел Эней (в поэме Вергилия), и которая дала ему знания, как попасть в подземное царство.

¹⁸⁰ Речь идет об одной из эпиграмм поэта IV–V вв. п. р. Паллада, где говорится о том, что жизнь учителя так же мрачна, как первые пять стихов «Илиады» Гомера, с которой начиналось изучение грамматики в школе.

ибо вечно они голодны, грязны и проводят всю жизнь свою в училищах, – «в училищах» сказала я? – нет, в размышляльнях,¹⁸¹ или, вернее, на мельницах, в застенках для пыток; окруженные толпами мальчишек, они преждевременно стареют от непосильных трудов, глохнут от криков, чахнут от грязи и смрада и, однако, по моей милости, мнят себя первыми среди смертных. Чрезвычайно собой довольные, они устрашают робкую стаю ребятишек своим грозным видом и голосом; они полосуют бедняжек прутьями, розгами, плетью и свирепствуют, по своему благоусмотрению, на все лады, точь-в-точь как известный кумский осел.¹⁸² Зато грязь представляется им чистотой, смрад – майорановым благовонием, а собственное жалкое рабство – царственной властью, так что тирании своей они не променяли бы на могущество Фаларида или Дионисия.¹⁸³

Но особенно счастливы они сознанием своей необычайной учености. Они пичкают мальчуганов всякою чушью, и, однако, боги великие, где тот Палемон или Донат,¹⁸⁴ на которого они не глядели бы с презрением! При помощи какого-то неведомого колдовства они ухитряются внушить глупеньким матушкам и отцам-идиотам то же высокое понятие о себе, какого сами придерживаются. Присовокупите сюда удовольствие отыскать иной раз на полуистлевшем листе имя матери Анхиза¹⁸⁵ или какое-нибудь полузабытое словечко, например, «меево», «жупа» или «должея»¹⁸⁶, или выкопать где-нибудь обломок древнего камня с полустертою надписью. О, Юпитер, какой поднимается тогда шум, какое ликование, какие хвалы – можно подумать, что человек Африку покорил или овладел Вавилоном! Иной, читая повсюду свои холодные, вялые вирши и находя дураков, готовых восхищаться, начинает верить, будто душа самого Вергилия Марона вселилась в его грудь. Но забавнее всего наблюдать, как они на началах взаимности прославляют и восхваляют друг друга и почесывают один другому за ушами. Зато, случись им уличить в ошибке, хотя бы и самой пустячной, кого-нибудь из посторонних – Геракл великий! – какая тотчас разыграется трагедия, какие поднимутся споры, какая брань посыплется, какие оскорбления! Пусть возненавидят меня все грамматик, ежели я лгу. Знакома я с одним *ученейшим мужем*, эллинистом, латинистом, математиком, философом, медиком, настоящим *царем всех наук*, человеком уже лет шестидесяти, который, позабыв всё на свете, уже лет двадцать корпит и мучается над грамматикой, утешая себя надеждой дожить до того счастливого дня, когда он научится безошибочно различать все восемь частей речи, чего, как известно, не мог вполне достигнуть ни один из эллинистов и латинистов. Как будто стоит заводить войну, ежели кто примет иной раз союз за наречие! К тому же грамматик у нас не меньше, чем грамматиков, и даже больше, – ибо один мой милый Альд¹⁸⁷ издал их целых пять, – и вот старик не пропускает ни одной грамматик, даже самой невежественной и нелепой, не изучив и не прозубрив ее от доски до доски. На каждого глядит он с подозрением, жалко трусит, как бы кто не похитил у него вожделенную славу, как бы не пропали усилия стольких лет понапрасну. Назовете вы это безумием или глупостью – мне всё равно. Признайтесь только, что по моей милости жалчайшая из тварей наслаждается таким блаженством, что не захочет поменяться своей участью даже с персидскими царями.

Глава L. Поэты

Значительно менее обязаны мне поэты, хотя по свойству своего ремесла целиком принадлежат к моей партии. Ведь поэты, как говорит пословица, – вольный народ, всё дело которого в

¹⁸¹ Так, издеваясь над философами, называет Аристофан школу Сократа в комедии «Облака».

¹⁸² Латинская поговорка об осле в львиной шкуре. **МОИ 2015-11-08:** Кумы – город в Кампании; по басне Эзопа там осел оделся в львиную шкуру и пугал людей, но был опознан по длинным ушам, выпорот и загнан обратно в хлев.

¹⁸³ Дионисий – имя двух сиракузских тиранов, Дионисия Старшего (431–367 до н.э.) и его сына Дионисия Младшего (свергнут в 357). **МОИ 2015-11-08:** Фаларид – тоже тиран в Сицилии.

¹⁸⁴ Реммий Палемон – римский грамматик I в. н.э., отличавшийся необыкновенной самонадеянностью. Элий Донат – известный римский ритор и грамматик IV в.н.э.

¹⁸⁵ Анхиз – отец Энея.

¹⁸⁶ **МОИ 2015-11-09:** У Эразма здесь слова *bubsequa*, *bovinator*, *manticulator*, которые означают соответственно «пастух волгов», «кловок уклоняющийся» и «перебирающий сумку (или кошелек)».

¹⁸⁷ Альд Мануций (1449–1515) – друг Эразма, владелец знаменитой типографии в Венеции, издававший сочинения древних авторов, а также гуманистов, в частности – произведения Эразма. **МОИ 2015-11-09:** по-латински *Aldus*; его именем названа современная знаменитая компьютерная издательская система *Aldus PageMaker*.

том и состоит, чтобы ласкать уши глупцов разной чушью и нелепыми баснями. И, однако, своим празднословием они не только сами надеются купить бессмертие и вживе уподобиться богам, но и другим то же сулят. Филавтия и Колакия водят дружбу с этим сословием более, чем с каким-либо другим, и вообще нет у меня поклонников постояннее и вернее.

Далее следуют риторы, которые хотя и блудят иногда, заигрывая с философами, но все-таки тоже принадлежат к нашей партии, о чем свидетельствует и то обстоятельство, что они, среди прочего вздора, усердно и подробно описали, как должно шутить. Не напрасно автор послания Гереннию «Об искусстве речи»¹⁸⁸ – кто бы он ни был – называет глупость одной из разновидностей шутки. У Квинтилиана,¹⁸⁹ истинного царя всего этого сословия, также есть глава о смехе – более пространный, нежели «Илиада». Ораторы столь высоко ценят глупость, что нередко при отсутствии доводов отыгрываются на смехе. А искусство вызывать хохот смешными словами, несомненно, подлежит ведению Глупости.

Из того же теста испечены и те, кто рассчитывает стяжать бессмертную славу, выпуская в свет книги. Все они очень многим мне обязаны, в особенности же те, которые марают бумагу разной чушью, ибо, кто пишет по-ученому и ждет приговора немногих знатоков, не опасаясь даже таких судей, как Персий и Лелий,¹⁹⁰ тот кажется мне достойным скорее сожаления, чем зависти. Поглядите, как мучаются такие люди: прибавляют, изменяют, вычеркивают, переставляют, переделывают заново, показывают друзьям, затем, лет эдак через девять, печатают, всё еще недовольные собственным трудом, и покупают ценой стольких бдений (а сон всего слаще), стольких жертв и стольких мук лишь ничтожную награду в виде одобрения нескольких тонких ценителей. Прибавьте к этому расстроенное здоровье, увядшую красоту, близорукость, а то и совершенную слепоту, бедность, завистливость, воздержание, раннюю старость, преждевременную кончину, да всего и не перечислишь. И наш мудролюб мнит себя вознагражденным за все эти тяготы, ежели похвалят его два–три таких же ученых слепца. Напротив, сколь счастлив сочинитель, послушный моим внушениям: он не станет корпеть по ночам, он записывает всё, что ему взбредет на ум и окажется на кончике пера, хотя бы даже собственные свои сны, ничем не рискуя, кроме нескольких грошей, истраченных на бумагу, и зная заранее, что чем больше будет вздора в его писаниях, тем вернее угодит он большинству, то есть всем дуракам и невеждам. Что ему за дело, ежели два–три ученых, случайно прочитавших его книгу, отнесутся к нему с презрением? Что значит голос немногих умных людей в этой огромной и шумной толпе? Но еще смысленнее те, которые под видом своего издают чужое, присваивая себе славу чужих трудов, в той надежде, что если и уличат их когда-нибудь в литературном воровстве, то всё же в течение некоторого времени они смогут пользоваться выгодами от своей проделки. Стоит посмотреть, с каким самодовольством они выступают, когда слышат похвалы себе, когда в толпе на них указывают пальцами – *это мол такой-то, знаменитость*, когда видят они свои книги в книжных лавках и читают на каждой странице свое имя, сопровождаемое двумя прозвищами, по большей части чужеземными и похожими на магические заклинания. Но, боже бессмертный, ведь это всего только имена, не более! И затем: сколь немногим станут они известны, если вспомнить о широте и необъятности мира; и уж совсем ничтожно число тех, которые отзовутся о них с похвалой, каким бы разнообразием ни отличались вкусы невежд. К тому же сами эти имена нередко выдуманы или заимствованы из старинных книг. Так, один тщеславится именем Телемаха,¹⁹¹ другой – Стелена¹⁹² или Лаэрта,¹⁹³ этот – Поликрата, тот – Фразимаха.¹⁹⁴ С тем же успехом иной мог бы назваться Хамелеоном или Тыквой, либо обозначить свои книги по обычаю философов буквами альфа, бета и т.д. Но всего забавнее, когда глупцы начинают восхвалять

¹⁸⁸ Анонимное наставление по риторике, в древности ошибочно приписывавшееся Цицерону.

¹⁸⁹ Марк Фабий Квинтилиан (ок. 35–95 н.э.) – известный римский ритор, автор обширного трактата «Образование оратора» – классического труда по истории и теории римского красноречия.

¹⁹⁰ Персий и Лелий упоминаются Цицероном как величайшие знатоки ораторского искусства. **МОИ 2015-11-09:** Поэт Лукилий (II в. до н.э.) не признал критику Персия и Лелия как слишком ученую, сказав, что он пишет для простых людей («тарентийцам и сицилийцам»).

¹⁹¹ Телемах – сын Одиссея.

¹⁹² Стелен – видимо, описка Эразма. Известен Сфенел, друг Диомеда, одного из героев Троянской войны. **МОИ 2015-11-17:** В латинском тексте: «Cum alius sese Telemachum, alius Stelenium aut Lartem...» Но некоторые издания пишут – Стенел.

¹⁹³ Лаэрт – отец Одиссея.

¹⁹⁴ Поликрат (VI в. до н.э.) – тиран острова Самос, отличавшийся богатством и щедростью. Фразимах – древнегреческих философ-софист (V в. до н.э.).

глупцов, невежды – невежд, когда они взаимно прославляют друг друга в льстивых посланиях, стихах и панегириках. Один производит своего приятеля в Алкея, другой – в Каллимаха,¹⁹⁵ этот превыше Цицерона, тот учение Платона. Иные ищут себе соперников, дабы соревнованием умножить собственную славу.

Так в ожидание народ колеблется, делятся мненья,¹⁹⁶ пока бойцы, довольные своими успехами, не разойдутся с победоносным видом, и каждый чувствует себя триумфатором. Мудрецы смеются над ними, как над величайшими глупцами. Нет спору, это воистину глупо. Но зато, по моей милости, живут эти люди в свое удовольствие и не променяют своих побед даже на Сципионовы триумфы.¹⁹⁷ Впрочем, и сами ученые, которые так охотно потешаются над чужой глупостью, немало мне обязаны, чего отрицать не посмеют, если только не захотят прослыть самими неблагодарными из смертных.

Глава LI. Правоведы

Между учеными юристы притязают на первое место и отличаются наивысшим самодовольством, а тем временем усердно катят Сизифов камень,¹⁹⁸ единым духом цитируют сотни законов, нисколько не заботясь о том, имеют ли они хоть малейшее отношение к делу, громоздят глоссы на глоссы,¹⁹⁹ толкования на толкования, дабы работа их казалась наитруднейшей из всех. Ибо, на их взгляд, чем больше труда, тем больше и славы.

К ним должно присовокупить также диалектиков и софистов – породу людей говорливую, словно медь Додонская,²⁰⁰ каждый из них в болтовне не уступит и двум десяткам отборных кумушек. Впрочем, они были бы несравненно счастливее, если б словоохотливость не соединялась в них с чрезвычайной сварливостью: то и дело заводят они друг с другом ожесточенные споры из-за выеденного яйца и в жару словопрений по большей части упускают из виду истину. И, однако, Филавтия щедро одаряет их блаженством, и, заучив два–три силлогизма, они, не колеблясь, вступают в бой с кем угодно по любому поводу. В упрямстве своем они непобедимы, если даже противопоставить им самого Стентора.²⁰¹

Глава LII. Философы

За ними следуют философы, почитаемые за длинную бороду и широкий плащ, которые себя одних полагают мудрыми, всех же прочих смертных мнят блуждающими во мраке. Сколь сладостно бредят они, воздвигая бесчисленные миры, исчисляя размеры солнца, звезд, луны и орбит, словно измерили их собственной пядью и бечевкой; они толкуют о причинах молний, ветров, затмений и прочих необъяснимых явлений и никогда ни в чем не сомневаются, как будто посвящены во все тайны природы-зихдательницы и только что воротились с совета богов. А ведь природа посмеивается свысока над всеми их догадками, и нет в их науке ничего достоверного. Тому лучшее доказательство – их нескончаемые споры друг с другом. Ничего в действительности не зная, они воображают, будто познали всё и вся, а между тем даже самих себя не в силах познать и часто по близорукости или по рассеянности не замечают ям и камней у себя под ногами. Это, однако, не мешает им объявлять, что они, мол, созерцают идеи, универсалии,²⁰² формы, отделенные от вещей, первичную материю, сущности, особенности и тому

¹⁹⁵ Алкей из Митлены (на о-ве Лесбос) – знаменитый древнегреческий лирик (VI в. до н.э.). Каллимах (ок. 310–240 до н.э.) – один из крупнейших греческих поэтов эпохи эллинизма.

¹⁹⁶ Вергилий, «Энеида», II, 39.

¹⁹⁷ Имеется в виду триумф, которого удостоился римский полководец Публий Корнелий Сципион Африканский Старший в 202 году до н.э. после победы над Карфагеном.

¹⁹⁸ Сизиф – мифический основатель города Коринфа; за коварство и обманы он осужден богами вечно вкатывать на высокую гору огромный камень, который, всякий раз, как Сизиф приближается к вершине, срывается вниз (греч. миф.). Выражение «сизифов труд» стало нарицательным для обозначения всякой бесплодной работы.

¹⁹⁹ Глоссы – примечания к «Своду римского права», сделанные средневековыми юристами XI–XIII вв. (так наз. глоссаторами). Впоследствии глоссы, в свою очередь, приобрели силу законов.

²⁰⁰ В Додоне (Сев. Греция) перед храмом Зевса были развешаны и расставлены медные сосуды; колеблемая ветром проволока ударялась о них, и раздавался непрерывный звон. Отсюда – «говор меди додонской», как непрерывный шум. **МОИ 2015-11-09:** По другому описанию медные тарелки были развешаны так, что ударялись одна о другую (как косточки домино) так, что звук шел по кругу.

²⁰¹ Стентор – глашатай, отличавшийся необыкновенно сильным голосом («Илиада», V, 785).

²⁰² Универсалии – общие понятия (лат.).

подобные предметы, до такой степени тонкие, что сам Линкей, как я полагаю, не смог бы их заметить. А с каким презрением взирают они на простаков, нагромождая один на другой треугольники, окружности, квадраты и другие математические фигуры, сотворяя из них некое подобие лабиринта, огражденного со всех сторон рядами букв, словно воинским строем, и пуская таким образом пыль в глаза людям несведущим. Есть среди них и такие, что предсказывают будущее по течению звезд, сулят чудеса, какие даже и магам не снились, и, на счастье свое, находят людей, которые всему этому верят.

Глава III. Богословы

Что до богословов, то не лучше ли обойти их молчанием, не трогать *болота Камаринского*,²⁰³ не прикасаться к этому ядовитому растению? Люди этой породы весьма спесивы и раздражительны – того и гляди, набросятся на меня с сотнями своих конклюдзий²⁰⁴ и потребуют, чтобы я отреклась от своих слов, а в противном случае вмиг объявят меня еретичкой. Они ведь привыкли стращать этими громами всякого, кто им не угоден. Хотя богословы не слишком-то охотно признают мои благодеяния, однако и они у меня в долгу, и в не малом долгу: обольщаемые Филавтией, они мнят себя небожителями, а на прочих смертных глядят с презрением и какой-то жалостью, словно на копошащийся в грязи скот. Окруженные, будто воинским строем, магистральными дефинициями, конклюдзиями, короллариями, очевидными и подразумеваемыми пропозициями,²⁰⁵ стали они нынче до того *увертливые*, что не изловишь их и Вулкановыми силками²⁰⁶ – с помощью своих «расчленений» и диковинных, только что придуманных словечек они выскользнут откуда угодно и разрубят всякий узел быстрее, чем Тенедосской секирой.²⁰⁷ По своему произволу они толкуют и объясняют сокровеннейшие тайны: им известно, по какому плану создан и устроен мир, какими путями передается потомству язва первородного греха, каким способом, какой мерой и в какое время зачат был предвечный Христос в ложе снах девы, в каком смысле должно понимать пресуществление, совершающееся при евхаристии.²⁰⁸ Но это еще всем известные и избитые вопросы, а вот другие, воистину достойные, по их мнению, знаменитых и великих теологов (они немедленно оживляются, едва речь зайдет о чем-нибудь подобном): в какой именно миг совершилось божественное рождение? Является ли сыновство Христа однократным или многократным? Возможно ли предположение, будто бог-отец возненавидел сына? Может ли бог превратиться в женщину, дьявола, осла, тыкву или камень? А если бы он действительно превратился в тыкву, могла ли бы эта тыква проповедовать, творить чудеса, принять крестную муку? Что случилось бы, если бы св. Петр отслужил обедню в то время, когда тело Христово висело на кресте? Можно ли сказать, что Христос еще оставался тогда человеком? Позволено ли будет есть и пить после воскресения плоти (эти господа заранее хотят обеспечить себя от голода и жажды на том свете)?

Существует бесчисленное множество еще более изощренных *тонкостей* касательно понятий, отношений, форм, сущностей и особенностей, которых никто не сможет различить простым глазом, разве что Линкей, способный увидеть в полном мраке то, чего нет нигде. Прибавьте к этому так называемые *гномы*,²⁰⁹ до такой степени головоломные, что парадоксы стоиков могут показаться рядом с ними общедоступными, ходячими истинами. Так, например, одна из этих гном гласит, что зарезать тысячу человек – не столь тяжкое преступление, как починить бедняку башмак в воскресный день, и что лучше допустить гибель мира со всеми, как говорится, его потрохами, нежели произнести малейшую ложь. Все эти архикурацкие тонкости

²⁰³ Жители сицилийского города Камарины (Камерины), вопреки совету Дельфийского оракула, осушили болото вблизи своего города, что открыло врагам доступ к Камарине.

²⁰⁴ Конклюдзия – заключение (лат.).

²⁰⁵ Дефиниция – определение (лат.). Королларии – выводы (лат.). Пропозиция – утверждение, посылка (лат.).

²⁰⁶ Намек на выкованные Вулканом железные тенета, в которые попала его неверная жена Венера со своим любовником, богом войны Марсом.

²⁰⁷ Греческая поговорка. **МОИ 2015-11-09:** Узел (гордиев) рубил Александр Македонский, а грозный царь Тенед, когда ему подавали жалобу, велел рядом с жалобщиком становиться палачу с секирой, чтобы сразу пустить ее в ход, если жалоба окажется необоснованной.

²⁰⁸ Евхаристия – таинство причащения, в котором, по учению католической (а также православной) церкви, хлеб пресуществляется в тело, а вино – в кровь Христову.

²⁰⁹ Гнома – краткое прозаическое или стихотворное изречение, обычно поучительного характера (греч.).

делаются еще глупее из-за множества направлений, существующих среди схоластиков, так что легче выбраться из лабиринта, чем из сетей реалистов, номиналистов, фомистов, альбертистов, оккамистов, скотистов²¹⁰ и прочих (я называю здесь не все их секты, но лишь самые главные). Во всем этом столько учености и столько трудностей, что, я полагаю, самим апостолам потребовалась бы помощь некоего отнюдь не святого духа, если бы им пришлось вступить в спор с новейшими нашими богословами. Павел делами засвидетельствовал свою веру, но вместе с тем дал ей недостаточно магистральное определение, сказав: «Вера есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом»²¹¹. Равным образом, преуспевая в милосердии, он не сумел диалектически расчлнить и точно ограничить понятие милосердия в XIII главе «Первого послания к Коринфянам». Как ни благочестиво совершали апостолы евхаристию, но если бы расспросить их по порядку, с самого начала и до конца, о пресуществлении, о том, каким образом тело Христово может одновременно находиться в различных местах, об особенностях названного тела на небесах, на кресте и в таинстве евхаристии; если далее спросить их о том, в какой именно момент совершается пресуществление, поскольку слова, его вызывающие, произносятся в течение некоторого промежутка времени, то, я полагаю, апостолы вряд ли ответили бы с такой точностью и остротой, с какой отвечают и предлагают свои определения скотиды. Апостолы знали мать Иисуса, но кто из них, по примеру наших теологов, философски изъяснил, каким образом оказалась она свободной от Адамова греха?²¹² Петр получил ключи райские от того, чей выбор не мог быть недостойным, и, однако, я не уверена, уразумел бы Петр, каким образом можно держать в своих руках ключи от знания, не обладая самым знанием, или нет (сокровенных же тонкостей этого рассуждения он бы всё равно не постиг). Апостолы многих окрестили и, однако, ни разу не обмолвились ни единым словом о том, какова формальная, материальная, действующая и конечная причина крещения и в чем состоит его изгладимый или неизгладимый характер. Они молились, но молились в духе, следуя единственно лишь слову евангельскому: «Бог есть дух, и поклоняться ему должно в духе и истине»²¹³. Им, по-видимому, не было открыто, что образу, начертанному углем на дощечке, надлежит молиться с тем же благоговением, что самому Христу, ежели только спаситель представлен с двумя вытянутыми перстами, с нестриженными волосами и с тремя выступами на нимбе, окружающем голову. Да и кто мог бы постичь это, не просидев тридцать шесть лет над физикой и метафизикой Аристотеля и Дунса Скота? Надеялись и благодатью апостолы, но никогда не делали подобающего различия между благодатью благоданной и благодатью благодательной. Увещевали они творить добрые дела, но не замечали разницы между просто добрым делом, добрым делом действенным и добрым делом деемым. Повсюду внушали они христианскую любовь, но не отделяли любви внедренной от любви приобретенной и не объясняли, является ли любовь акциденцией или субстанцией,²¹⁴ вещь созданной или несозданной. Ненавидели апостолы грех, но – помереть мне на этом самом месте, ежели, не пройдя обучения у скотистов, могли они дать научное определение того, что есть грех. Никто не убедит меня, будто Павел, превосходивший ученостью остальных апостолов, позволил бы себе столько раз осуждать состязания, прекословия, родословия и прочие, как он выражается, *словопрения*, будь он посвящен во все ухищрения диалектики. Здесь и то еще надо принять в расчет, что все диспуты того времени были очень грубы и незатейливы сравнительно с

²¹⁰ Реализм и номинализм – противоположные направления средневековой схоластической философии. Реалисты утверждали, что общие понятия («универсалии») реально существуют и предшествуют единичным предметам; номиналисты, наоборот, считали общие понятия лишь абстракциями, именами реально существующих единичных предметов. Фомисты – последователи Фомы Аквинского (1225–1274) – итальянского средневекового философа-схоласта. Учение Фомы Аквинского стало официальной философией католической церкви. Альбертисты – ученики Альберта фон Больштедта (1193–1280), прозванного богословами Великим, немецкого теолога и философа-схоласта, учителя Фомы Аквинского. Оккамисты – сторонники Уильяма Оккама (ок. 1300–1350) – крупнейшего английского философа-номиналиста. Скотисты – последователи Иоанна (Дунса) Скота (ок. 1265–1308), шотландского философа-номиналиста, оспаривавшего догматику Фомы Аквинского.

²¹¹ «Послание к Евреям», XI, 1.

²¹² Намек на происходивший между скотистами и фомистами спор о догмате непорочного зачатия богородицы.

²¹³ «Евангелие от Иоанна», IV, 24.

²¹⁴ Акциденция и Субстанция – философские термины: акциденция – случайное, преходящее начало, субстанция – неизменная и вечная сущность.

более чем Хрисипповыми тонкостями²¹⁵ наших нынешних докторов богословия. Но поскольку названные доктора – люди весьма скромные, то, встречая у апостолов в писаниях что-либо нелепое или недостаточно ученое, они не осуждают этих мест, но сообщают им пристойное толкование. Они неизменно воздают должное древности писаний и имени апостольскому. Да и вообще, клянусь Гераклом, весьма несправедливо было бы требовать от апостолов объяснения таких вещей, относительно которых ни единого слова не слышали они от своего учителя. Когда же подобные места попадаются у Златоуста, Василия²¹⁶ или Иеронима, то богословы наши ограничиваются тем, что приписывают на полях: «В рассуждение не принимается». Если апостолы и отцы церкви умудрялись все-таки опровергать языческих философов, а также иудеев, столь упорных по природе своей, то достигали этого более чудесами и праведной жизнью, чем силлогизмами, в особенности когда вспоминаешь, что ни один из их противников не был способен уразуметь хотя бы «Кводлибетум»²¹⁷ Скота. А нынче какой язычник, какой еретик не склонится пред столь изощренными тонкостями, ежели, впрочем, он не грубый мужлан, не способный их понять, или не бесстыдник, готовый над ними посмеяться, или не человек ученый, готовый вступить в равный бой, подобно тому как волхв выступает против волхва, или владелец заколдованного меча бьется с врагом, тоже имеющим подобное оружие; в последнем случае состязание их уподобляется рукоделию Пенелопы, каждый вечер распускающей свою ткань и всё начинающей сызнава. Нет, по моему суждению, весьма умно поступили бы христиане, если бы вместо мощных когорт, которые уже давно с переменным успехом ведут войну с турками и сарацинами, они послали в бой крикливых скотистов, упорных оккамистов, непобедимых альбертистов и всю прочую софистическую рать: мы бы узрели тогда самую изысканную в истории битву и победу, никогда доселе не виданную. И в самом деле, кто настолько холоден, чтобы не воспламениться от этих ученых тонкостей? Кто столь тупоумен, чтобы не оценить всей их остроты? Кто настолько зорок, дабы различить что-либо в этом непроглядном мраке?

Однако, чего доброго, вам покажется, будто всё это я говорю просто ради шутки. Нисколько не удивилась бы подобному предположению, ибо и между самими богословами есть люди, знакомые с подлинною наукой, которых тошнит от вздорных теологических хитросплетений. Есть и такие, которые ненавидят их не менее богохульства и почитают величайшим нечестием рассуждать скверными устами о столь таинственных вещах, дарованных нам скорее для безмолвного поклонения, нежели для изъяснения, спорить о них, прибегая к диалектическим изворотам, заимствованным у язычников, и осквернять величие божественной теологии холодными, более того – гнусными словами и изречениями.

А доктора наши между тем донельзя собой довольны, сами себе рукоплещут и столь поглощены бывают своим усладительным вздором, что ни ночью, ни днем не остается им даже минуты досуга, дабы развернуть Евангелие или Павловы послания. Пустословья подобным образом в школах, мнят они, будто силлогизмами своими поддерживают готовую рухнуть вселенскую церковь, подобно тому как у поэтов Атлант держит на плечах свод небесный. А разве не приятно, по-вашему, разминать и лепить словно воск, таинственное священное учение, ставя свои конклюдзии, скрепленные авторитетом нескольких схоластиков, превыше Солоновых законов и папских декретов? Разве не отрадно мнить себя цензорами всего круга земного, требуя отречения от всякого, кто хоть на волос разойдется с их очевидными и подразумеваемыми заключениями и вещая наподобие оракула: «Это утверждение соблазнительно. Это – непочтительно. Это – отдает ересью. Это – худо звучит». Таким образом ни крещение, ни Евангелие, ни Павел с Петром, ни св. Иероним, ни Августин, ни даже сам Фома *Аристотельствующий* не в силах сделать человека христианином, буде не удостоится он одобрения со стороны тонко мудрствующих бакалавров. Как догадаться, что не христианин – всякий утверждающий тождественность таких, например, изречений: *matula pates* и *matula putet*, *ollae fervere* и *ollam fervere*²¹⁸ если бы не мудрецы наши, сообщившие об этом. Кто вывел бы церковь из мрака

²¹⁵ Хрисипп из Киликии (ок. 280–208 до н.э.) – древнегреческий философ-стоик; славился как искусный диалектик.

²¹⁶ Св. Иоанн Златоуст (347–407) – знаменитый проповедник и богослов. Св. Василий Великий (330–379) – епископ Кесарийский, один из крупнейших авторитетов восточной церкви. Эразм здесь противопоставляет ранних «отцов церкви» столпам средневековой схоластики.

²¹⁷ «Кводлибетум» (от лат. quodlibet – что угодно) название одного из сочинений Дунса Скота.

²¹⁸ *Matula putes* и *matula putet*, *ollae fervere* и *ollam fervere* – тождественные по значению латинские выражения. **МОИ 2015-11-09:** первая пара выражений означает «горшок, смердишь» и «горшок смердит» (речь о ночном горшке); это намек на реальное событие в Оксфордском университете: один монах написал,

стольких заблуждений, которых, правда, так никто бы и не заметил, не будь к ним привешены большие университетские печати?²¹⁹ Воистину блаженны все, кто мог посвятить себя подобным занятиям, кто описывает преисподнюю с такими подробностями, словно много лет были гражданами этой республики, кто мастерит по своему усмотрению новые сферы небесные, в том числе и десятую, самую обширную и прекрасную из всех (надо, чтоб и праведным душам было где погулять, попить, а иной раз и в мяч поиграть на просторе). От всей этой чепухи головы у богословов до того распухли, что, полагаю, и сам Юпитер не испытывал подобной тяжести в мозгах, когда, собираясь произвести на свет Палладу, прибег за помощью к Вулкану.²²⁰ А посему не дивитесь, ежели они являются на публичные диспуты, обмотав головы бесчисленными повязками. Без этой предосторожности их черепа могли бы треснуть. Я сама подчас не в силах удержаться от смеха, глядя на этих господ, которые мнят себя истинными богословами главным образом потому, что изъясняются столь грубым и варварским языком. При этом они так сильно заикаются, что понять их может лишь другой, подобный им заика, но свое невнятное бормотание почитают признаком глубокомыслия, недоступного уразумению толпы. Законы грамматики кажутся им несовместными с достоинством священной науки. Да, воистину удивительно величие богословов, которым одним позволено говорить с ошибками, – впрочем, это право они разделяют со всеми сапожниками. Они мнят себя чуть ли не богами, слыша, как их благоговейно именуют «наставник наш»: в этом прозвище им чудится нечто схожее с иудейской тетраграммой.²²¹ Они утверждают, что неприлично писать слова НАСТАВНИК НАШ строчными литерами.²²² А ежели кто случайно скажет наоборот – «наш наставник», то тем самым нанесет тяжчайшее оскорбление их богословскому величеству.

Глава LIV. Иноки и монахи

К богословам по благополучию своему всего ближе так называемые благочестивые монахи-пустынножители, хотя это прозвище нисколько им не пристало: ведь большинство их далеко от всякого благочестия, и никто чаще «пустынножителей» не попадаете вам навстречу во всех людных местах. Не знаю, кто был бы несчастнее монахов, если б я не приходила им на помощь столь многими способами. Они навлекли на себя такую единокорную ненависть, что даже случайная встреча с монахом почитается за худую примету, а между тем сами вполне собою довольны. Во-первых, они уверены, что высшее благочестие состоит в строжайшем воздержании от всех наук и лучше всего – вовсе не знать грамоты. Засим, читая в церквях ослиными голосами непонятные им псалмы, они пребывают в убеждении, что доставляют великую усладу святым. Иные из них бахвалятся своим неряшеством и попрошайничеством и поднимают страшный шум у дверей, требуя милостыню; назойливо толпятся они в гостиницах, заполняют повозки и корабли – к немалому ущербу для прочих нищих. Своей грязью, невежеством, грубостью и бесстыдством эти милые люди, по их собственному мнению, уподобляются в глазах наших апостолов. Приятно видеть, как всё у них делается по уставу, с пунктуальностью чуть ли не математической, и боже упаси нарушить этот порядок. Предусмотрено раз навсегда, сколько узлов должно быть у монаха на башмаке, какого цвета пояс, какими признаками должна отличаться его одежда, из какой ткани подобает ее шить, какой ширины должен быть пояс, какого покроя и размера капюшон, сколько вершков в поперечнике должна иметь тонзура и сколько часов отведено монаху на сон. Кому не ясно, сколь несправедливо такое внешнее равенство при естественном неравенстве умов и телесного сложения! И, однако, из-за этого вздора они не только мнят себя безмерно выше людей светских, но презирают и друг друга; дав обет апостольской любви, они раздражаются трагическими тирадами, завидев рясу чуть темнее обыкновенного или опоясанную не так, как следует. Между ними и таких увидишь строгих

что изречения «Сократ, бежишь» и «Сократ бежит» одинаковы по значению, а Университет его осудил. Вторая пара изречений представляет собой два варианта, как сказать «котелок кипит».

²¹⁹ **МОИ 2015-11-09:** Если публикация была осуждена как «заблуждение», на ней ставили большую университетскую печать.

²²⁰ Афина-Паллада родилась из головы Зевса (Юпитера), после того как Гефест (Вулкан) рассек, по просьбе Зевса, его череп (см. Лукиан, «Разговоры богов», 8).

²²¹ Иудейская тетраграмма – имя божие (Ягве), состоящее из четырех букв. **МОИ 2015-11-17:** Выглядит так: יהוה

²²² **МОИ 2015-11-09:** Здесь, наверное, ошибка перевода: требовали писать «Наставник Наш» с заглавных, а не заглавными буквами. Латинский текст: «Itaque nefas aiunt esse Magister Noster secus quam maiusculis scribere litteris».

богомолов, которые сверху обязательно носят грубое сукно, а исподнее шьют из полотна, другие же, напротив, сверху бывают полотняными, а внутри шерстяными. Некоторые боятся притронуться к деньгам, словно к яду, но нисколько не опасаются ни вина, ни прикосновения к женщинам.

Однако всего усерднее пекутся они о том, чтобы не быть похожими друг на друга. Не в том, чтобы возможно более уподобиться Христу, их цель, но в том, чтобы возможно сильнее отличаться от монахов других орденов. Немалую утеху находят они также и в своих прозваниях: так, одни именуют себя «вервеносцами», но и вервеносцы опять-таки разделяются на «колетов», «миноритов», «минимов» и «буллистов». Засим следуют «бенедиктинцы», «бернардинцы», «бригиттинцы», «августинцы», «вильгельмиты», «иаковиты», – как будто не достаточно называться просто христианами. Большинство их столь высокого мнения о своих обрядах и ничтожных человеческих преданьях, что самое небо едва считают достойной наградой за такие заслуги, никто и не помышляет о том, что Христос, презрев всё это, спросит об исполнении единственной его заповеди, а именно – закона любви. Тогда один выставит напоказ свое брюхо, раздувшееся от рыбы всевозможных сортов. Другой вывалит сто мер псалмов. Третий перечислит мириады постов и укажет на свое чрево, которое столько раз едва не лопалось после разговения. Иной притащит такую кучу обрядов, что ее едва ли свезут и семь торговых кораблей. Иной станет бахвалиться тем, что шестьдесят лет подряд притрагивался к деньгам не иначе, как надев предварительно на руку двойную перчатку. Этот покажет рясу, до того грязную и засаленную, что любой матрос погнушался бы ею. Тот напомнит, что более пятидесяти пяти лет он вел жизнь губки, вечно прикованной к одному и тому же месту. Этот сошлетя на свой голос, осипший от непрерывных песнопений. Один впал в летаргию от одиночества, у другого закоснел язык от долговременного молчания. Но Христос, прервав нескончаемое их хвастовство, скажет: «Откуда эта новая порода иудеев? Лишь один закон признаю я своим и как раз о нем-то ничего до сих пор не слышу. А ведь во время оно я совершенно открыто, без всяких притч или иносказаний, обещал отчее наследие в награду не за капюшоны, не за молитвы, не за воздержание от пищи, но единственно за дела милосердия. Не знаю я тех, кто слишком хорошо знает свои подвиги: кто хочет казаться святее меня, пусть займет, если угодно, небеса абраксасиев²²³ или прикажет построить новое небо тем людям, чьи глупые преданья поставили выше моих заповедей». Как вы думаете, какие рожи скорчат монахи, услышав, что им предпочитают матросов и возчиков? Но до поры до времени они по моей милости могут тешить себя добрыми надеждами. Хоть они и отстранены от участия в делах общественных, однако никто не смеет пренебрегать ими, особенно же – нищенствующими монахами, которые знают все чужие тайны благодаря исповеди. Тайны эти они блюдают свято, и разве что в пьяном виде развлекут иной раз собутыльников особенно забавными историями; впрочем, и тогда они не называют собственных имен и только по обстоятельствам дела дают возможность догадаться, о ком идет речь. Но если кто разъярит этих ос, того они на совесть отделают в публичных проповедях, причем назовут врага, хотя и обиняками, но так метко, что поймет всякий, кроме тех, кто вообще ничего не понимает. И дотоле не прервут они своего лая, пока не бросишь им и пасть лакомый кус.

Какой комедиант или площадной крикун сравнится с ними, когда они разглагольствуют с кафедры, смехотворно подражая приемам и манере древних риторов? Боже бессмертный, как они жестикулируют, как они ловко повышают голос, как пускают трели, как ломаются, какие строят гримасы, как воют на разные лады! И это искусство красноречия с великой таинственностью передается от одного братца-монаха к другому. Хоть мне и не дано было узнать все его тонкости, я всё же попытаюсь рассказать о нем, основываясь на догадках и предположениях. Прежде всего по заимствованному у поэтов обычаю взывают они к Музе. Засим, собираясь говорить о милосердии, заводят речь о Ниле, реке египетской, или, проповедуя о таинстве креста, весьма кстати поминают Бэла, дракона вавилонского. Начав беседу о поэте, они перечисляют двенадцать знаков Зодиака, а рассуждая о вере, принимаются толковать о квадратуре круга. Я сама слыхала одного изрядного глупца, – прошу прощения – я хотела сказать «ученого», – который в блестящей проповеди, посвященной толкованию таинства святой троицы, желая дать выгодное понятие о своей начитанности и польстить слуху богословов, прибег к совершенно новому способу, а именно: завел речь сперва о буквах, потом о слогах, составляющих слова, потом о

²²³ Гностик Василид (II в. н.э.) учил, что существует 365 небес, совокупность которых он обозначил словом «абраксас» так как сумма цифровых значений входящих в него букв равна 365.

словах, образующих речь, наконец о согласовании имен и глаголов, существительных и прилагательных. Многие слушатели дивились, и иные уже повторяли про себя стих Горация:

К чему же ты чушь свою клонишь?²²⁴

Наконец проповедник сделал вывод, что в основных началах грамматики заключается образ и подобие святой троицы, и так убедительно это доказал, что никакой математик не смог бы за ним угнаться. Этот *сверхбогослов* потел над своей речью целых восемь месяцев и даже ослеп, словно крот, пожертвовав остротой зрения ради остроты ума. Но сам он не слишком горюет об этом, полагая, что еще дешево купил свою славу. Слыхала я также другого богослова, восьмидесятилетнего и до такой степени ученого, что его можно принять за самого Дунса Скота, воскресшего из мертвых. Изъясняя тайну имени Иисусова, он с изумительной тонкостью доказал, что в самих буквах этого имени содержится всё, что только можно сказать о спасителе. Ибо имя это имеет лишь три падежные формы – явственное подобие божественной троичности. Засим: первый падеж *Iesus* оканчивается на *s*; второй, *Iesu* – на *u*, третий, *Iesum* – на *m* и в этом *неизреченная* тайна, а именно: названные три буквы означают, что Иисус есть *summus, medius* и *ultimus*, то есть верхний, средний и крайний. Оставалась другая, еще более сокровенная тайна, которая разъясняется при помощи математики: ежели разделить имя «Иисус» на две равные части, то посредине останется буква *s*. Эта буква у евреев называется «син», а на языке шотландцев слово «син» означает грех. Отселе явствует, что Иисус есть тот, кто принял на плечи свои грехи мира. Восхищенные столь необычайным вступлением слушатели, особливо же теологи, чуть не обратились в камень наподобие Ниобеи,²²⁵ а со мною от смеха едва не стряслась такая же беда, какая постигла деревянного Приапа, когда ему однажды пришлось стать свидетелем ночных таинств Канидии и Саганы.²²⁶ Да и не мудрено: ведь подобных *зачинов* не встретишь ни у эллина Демосфена, ни у латинянина Цицерона. Они считали никуда не годным вступление, слишком далекое от предмета речи (впрочем, должно заметить, что такого же мнения придерживаются и свинопасы – их учит тому сама природа). Но искусники наши, декламируя свою так называемую «преамбулу», верят, что тем больше в ней риторских красот, чем дальше отстоит она от содержания остальной речи, и потому стараются исторгнуть у слушателя восхищенный шепот: «Куда же он теперь загнет?»

Засим следует пересказ небольшого отрывка из Евангелия (он соответствует третьему разделу речи – изложению существа дела). Оратор толкует его наспех и как бы мимоходом, тогда как об одном этом, в сущности, и следовало бы говорить, Засим, в-четвертых, нацепив новую личину, проповедник выдвигает некую богословскую проблему, по большей части *не имеющую отношения ни к земле, ни к небу* (того требуют, оказывается, законы ораторского искусства). Вот здесь-то и начинается превысненное богословие: в ушах слушателей раздаются звучные титулы докторов величавых, докторов изощренных, докторов изощреннейших, докторов серафических, докторов святых и докторов неопровержимых. Далее следуют большие и малые силлогизмы, выводы, заключения, пустейшие посылки и прочая схоластическая дребедень, предлагаемая вниманию невежественной толпы. Наконец, разыгрывается пятый акт, требующий наивысшей ловкости и искусства. Проповедник преподносит вам какую-нибудь глупую и грубую басню, позаимствованную из «Исторического зеркала» или «Римских деяний»²²⁷, и толкует ее аллегорически, тропологически²²⁸ и анагогически.²²⁹ На том и заканчивается речь, еще более чудовищная, чем химера, о которой говорит Гораций в известном стихе: «Если бы женскую голову» и т.д.²³⁰

²²⁴ Гораций, «Сатиры», II, 7, 21.

²²⁵ Гордясь своими многочисленными детьми, фиванская царица Ниобея дерзнула презрительно отозваться о богине Латоне, матери Аполлона и Артемиды. Разгневанные боги умертвили всех детей Ниобеи, сама же она обратилась в камень.

²²⁶ Эразм имеет в виду рассказ Горация о деревянном Приапе, который, увидав, как колдуньи Канидия и Сагана заклинают фурий и духов, от ужаса раскололся с таким треском, что сами колдуньи в страхе убежали (Гораций, «Сатиры», I, 8).

²²⁷ «Историческое зеркало» было написано в XIII в. монахом-доминиканцем Винцетом де Бове. «Римские деяния» – анонимное произведение, появившееся примерно в то же время. Сочинения эта, богатые разнообразными вымыслами, пользовались в средние века огромной популярностью.

²²⁸ Т.е. иносказательно.

²²⁹ Т.е. в высшем, мистическом смысле.

²³⁰ Гораций, «Искусство поэзии», I. Перевод М. Дмитриева.

Наши проповедники слышали неведомо от кого, что начинать речь подобает возможно тише. И вот произносят они свой зачин таким голосом, что и сами себя не могут расслышать; но стоит ли вообще говорить, если никто тебя не понимает? Слыхали они также, что громкие возгласы рождают волнение в душе слушателей. Поэтому, заговорив обычным голосом, они вдруг повышают его до бешеного вопля, хотя бы и совсем некстати. Право, хочется иной раз побожиться, что такому проповеднику пошел бы впрок эллебор.²³¹ Далее, слышали они, что речь следует вести, постепенно воодушевляясь, и, произнеся несколько первых фраз более или менее пристойно, они вдруг начинают надрываться, хотя бы дело касалось самых ничтожных предметов, и до тех пор усердствуют, пока только духу хватает. Засим вытвердили они всё, что древние риторы говорят о смехе, и потому сами тщатся отпускать шуточки, но какие шуточки! – *любезная Афродита!* – такие изящные, такие уместные, что чудится, будто слушаешь осла, *поющего под звуки лиры*. Порою пытаются они и съязвить, но при этом скорее щекочут, нежели рнят, а самую неприкрытую лесть стараются выдать за прямоту и откровенность.

Вообще, послушав все эти проповеди, хочется присягнуть, что авторы их обучались своему искусству у площадных краснобаев, хотя до сих последних им все-таки далеко. Как бы то ни было, они во многих отношениях столь друг с другом схожи, что, без всякого сомнения, либо те у этих, либо эти у тех позаимствовали свою риторичность. И, однако, – не без моей, разумеется, помощи, – находят они слушателей, готовых почитать их за истинных Демосфенов и Цицеронов. Особенно высоко ценят их талант торговцы и бабы; им-то по преимуществу и стараются угодить проповедники, ибо первые готовы уделить частицу неправедно нажитого всякому, кто сумеет им польстить, а вторые благоволят к духовному сословию по многим причинам, особливо же потому, что привыкли изливать на груди у монахов свои жалобы на мужей. Теперь, я полагаю, вы сами видите, сколь многим обязана мне эта порода людей, которые при помощи мелочных обрядов, вздорных выдумок и диких воплей подчиняют смертных своей тирании, а сами мнят себя новыми Павлами и Антониями.²³²

Глава LV. Короли

Охотно покидаю я этих бесчестных лицедеев, которые, прикидываясь набожными, черной неблагодарностью платят мне за мою благостыню, и с удовольствием завожу речь о королях и о знатных придворных, кои чтут меня с прямотою и откровенностью, достойными людей благородных. Что, если бы у этих господ завелось хотя бы на пол-унции здравого смысла? Как печальна и незавидна была бы их жизнь! Право, никто не стал бы добиваться власти столь дорогою ценою, как клятвопреступление и убийство, если бы предварительно взвесил, что за бремя возлагает на свои плечи всякий, желающий быть государем. Кто взял в свои руки кормило правления, тот обязан помышлять лишь об общественных, а отнюдь не о частных своих делах, не отступать ни на вершок от законов, каковых он и автор и исполнитель, следить постоянно за неподкупностью должностных лиц и судей; вечно он у всех перед глазами, как благодетельная звезда, чистотой и непорочностью своей хранящая от гибели род человеческий, или как грозная комета, всем несущая гибель. Пороки всех остальных лиц губительны для немногих и по большей части остаются скрытыми, но государь поставлен так высоко, что если он позволит себе хотя бы малейшее уклонение от путей чести, тотчас же словно чума распространяется среди его подданных. Богатство и могущество государей умножают для них поводы свернуть с прямой дороги: чем больше вокруг них разнузданности, наслаждений, лести, роскоши, тем бдительнее должны они следить за собой, дабы не ошибиться и не погрешить в чем-либо против обязанностей своего звания. Наконец, какие козни, какая ненависть, какие опасности подстерегают их, не говоря уже о страхе перед тем неизбежным мгновением, когда единый истинный царь истребует у них отчет даже в малейшем проступке, истребует с тем большею строгостью, чем шире была представленная им власть! Если бы, повторяю, государь взвесил в уме своем всё это и многое другое в том же роде, – а он бы так и сделал, обладай он здравым разумением, – то, полагаю, не было бы ему отрады ни во сне, ни в пище. Но, благодаря моим дарам, государи возлагают все заботы на богов, а сами живут в довольстве и веселии и, дабы не смущать своего спокойствия, допускают к себе только таких людей, которые привыкли говорить одни приятные вещи. Они уверены, что честно исполняют свой монарший долг, если усердно охотятся, разводят породис-

²³¹ Эллебор – растение, применявшееся в древности как средство против душевных болезней.

²³² Вероятно, имеется в виду св. Антоний Египетский (ок. 251–356), считающийся основателем пустынножительствующего монашества.

тых жеребцов, продают не без пользы для себя должности и чины и ежедневно измышляют новые способы набивать свою казну, отнимая у граждан их достояние. Для этого, правда, требуется благовидный предлог, так чтобы даже несправедливейшее дело имело внешнее подобие справедливости. Тут в виде приправы к делам, произносятся несколько льстивых слов с целью привлечь души подданных.

Теперь вообразите себе – а ведь это встречается и в жизни – человека невежественного в законах, чуть не прямого врага общего блага, преследующего единственно свои личные выгоды, преданного сладострастию, ненавистника учености, ненавистника истины и свободы, менее всего помышляющего о процветании государства, но всё меряющего меркою собственных прибытков и вожделений. Наденьте на такого человека золотую цепь, указующую на соединение всех добродетелей, возложите ему на голову корону, усыпанную дорогими камнями, напоминание о том, что носитель ее должен всех превосходить величием своих доблестей, вручите ему скипетр, символ правосудия и неподкупной справедливости, наконец облеките его в пурпур, знаменующий возвышенную любовь к отечеству. Если государь сопоставит все эти украшения с жизнью, которую он ведет, то, я уверена, он устыдится своего наряда и ему станет страшно, как бы какой-нибудь шутник не сделал предметом посмеяния этот величественный убор.

Глава LVI. Вельможи

А что сказать о придворных вельможах? Нет, пожалуй, ничего раболепнее, низкопоклоннее, пошлее и гнуснее их, а между тем во всех делах они хотят быть первыми. В одном лишь они скромны до крайности: довольствуясь тем, что украшают себя золотом, дорогими камнями, пурпуром и прочими внешними знаками доблести и мудрости, самую суть этих двух вещей они целиком уступают другим людям. Для счастья им с избытком хватает того, что они могут называть короля своим господином, при всяком удобном случае свидетельствовать ему свое почтение, рассыпая в изобилии пышные титулы, вроде «ваша светлость», «ваше великолепие», «ваше величество». Как ловко выучились они стирать с лица краску стыда. Оба эти искусства как нельзя более приличествуют знатному барину и придворному. Но всмотрись внимательнее и увидишь, что перед тобой настоящие феаки, женихи Пенелопы, – эхо подскажет вам окончание этого стиха лучше, чем я.²³³ Спят они до полудня; наемный попик стоит наготове возле постели и, лишь только господин пробудится, тотчас же наспех правит службу. Засим следует завтрак, по окончании которого почти тут же подают обед. Затем кости, бирюльки, пари, скоморохи, шуты, потаскухи, забавы и потехи. В промежутках – раза два закуска с выпивкой. Затем наступает время ужина, за которым следует попойка с многократными, клянусь Юпитером, возлияниями. Таким образом без малейшей скуки проходят часы, дни, месяцы, годы, века. Даже я нередко от души развлекаюсь, глядя на этих *долгохвостых*: вот юная дама, которая мнит себя равной богиням, потому что таскает за собой длиннейший шлейф, вот здоровенный детина, расталкивающий локтями соседей, чтобы все увидели его рядом с Юпитером, вот еще один, счастливый тем, что на шее у него красуется тяжелейшая цепь, выставляющая напоказ не только богатство, но и телесную силу своего владельца.

Глава LVII. Епископы

Папы, кардиналы и епископы не только соперничают с государями в пышности, но иногда и превосходят их. Вряд ли кто помышляет о том, что белоснежное льняное одеяние означает беспорочную жизнь. Кому приходит в голову, что двурога митра с узлом, стягивающим обе верхушки, знаменует совершеннейшее знание Ветхого и Нового завета? Кто помнит, что руки, обтянутые перчатками, суть символ чистого и непричастного ко всему земному совершения таинств, что посох изображает бдительную заботу о пастве, а епископский крест – победу над всеми страстями человеческими? И вот я спрашиваю: тот, кто поразмыслит над подразумеваемым значением всех этих предметов, не будет ли вынужден вести жизнь, исполненную забот и печалей? Но почти все избрали благую часть и пасут только самих себя, возлагая заботу об овцах либо на самого Христа, либо на странствующих монахов и на своих викариев. И не вспомнит никто, что самое слово «епископ» означает труд, заботу и прилежание: лишь об уловлении денег воистину пекутся они и здесь, как подобает епископам, *смотрят в оба*.

²³³ Эразм имеет в виду стихи Горация: «Мы – ветрогоны, мы все – женихи Пенелопы, подобны Юношам мы Алкиноя, что заняты были не в меру Холею кожи и, спать до полудня считая приличным, Сон, что лениво к ним шел, навевали звоном кифары...» «Послания», 2, 28–31. Перевод М. Дмитриева.

Глава LVIII. Кардиналы

А если бы кардиналы в свою очередь поразмыслили о том, что они унаследовали место апостолов и, стало быть, обязаны подражать их жизни? Если бы им пришло в голову, что они не хозяева духовных даров, но лишь управители, которым рано или поздно придется дать строжайший отчет во всем? Если б они хоть призадумались над значением отдельных частей своего наряда? Что означает эта белизна нижнего облачения, если не высочайшую и совершеннейшую беспорочность жизни? Что такое эта пурпуровая ряса, как не символ пламенной любви к богу? На что указывает эта мантия, ниспадающая широкими складками на спину мула их высокопреосвященства и столь обширная, что ею можно было бы прикрыть даже верблюда? Не есть ли она знамение всеобъемлющего милосердия, выражающегося в поучениях, увещаниях, наставлениях, обличениях, убеждениях, в примирении воюющих, в сопротивлении неправедным государям и даже в пролитии собственной крови за христианскую паству, не говоря уже о жертвах своим достоинством? Да и подобает ли богатое достояние тем, кто пришел на смену нищим апостолам? Повторяю, если б отцы кардиналы взвесили всё это, они не добивались бы высокого своего сана и покидали бы его с великой охотой, либо вели жизнь, полную тяжких трудов и забот, – такую же, как некогда апостолы.

Глава LIX. Верховные первосвященники

А верховные первосвященники, которые заступают место самого Христа? Если бы они попробовали подражать его жизни, а именно бедности, трудам, учительству, крестной смерти, презрению к жизни, если бы задумались над значением своих титулов – «папы», иначе говоря, отца и «святейшества», – чья участь в целом свете оказалась бы печальнее? Кто стал бы добиваться этого места любой ценою или, однажды добившись, решился бы отстаивать его посредством меча, яда и всяческого насилия? Сколь многих выгод лишился бы папский престол, если б на него хоть раз вступила Мудрость? Мудрость, сказала я? Пусть не Мудрость даже, а хотя бы крупица той соли, о которой говорил Христос. Что осталось бы тогда от всех этих богатств, почестей, владычества, побед, должностей, диспенсаций,²³⁴ сборов, индульгенций, коней, мулов, телохранителей, наслаждений? (В нескольких словах я изобразила вам целую ярмарку, целую гору, целый океан всяческих благ). Их место заняли бы бдения, посты, слезы, проповеди, молитвенные собрания, ученые занятия, покаянные вздохи и тысяча других столь же горестных тягот. Не следует также забывать об участи, которая постигла бы бесчисленных чиновников, копиистов, нотариусов, адвокатов, промоторов, секретарей, погонщиков мулов, конюших, банкиров, сводников... Прибавила бы я еще словечка два покрепче, да боюсь оскорбить ваши уши... В общем, вся эта огромная толпа, которая отягощает, – или нет, прошу прощения, – которая украшает римский престол, была бы обречена на голод. Но еще бесчеловечнее, еще ужаснее, еще нестерпимее было бы пожелание, чтобы верховные князья церкви, эти истинные светочи мира, снова взялись за суму и посох.

Ныне же, напротив, все труды возлагаются на Петра и Павла, – у них ведь довольно досуга, – а блеск и наслаждение папы берут себе. При моем содействии никому в целом роде людском не живется так привольно и беззаботно, как им. Они мнят, будто в совершенстве исполняют закон Христов, если, надев на себя мистический и почти театральный убор, присвоив титулы «блаженнейшего», «преподобнейшего» и «святейшего», раздавая благословения и проклятия, разыгрывают роль верховных епископов. Смешно, старомодно и совсем не ко времени в наши дни творить чудеса. Поучать народ – трудно; толковать священное писание – схоластично; молиться – бесполезно; лить слезы – некрасиво и женоподобно; жить в бедности – грязно; оказаться побежденным – постыдно и недостойно того, кто и королей едва допускает лобызать свои блаженные стопы; наконец, умирать – неприятно, а быть распятым – позорно. Остается одно лишь оружие да те сладкие словеса, о которых упоминает апостол Павел²³⁵ и которых никогда не жалели папы в своем милосердии, и, наконец, интердикты, временные отрешения от бенефициев,²³⁶ повторные

²³⁴ Диспенсация – разрешение в отдельном случае нарушить существующий церковный закон. Диспенсивная власть принадлежала папе, который мог передавать ее епископам, и являлась существенным источником доходов католической церкви в средние века.

²³⁵ В «Послании к Римлянам» (XVI, 18) говорится о тех, которые «...служат не господу нашему Иисусу Христу, а своему чреву, и ласкательством и красноречием обольщают сердца простодушных».

²³⁶ Интердикт – запрещение богослужения и отправления других религиозных обрядов, широко применявшееся средневековой католической церковью в ее борьбе со светской властью в качестве

отлучения, анафемы, картинки, изображающие муки грешников, и грозные молнии, при помощи которых папы единым своим мановением низвергают души смертных в самую глубину Тартара. Охотнее всего святейшие во Христе отцы и Христовы наместники поражают этими молниями тех, кто, наущаемый дьяволом, пытается умалить или расхитить достояние св. Петра. Хотя, по свидетельству Евангелия, Петр сказал: «Вот мы оставили всё и последовали за тобою»²³⁷, однако его достоянием именуется поля, города, селения, налоги, пошрины, права владения. Ревнуя о Христе, папы огнем и мечом отстаивают «наследие Петрово», щедро проливают христианскую кровь и при этом свято веруют, что они по завету апостольскому охраняют невесту Христову – церковь, доблестно сокрушая ее врагов. Как будто могут быть у церкви враги злее, нежели нечестивые первосвященники, которые своим молчанием о Христе позволяют забывать о нем, которые связывают его своими гнусными законами, искажают его учение своими за уши притянутыми толкованиями и убивают его своей гнусной жизнью. Поскольку христианская церковь основана на крови, кровью скреплена и кровью возвеличилась, они по сей день продолжают действовать мечом, словно нет больше Христа, который сам защищает своих верных. И хотя война есть дело до того жестокое, что подобает скорее хищным зверям, нежели людям, до того безумное, что поэты считают ее порождением фурий, до того злобное, что разлагает нравы с быстротою моровой язвы, до того несправедливое, что лучше всего предоставить заботу о ней отъявленным разбойникам, до того нечестивое, что ничего общего не имеет с Христом, – однако папы, забывая обо всем на свете, то и дело затевают войны.

Порой увидишь даже дряхлых старцев,²³⁸ одушевленных чисто юношеским пылом, которых никакие расходы не страшат и никакие труды не утомляют, которые, ни минуты не колеблясь, перевернут вверх дном законы, религию, мир и спокойствие и все вообще дела человеческие. И находятся у них ученые льстецы, которые именуют это явное безумие святой ревностью, благочестием, мужеством, которые, пускаясь во всевозможные тонкости, доказывают, что можно, обнаживши губительный меч, пронзая железом утробу брата своего, нисколько не погрешая в то же время против высшей заповеди Христа о любви к ближнему.

Глава LX. Германские епископы

Я не берусь сказать наверное, с пап ли взяли пример или, напротив, сами послужили для них примером иные германские епископы, которые действуют еще проще: скинув свой святой убор, отказавшись от благословений и прочих обрядов, они живут настоящими сатрапами и почитают неприличным и даже позорным для епископа отдать богу доблестную душу где-либо в ином месте, кроме ратного поля. Что касается обычных священников, то им, конечно, не подобает уступать в святости жизни своему церковному начальству, а потому и они сражаются по-военному, мечами, копьями, каменьями и прочим оружием отстаивая свое право на десятину.²³⁹ Люди весьма глазастые, они с величайшим тщанием выискивают в старинных грамотах всё, чем можно напугать страху на простой народ и заставить его вносить более чем десятую часть урожая. И не приходит ни одному из них в голову, что по должности своей, – как о том написано в разных книгах, – они в свою очередь обязаны многое делать для паствы. Даже бритая макушка не напоминает им, что священнику надлежит быть свободным от всех мирских страстей и помышлять только о небесном. Эти милые люди полагают, будто честно правят свою должность, если бормочут кое-как свои молитвы, которых, клянусь Гераклом, не слышит и не понимает ни один бог, ибо они и сами-то не слышат и не понимают того, что слетает с их уст. И еще одно уподобляет священников мирянам: все они неусыпно следят за сбором своей жатвы и превосходно знают относящиеся сюда законы. Что касается обязанностей, то они благообразно перелагают это бремя на чужие плечи или передают из рук в руки, словно мячик. Подобно тому как светские государи посылают для управления областями наместников, а наместники в свою очередь поручают это дело своим помощникам, так и духовенство, по смирению своему, предоставляет труды благочестия простому народу. Но и простой люд спешит свалить эти труды на так называемых «церковнослужителей», как будто сам он ничего общего не имеет с церковью

наказания, налагаемого на целые города, области, страны, или – реже на отдельных лиц. Бенефиций – здесь: церковная должность и связанные с ней доходные статьи.

²³⁷ «Евангелие от Матфея», XIX, 27.

²³⁸ Весьма смелый намек на папу Юлия II (1503–1513), еще занимавшего папский престол в годы первых изданий «Похвалы Глупости».

²³⁹ Десятина – десятая часть урожая и иных доходов, взимавшаяся в Западной Европе церковью со всего населения.

и обряд крещения вовсе над ним не совершался. Священники, именуемые светскими, – словно посвятили себя миру, а не Христу, – возлагают груз пастырских обязанностей на регулярное духовенство.²⁴⁰ Регулярное духовенство прибегает к содействию монахов; монахи, живущие по легкому уставу, призывают монахов устава строгого; последние обращаются к нищенствующим орденам, а нищенствующая братия уповает на картезианцев,²⁴¹ среди которых единственно и скрывается благочестие, но так хорошо скрывается, что его почти никогда и не увидишь. Равным образом верховные первосвященники, столь усердные в собирании денежной жатвы, препоручают эти тяжкие, сверхпостольские труды епископам, епископы – приходским священникам, приходские священники – викариям, викарии – нищенствующим монахам. Последние же в свою очередь обращаются к услугам тех, кто умеет стричь овец. Впрочем, я не намерена разбирать здесь во всех подробностях жизнь папы и остальных духовных лиц: ведь я не сатиру сочиняю, а произношу похвальное слово. И да не подумает кто, будто я порицаю хороших государей, превознося дурных. Я лишь стремлюсь доказать в немногих словах, что ни один смертный не может жить с приятностью, не будучи посвящен в мои таинства и не пользуясь моим благоволением.

Глава LXI. Фортуна благоприятствует Глупости

Да и может ли быть иначе, если сама Рамнузия,²⁴² управительница всех дел человеческих, до того согласно со мною мыслит, что вечно пылает враждой к мудрецам, а дураков, напротив, даже во сне осыпает благодеяниями? Слыхали вы про знаменитого Тимофея, прозванного Счастливым,²⁴³ о котором сложили пословицу: *счастье валит к нему и во сне*. Напротив, о мудрецах говорится, что *родятся они на ущербе луны*, ездят на Сеевом коне, а в карманах у них гремит тулузское золото.²⁴⁴ Но хватит с меня пословиц, не то, пожалуй, подумают, будто я украла их из сборника, составленного моим другом Эразмом.²⁴⁵ Итак, к делу! Фортуна любит людей не слишком благоразумных, но зато отважных, таких, которые привыкли повторять: «*Будь что будет*». А мудрость делает людей робкими, и потому на каждом шагу видишь мудрецов, живущих в бедности, в голоде, в грязи и в небрежении, повсюду встречающих лишь презрение и ненависть. К дуракам же плывут деньги, они держат в своих руках кормило государственного правления и вообще всячески процветают.

Если счастье состоит в том, чтобы угождать государям и блистать в нарядной толпе моих богоравных любимцев, то что может быть бесполезнее мудрости, что губительнее ее для рода человеческого? Если речь пойдет о накоплении богатств, какого прибытка дождется купец, следующий внушениям мудрости? Ведь он избегает ложных клятв, краснеет, когда его уличат во лжи, придает великое значение всем тем пустякам, которые мудрецы нагородили относительно воровства и ростовщичества. Если прельщают тебя церковные почести и доходы, то знай, что осел или буйвол скорей достигнут их, нежели мудрец. Если манит тебя сладострастие, то помни, что молодые женщины, о которых мы так много говорили сегодня, всем сердцем преданы дуракам, мудреца же боятся и избегают, словно скорпиона. Наконец, все желающие пожить хоть немного приятнее и веселее обыкновенного первым долгом спешат изгнать мудреца и готовы принять любого скота на его место. Да и вообще к кому ты ни обратишься: к первосвященникам ли, монархам, судьям, чиновникам, друзьям или врагам, к великим или малым мира сего, – повсюду требуются наличные деньги; а поскольку мудрец презирает деньги, то все дружно от него отворачиваются.

²⁴⁰ Регулярное духовенство – священники, не принадлежавшие к определенному ордену или конгрегации, но соблюдавшие монашеский устав.

²⁴¹ Картезианцы – монахи картезианского ордена, учрежденного около 1084 года и известного особой строгостью устава.

²⁴² Рамнузия – Немезида, греческая богиня справедливости и возмездия.

²⁴³ Тимофей – известный афинский полководец IV в. до н.э.

²⁴⁴ Авл Геллий (III, 9, 6) рассказывает о коне, принадлежавшем первоначально некоему Сею, осужденному на смерть Марком Антонием. Все последующие владельцы этого коня также погибли насильственной смертью. Тот же Геллий (III, 9, 7), сообщает, что золото, награбленное в храмах галльского города Тулузы римским консулом Гнеем Сервилием Цепионом (конец II в. до н.э.), принесло несчастье всем, кто получил свою долю в добыче.

²⁴⁵ Имеются в виду знаменитые «Adagia» («Поговорки») – большой сборник античных поговорок и крылатых слов, снабженных обширными и остроумными комментариями самого Эразма.

Но если похвалам, кои мне причитаются, не может быть ни меры, ни предела, то всякая речь по необходимости должна иметь свой конец. Поэтому я кончаю и лишь предварительно укажу в нескольких словах, что многие изрядные авторы прославили меня и в писаниях своих и на деле. Не то вы, чего доброго, решите, будто я одна только и восхищаюсь собою, словно дура какая-нибудь, а жалкие крючкотворы станут клеветать, утверждая, что мне не на кого сослаться. Итак, последую их собственному примеру, иначе говоря, буду цитировать *вкривь и вкось*.

Глава LXII. Свидетельства древних

Начать с того, что все соглашаются с общеизвестной поговоркой: «*И будь без хвоста, да не кажись кургуз*»²⁴⁶. Ту же самую истину преподают детям в виде стишка:

Вовремя глупым умеи притвориться – всех будешь мудрее.

Вы сами теперь понимаете, какое великое благо – глупость, если даже обманчивая тень ее и простое подражание удостоились таких похвал из уст людей ученых. Еще откровеннее высказался этот толстый и холеный поросенок из Эпикурова стада,²⁴⁷ посоветовав «с трезвой мыслью мешать глупость»²⁴⁸. Он, правда, добавляет: «на краткий срок», но эта поправка не делает ему чести.

У него же в другом месте сказано:

Сладко мудрость забыть порой.²⁴⁹

И далее:

Лучше безумцем прослыть и болваном, чем умником хмурим.²⁵⁰

Уже у Гомера Телемах, всячески восхваляемый поэтом, не раз именуется *неразумным дитятей*, и тем же прозвищем постоянно награждают мальчиков и отроков трагики, словно желая им счастья и удачи. А что такое сама священная «Илиада», как не повествование о ссорах глупых царей и народов? Наконец, что может быть возвышеннее той хвалы, которую воздал мне Цицерон? «Весь мир полон глупцов»²⁵¹, – сказал он. Но кому не известно, что чем шире распространено какое-либо благо, тем оно драгоценнее?

Глава LXIII. Свидетельства Священного писания

Но, быть может, для христиан все эти язычники не указ? Обратимся в таком случае к свидетельствам Священного писания и постараемся с его помощью обосновать или, как говорят ученые, апрофондировать мои восхваления; испросим разрешения у богословов и приступим к этому трудному делу. Пожалуй, неприлично будет снова взывать к Музам Геликонским, поскольку вопрос этот для них посторонний, а так как я разыгрываю теперь богослова и продираюсь сквозь тернии теологии, то лучше всего взывать к душе Скота, колючей, словно еж или дикобраз, и попросить, чтобы она переселилась хоть на малое время из любезной своей Сорбонны²⁵² в мою грудь, а потом пусть убирается куда угодно, хотя к *свиньям*. Вот если б только позволили мне нацепить другую личину и облечься в богословские одежды! Боюсь, впрочем, как бы, увидя во мне столько богословской учености, не притянули меня к суду за то, что я обчистила исподтишка сундуки «наставников наших». Но не следует удивляться тому, что, вращаясь так долго в кругу моих близких друзей-теологов, я позаимствовалась у них кое-чем, подобно тому как эта дубина Приап вытвердил и запомнил несколько греческих слов,²⁵³ слушая

²⁴⁶ **МОИ 2015-11-12:** «Principio illud omnibus vel notissimo proverbio persuasum est: Ubi res abest, ibi simulationem esse optimam». Ох, этот идиот Маркаш! У Губера ведь было правильно: «Где нет самой вещи, там пригодится и внешнее ее подобие». И так во многих местах!

²⁴⁷ Так называет себя Гораций («Послания», I, 4, 16). Эпикур (341–270 до н.э.) – древнегреческий философ, один из самых выдающихся представителей античного материализма. Эпикурейцы («Эпикурово стадо») возводили наслаждение в основной принцип этики.

²⁴⁸ Гораций, «Оды», IV, 12, 27. Перевод Н.С. Гинцбурга.

²⁴⁹ Гораций, «Оды», IV, 12, 28. Перевод Н.С. Гинцбурга.

²⁵⁰ Гораций, «Послания», II, 2, 126.

²⁵¹ Цицерон, «Письма к близким», IX, 22, 14.

²⁵² Сорбонна – богословский факультет Парижского университета; была центром католического мракобесия в XVI веке.

²⁵³ Намек на одно анонимное латинское стихотворение, где Приап изображен садовым сторожем, который, слушая, как его господин читает Гомера, запомнил несколько слов и затем употреблял их весьма некстати.

чтение своего хозяина. Петух в диалоге Лукиана от долгого общения с людьми тоже выучился говорить человеческим языком.

Но перейдем к самому делу, с помощью божией. Екклезиаст написал в главе первой: «Бесконечно число глупцов»²⁵⁴. Вещая о бесчисленности глупцов, не хотел ли сказать мудрец, что все люди вообще глупы, за ничтожными изъятиями, на которые не стоит, пожалуй, обращать внимания. Еще яснее то же утверждает Иеремия в главе десятой: «Безумствует, – говорит он, – всякий человек в своем знании»²⁵⁵. Пророк приписывает мудрость одному богу, а людям оставляет в удел глупость. Он же утверждает немного выше: «Да не хвалится мудрый мудростью своею»²⁵⁶. Почему не позволяешь ты человеку хвалиться своей мудростью, добрейший Иеремия? Потому, ответит он, что человек вовсе лишен мудрости. Но возвращаюсь к Екклезиасту. «Суета сует, – восклицает он, – всё суета!»²⁵⁷ Как вы полагаете, не разумел ли он этим, что жизнь человеческая, как мы уже говорили, есть всего-навсего игра Глупости? Не являются ли эти слова блестящим подтверждением приведенного мною выше изречения Цицерона: «Весь мир полон глупцов»? Далее, в «Книге премудрости Иисуса, сына Сирахова» сказано: «Глупый меняется, как луна, мудрый пребывает, как солнце»²⁵⁸. Не означает ли это, что весь род человеческий глуп и лишь одного бога можно наименовать мудрым, ибо под луной должно разуть человеческую природу, а под солнцем, источником всякого света, – единого бога? С изречением этим вполне согласуются и слова самого Христа, который запрещает называть кого бы то ни было благим, кроме бога.²⁵⁹ Итак, ежели глуп тот, кто не мудр, и ежели правы стоики, отождествляющие благость с мудростью, то отсюда с необходимостью следует, что все люди подвластны Глупости. В главе пятнадцатой «Притчей Соломоновых» говорится; «Глупость – радость для малоумного». Это означает, что без глупости ничто не сладко нам в жизни. О том же читаем и в ином месте: «Во многотрудности многотрудности печали, и кто умножает познания, умножает скорбь»²⁶⁰. То же самое с еще большей ясностью провозгласил славный проповедник в главе седьмой: «Сердце мудрых – в доме плача, а сердце глупых – в доме веселья»²⁶¹. А потому сам он не ограничился изучением мудрости, но счел за благо свести знакомство также и со мной. Ежели не верите, взгляните на те слова, которые начертаны в главе первой: «И предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость». Обращаю, кстати, внимание ваше на то, что Глупость занимает здесь второе место после Мудрости, а второе место не в пример почетнее. Так писал Екклезиаст, да вы и сами знаете, что этого требует церковный чин: кто по должности своей всех выше, гот занимает последнее место – согласно заповеди евангельской.²⁶² Нет, Глупость, вне всякого сомнения, важнее Мудрости и автор «Премудрости Иисуса, сына Сирахова», кто бы он ни был, недвусмысленно о том свидетельствует в главе сорок четвертой,²⁶³ но, клянусь Гераклом, я приведу вам его подлинные слова лишь в том случае, если вы пособите моему рассуждению, отвечая на вопросы, как то делают в Платоновых диалогах собеседники Сократа. Что подобает скрывать: вещи редкие и драгоценные или дешевые и низкие? Что же вы молчите? Если вздумаете хитрить, то за вас ответит греческая пословица: *глиняный кубшин и у порога можно оставить*. А дабы не посмел никто нечестиво возражать против этого изречения, спешу напомнить, что на него ссылается сам Аристотель, этот бог всех наших докторов богословия. Кто из вас настолько глуп, чтобы оставлять на пороге золото и драгоценные камни? Клянусь Гераклом, я не верю, чтобы подобный дурак отыскался. Такие вещи вы держите во внутренних покоях, мало того – в сокровеннейших уголках окованных железом сундуков, а всякую дрянь бросаете на виду у всех. Но если драгоценные вещи надлежит прятать, а дешевые выставлять напоказ, то не явствует ли отсюда, что мудрость, которую Писание запрещает скрывать, дешевле

²⁵⁴ «Екклезиаст», I, 15 в. В русском синодальном переводе Библии этого стиха нет.

²⁵⁵ «Книга пророка Иеремии», X, 14.

²⁵⁶ «Книга пророка Иеремии», IX, 23.

²⁵⁷ «Екклезиаст», I, 2.

²⁵⁸ «Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова», XXVII, 11 (12). В русском синодальном переводе этот стих звучит несколько иначе. **МОИ 2015-11-09:** Звучит так: «Беседа благочестивого – всегда мудрость, а безумный изменяется, как луна».

²⁵⁹ «Евангелие от Матфея», XIX, 17.

²⁶⁰ «Екклезиаст», I, 18.

²⁶¹ «Екклезиаст», VII, 4 (5).

²⁶² «Многие же будут первые последними и последние первыми». «Евангелие от Матфея», XIX, 30.

²⁶³ Отыскать это «недвусмысленное свидетельство» в указанной главе совсем не так просто, как о том объявляет Глупость.

глупости, которую оно приказывает укрывать во мраке. А вот и само свидетельство: «Лучше человек, скрывающий свою глупость, нежели человек, скрывающий свою мудрость»²⁶⁴. Священное писание приписывает глупцу простодушие, тогда как мудрец никого не почитает себе равным. Так по крайней мере толкую я следующее место у Екклезиаста в главе X: «По какой бы дороге ни шел глупый, у него всегда не достанет смысла, и во всяком встречном видит он глупца»²⁶⁵. Какое простодушие – ставить себя на одну доску с прочими смертными и делить с ними похвалы (ведь любой человек качества свои почитает достойными похвал)! Поэтому и не постыдился великий царь самого себя наименовать глупцом, сказав в главе тридцатой: «Подлинно, я более невежда, нежели кто-либо из людей!»²⁶⁶ И Павел, апостол язычников, в «Послании к Коринфянам» с охотою принимает название глупца: «Если кто смеет хвалиться чем-либо, то, скажу по неразумию, смею и я»²⁶⁷. Он, по-видимому, никому не хотел уступить по части глупости.

Но уже поднимают против меня крик всякие греки, которые, словно воронье, норовят выклевать глаза новейшим богословам и только головы людям морочат своими комментариями. В их стае если не первое, то уж конечно второе место занимает мой милый Эразм, которого я, чести ради, поминаю здесь чаще других. «Глупая и воистину достойная Мории цитата, – вопиют греки. – Совсем иное хотел сказать апостол, а не то, что тебе почудилось. Он отнюдь не старался доказать, будто он глупее остальных; в самом деле, воскликнув: «Они Христовы служители? И я тоже», – Павел, отлично понимая, что он не только равен прочим апостолам, но и превышает их в деле служения Евангелию, прибавляет: «Я больше». Однако, не желая вводить в соблазн тех, кому такое заявление могло показаться излишне дерзновенным, он тут же поспешил оправдаться: «В безумии, мол, говорю»²⁶⁸. Ибо безумию дарована привилегия говорить правду, никого не оскорбляя. Но я вовсе не намерена вступать с ними в препирательства по поводу того, что думал Павел, когда писал приведенные выше слова. Пусть их судят, как им угодно, а я пойду следом за дородными, жирными, тучными и повсюду уважаемыми богословами, вместе с которыми большинство докторов наших предпочитают, клянусь Зевсом, заблуждаться, лишь бы не делить мнения, хотя бы и правые, с этими «трехязычными»²⁶⁹. Ибо доктора наши почитают «гречишек» несколько не выше грачей. Особливо – один славный теолог,²⁷⁰ имя коего я благоразумно утаю, дабы не дать грачам повода лишний раз вспомнить греческую пословицу об осле и лире; по всем правилам богословской науки он разъяснил занимающий нас текст: «В безумии говорю: я больше». Этому месту он посвятил целую главу, добираясь в ней до крайних пределов диалектики, а потому вводя новые разделения и подразделения. Итак, я приведу здесь собственные его слова, одинаково замечательные как по форме, так и по содержанию: «В безумии говорю – означает в данном случае, что ежели я кажусь вам безумным, приравнивая себя к лжеапостолам, то буду еще безумнее, поставив себя выше их». Впрочем, немного дальше наш теолог перескакивает на совсем другой предмет, видимо, позабыв, о чем только что шла речь.

Глава LXIV. Лукавые толкователи слов Священного писания

Но к чему цепляться так робко за один-единственный пример? Как будто богословам вообще не предоставлено право выворачивать по своему усмотрению наизнанку небо, сиречь Святое писание, словно баранью шкуру! Ведь и у самого божественного Павла встречаются слова, которые кажутся противоречивыми, но перестают быть таковыми, будучи переставлены на подобающее им место. Если верить свидетельству *пятиязычного*²⁷¹ Иеронима, Павел для подтверждения христианской веры искажил надпись на случайно замеченном им афинском

²⁶⁴ В действительности это «свидетельство» находится не в XLIV, а в XX главе (стих 31).

²⁶⁵ Стих 3. Традиционный (синодальный) перевод этого стиха несколько иной. **МОИ 2015-11-09:** «По какой бы дороге ни шел глупый, у него *всегда* не достаёт смысла, и всякому он выскажет, что он глуп».

²⁶⁶ «Кита притчей Соломоновых», XXX, 2.

²⁶⁷ «Второе послание к Коринфянам», XI, 21.

²⁶⁸ Там же, 22, 23.

²⁶⁹ То есть знающими греческий, латинский и древнееврейский языки.

²⁷⁰ Имеется в виду Парижский теолог Николай Лира (умер в 1340), богослов и проповедник, комментатор Библии.

²⁷¹ Св. Иероним знал пять языков: латинский, греческий, древнееврейский, халдейский и свой родной – далматский.

жертвеннике и привел из нее только два слова: «неведомому богу»²⁷², пропустив всё остальное, как не соответствующее его целям, ибо надпись в целом гласила: «Богам Азии, Европы и Африки, богам неведомым и чужеземным». Я полагаю, что по его примеру и наши *чада богословия* постоянно вырывают из разных мест по четыре–пять словечек, а порою, ежели встретится в том нужда, даже искажают их себе на потребу и затем на них же ссылаются, нисколько не заботясь о том, что весь предыдущий и последующий текст либо никакого отношения не имеет к разбираемому вопросу, либо даже прямо противоречит тому толкованию, которое они предлагают. И столь счастливы бывают в своем бесстыдстве наши теологи, что им сплошь да рядом могут позавидовать даже законоведы.

Да и в самом деле, как усомниться в том, что для них всё возможно, если Знаменитый доктор – чуть не назвала его по имени, да опять боюсь пословицы – выдавил из слов Луки некое поучение, которое так же хорошо уживается со всем духом Христовым, как вода с огнем. В час великой опасности, когда все добрые слуги собираются вокруг господ своих, дабы *постоять за них* всеми силами, Христос, желавший изгнать из души учеников всякую надежду на земную подмогу, спрашивает, нуждались ли они в чем-либо, когда ходили проповедовать по наказу учителя, хотя и не получили от него ни обуви для защиты от терний и камней, ни сумы с припасами, чтобы могли не опасаться голода. Когда апостолы ответили, что ни в чем не терпели нужды, он добавил: «Но теперь, кто имеет мешок, тот возьми его, а также и суму; а у кого нет, продай одежду свою и купи меч»²⁷³. Поскольку всё христианское учение основано лишь на кротости, терпении и презрении к жизни, кому не ясно, как следует понимать это место? Христос призывал своих посланцев забыть всё мирское, чтобы они не только не помышляли о суме и обуви, но даже платье совлекли с себя и приступили нагие и ничем не обремененные к дарам евангельским, ничего не имея, кроме меча, – не того, конечно, которым действуют разбойники и убийцы, но меча духовного, проникающего в самую глубину груди и напрочь отсекающего все мирские помышления, так что в сердце остается одно только благочестие. Но поглядите, прошу вас, как переиначил всё это наш знаменитый богослов. Меч он толкует как защиту против гонений, мешок – как достаточный запас съестного, словно Христос переменял свои мысли на этот счет и, спохватившись, что не совсем *по-царски* снарядил проповедников, взял обратно все прежние свои наставления. По-видимому, забыв, что еще совсем недавно провозглашал он блаженными тех, кого будут поносить, гнать и мучить, воспрещал противиться злу, обещал блаженство кротким, а не свирепым, ставил людям в пример воробьев и лилии, Христос теперь старается снабдить своих учеников мечами и для приобретения их даже повелел продать одежду, как будто предпочел видеть своих последователей лучше нагими, нежели безоружными. Разумея под «мечом» всё, что может служить для сопротивления насилию, богослов наш понимает слова о суме как заповедь приобретать всё нужное для поддержания жизни. Таким образом этот толкователь божественных велений вооружает апостолов копьями, баллистами, пращами и бомбардами и в таком виде посылает на проповедь крестного распятия. Он даже спешит нагрузить их сундуками, баулами и котомками, дабы никогда не уходили они с постоялого двора, не пообедав. И не пришло в голову этому человеку, что меч, который надо было покупать за такую дорогую цену, Христос вскоре повелел вложить в ножны и что апостолы, сколько известно, никогда не обращались к мечам и щитам для обороны от насилия язычников, а они, конечно, не преминули бы сделать это, если бы так заповедал им сам Христос.

Есть еще один богослов²⁷⁴ – прославленный ученый, коего я не назову по причине моего глубокого к нему уважения. Он из палаток, о которых упоминает пророк Аввакум в стихе «Сотряслись кожи шатров Мадиамских»²⁷⁵, делает кожу, содранную со св. Варфоломея. Недавно я сама присутствовала на одном диспуте у богословов – я у них частая гостья. Там кто-то задал вопрос: как же в конце концов обосновать при помощи Священного писания необходимость жечь еретиков огнем, а не переубеждать их при помощи словопрений? Тут поднялся один суровый старик, истый богослов, если судить по насупленным бровям, и с великим раздражением

²⁷² В «Деяниях апостолов» (XVII, 22–23) приводится обращение апостола Павла к афинянам: «По всему вижу я, что вы как бы особенно набожны. Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано: «неведомому Богу». Сего-то, которого вы, не зная, чтите, я проповедаю вам».

²⁷³ «Евангелие от Луки», XXII, 36.

²⁷⁴ По-видимому, августинец Иордан Саксонский (XIV в.).

²⁷⁵ «Книга пророка Аввакума», III, 7. В русском синодальном переводе сказано просто: «Сотряслись палатки земли Мадиамской».

ответствовал, что так-де предписано Павлом, который сказал: «Еретика после первого и второго вразумления от праведных отврати»²⁷⁶. Так как он несколько раз повторил эти слова с нарочитым подчеркиванием, то многие стали недоумевать, что такое стряслось с этим человеком, но он тотчас же пояснил: «От врат праведных гони. Разумеет же апостол врата жизни». Кое-кто засмеялся, но немало, однако, нашлось и таких, которым подобное толкование показалось вполне богословским.²⁷⁷ Другие заспорили; тогда выступил второй богослов, *грозный и страшный на вид*, писатель с непререкаемым авторитетом, и поддержал товарища: «Слушайте, – сказал он, – в Писании сказано: «А злодея того должно предать смерти»²⁷⁸. Всякий же еретик есть злодей. Следственно – и т.д.» Все изумились тонкой изобретательности этого человека и примкнули к его мнению. Никому и в голову не пришло, что закон этот относится только к гадальщикам, заклинателям и волхвам, которых евреи на языке своем называют *мехашефим*, а иначе пришлось бы карать смертью за блуд и пьянство.

Глава LXV. Дураки угодны Богу

Воистину глупо было бы приводить и далее подобные примеры, столь многочисленные, что не вместить их даже в книги Хрисипповы или Дидимовы.²⁷⁹ Я хотела лишь доказать, что ежели такие вольности дозволяются нашим божественным докторам, то тем более извинительно мне, *богослову липовому*, допустить в цитатах кое-какие неточности. Итак, возвращаюсь к Павлу: «Ибо вы, – говорит он, – люди разумные, охотно терпите неразумных»²⁸⁰. К последним причисляет он самого себя. И далее: «Примите меня, хотя как неразумного» и «Что скажу, то скажу не в госпде, а как бы в неразумии»²⁸¹. И в ином месте: «Мы, – говорит, – безумны Христа ради»²⁸². Слышали, как хвалит глупость такой неопровержимый автор? Он даже провозглашает ее вещью самонужнейшей и полезнейшей: «Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым»²⁸³. И у Луки Иисус называет «несмысленными» двух учеников, которых повстречал на дороге.²⁸⁴ Но еще удивительнее, что святой Павел в какой-то мере приписывает глупость самому богу: «Немудрое божие, – говорит он, – премудрее человеков»²⁸⁵. Согласно толкованию Оригена,²⁸⁶ «немудрое божие» не является таковым лишь во мнении людей. То же самое утверждает он и относительно следующего стиха: «Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть»²⁸⁷. Впрочем, чего ради мне мучиться, подбирая столько свидетельств, если в боговдохновенных псалмах сам Христос прямо говорит отцу: «Ты знаешь безумие мое»²⁸⁸.

Отнюдь не случайно дураки столь угодны богу. Я полагаю, что это объясняется теми же причинами, по которым люди чрезмерно благоразумные бывают подозрительны и ненавистны великим государям; Цезарь страшился Брута и Кассия, но не испытывал никакого страха перед забулдыгой Антонием,²⁸⁹ Нерон ненавидел Сенеку,²⁹⁰ Дионисий – Платона.²⁹¹ И, напротив,

²⁷⁶ «Послание к Титу», III, 10. Перевод не совсем точен. **МОИ 2015-11-09:** «Еретика, после первого и второго вразумления, отвращайся, зная, что таковой развратился и грешит, будучи самоосужден».

²⁷⁷ **МОИ 2015-11-12:** По этой редакции не понятно, в чем тут дело (по редакции Губера понятно, хотя он и вставил в перевод от себя пояснение). Слова Павла таковы: «*Hæreticum hominem post unam et alteram correptionem devita*». «*Devita*» (от *devitare*) означает «уклониться, предостерегаться»; теолог же толкует это как «*de vita*» – «из жизни (вон)».

²⁷⁸ «Второзаконие», XIII, 5.

²⁷⁹ Дидим – известный александрийский грамматик I в. до н.э., оставивший огромное количество трудов (по преданию – свыше 4000).

²⁸⁰ «Второе послание к Коринфянам», XI, 19.

²⁸¹ Там же, 16, 17.

²⁸² «Первое послание к Коринфянам», IV, 10.

²⁸³ Там же, III, 18.

²⁸⁴ «Евангелие от Луки», XXIV, 25.

²⁸⁵ «Первое послание к Коринфянам», I, 25.

²⁸⁶ Ориген Александрийский (185–254) – один из крупнейших богословских авторитетов раннего христианства.

²⁸⁷ «Первое послание к Коринфянам», I, 18.

²⁸⁸ «Псалтирь», XVIII, С.

²⁸⁹ Марк Антоний (83–30 до н.э.) – выдающийся римский полководец и государственный деятель. Среди ближайших соратников Юлия Цезаря Антоний отличался беспечностью и ненасытной жадной наслаждений.

монархи всегда жаловали людей невежественных и тупых. Так и Христос всегда осуждал *мудрецов*, кичащихся своим благоразумием. Об этом свидетельствует Павел, совершенно ясно говоря: «Но бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых»²⁹². И еще: «Благоугодно было богу юродством проповеди спасти верующих»²⁹³, тогда как спасти их при помощи мудрости он не мог. И сам господь недвусмысленно подтвердил это, возгласив устами пророка: «Погублю мудрость мудрецов и разум разумных отвергну»²⁹⁴. Христос восхваляет бога, скрывшего тайну спасения от мудрых и открывшего ее малым сим, иначе говоря – глупым, ибо в греческом подлиннике вместо «малых сих» стоит: *неразумные*, кои противопоставляются *мудрецам*. Подобным же образом надо толковать и то, что Христос в Евангелии повсюду обличает фарисеев, книжников и законников, но заботится и печется о невежественной толпе. Что иное означают слова: «Горе вам, книжники и фарисеи»²⁹⁵, если не «Горе вам, мудрые»? Всего больше любил он проводить время с детьми, женщинами и рыбаками. Да и среди бессловесных животных по душе Христу были те, которые всего далее от лисей хитрости: ему угодно было воссесть на осла, тогда как он мог, если бы пожелал, безнаказанно оседлать и львиную спину. Дух святой снизошел на него в виде голубя, а не орла или коршуна. В Священном писании часто упоминаются молодые олени и ягнята. Вспомните также, что своих верных, призванных к бессмертной жизни, Христос называет «овцами». А ведь каждому известно, что нет на земле существа глупее овцы; сошлюсь в том хотя бы на Аристотеля, который утверждает, что по причине бестолковости этого животного его именем называют людей глупых и тупоумных. И, однако, Христос провозгласил себя пастухом этого стада и даже радовался, когда его самого именовали агнцем. Указывая на него, Иоанн сказал: «Вот агнец божий»²⁹⁶. О том же многократно упоминается и в Апокалипсисе.

Не доказывает ли это, что все смертные – глупцы, в том числе – и благочестивейшие из смертных? Сам Христос, хотя в нем воплотилась мудрость отца, стал тем не менее некоторым образом глупым, дабы помочь глупости людей: усвоив человеческую природу, он и характером сделался подобен человеку. Равным образом стал он грешником, чтобы врачевать грех, и врачевал он его не чем иным, как юродством креста при помощи невежественных глупцов – апостолов. Последним он усердно проповедовал неразумие и предостерегал против мудрости, указуя им в виде примера на детей, лилии, горчичные зерна и маленьких птичек – то есть нечто глупое, чуждое здравого смысла, живущее по внушениям одной природы, без всяких забот и без всяких хитростей. Далее он не велел своим ученикам обдумывать речи, которые они будут держать перед властями и правителями, не позволял испытывать времена и сроки, очевидно для того, чтобы они ни в чем не полагались на собственное свое суждение, но единственно на него одного уповали всею душою. В том же смысле разуметь должно и то, что бог, сотворив мир, запретил вкушать от древа познания добра и зла, словно познание – смертельный яд для блаженства. Также и Павел открыто хулит знание, как вещь пагубную и ведущую к надменности. Я полагаю, что по его примеру св. Бернард назвал гору, на которой засел Люцифер, Горю Познания. Быть может, не следует упускать здесь из виду и следующего довода: Глупость до такой степени угодна всевышнему, что ради нее одной отпускаются все прегрешения, меж тем как ни один мудрец этого не достоин. Вот почему люди, хотя грешат с полным пониманием того, что делают, но, умоляя о прощении, ищут покровительства Глупости и пользуются ею как отговоркой. Так, Аарон, сколько помнится, в Книге Чисел, просит у Моисея помилования, говоря: «Господин мой, не поставь нам в грех, что мы поступили глупо и согрешили»²⁹⁷. Так и

²⁹⁰ Философ Сенека был воспитателем будущего императора Нерона (37–68 н.э.) и в первые годы его правления руководил своим воспитанником, но позже был отстранен от государственных дел. В 65 году Нерон, обвинив философа в участии в республиканском заговоре, заставил его покончить жизнь самоубийством.

²⁹¹ Надеясь подчинить своему влиянию сиракузских тиранов и создать в Сицилии идеальное государство, Платон трижды посетил Сиракузы (первый раз при тиране Дионисии Старшем, второй и третий – при его преемнике, Дионисии Младшем). Все эти попытки окончились неудачей. По преданию, после ссоры с Дионисием Старшим Платон был даже продан в рабство.

²⁹² «Первое послание к Коринфянам», I, 27.

²⁹³ Там же, 21.

²⁹⁴ «Первое послание к Коринфянам», I, 19, где Павел цитирует «Книгу пророка Исайн», XXIX, 14.

²⁹⁵ Это восклицание встречается во многих местах «Евангелий».

²⁹⁶ «Евангелие от Иоанна», I, 29 и 30.

²⁹⁷ «Числа», XII, 11.

Саул оправдывается перед Давидом: «Безумно поступал я и очень много погрешал»²⁹⁸. Да и сам Давид взывает к господу: «Ныне молю тебя, господи, прости грех раба твоего, ибо весьма неразумно поступил я»²⁹⁹. Он был уверен, что не получит отпущения, если не сошлется на глупость свою и неведение. Но вот еще более разительное подтверждение моей мысли. Когда Христос молился на кресте за своих врагов: «Отче, прости им», – он не нашел для них иного оправдания, кроме неразумия: «Ибо не ведают, – сказал, – что творят»³⁰⁰. Равным образом и Павел писал к Тимофею: «Помилован я богом, потому что так поступал по неведению, в неверии»³⁰¹. Но ведь «поступал по неведению» и значит: действовал по глупости, а не по злобе душевной. Апостол «помилован» лишь потому, что прибег к покровительству Глупости. В мою пользу свидетельствует и вдохновенный псалмопевец, о чем я позабыла упомянуть в надлежащем месте: «Грехов юности моей и преступлений неведения моего не вспоминай»³⁰². Заметьте, пожалуйста, что он ссылается на два смягчающих обстоятельства: на юность, чьей подрукою я всегда бываю, и на невежество. Обратите также внимание на то, что он говорит о преступлениях своего неведения во множественном числе, дабы мы тем лучше могли уразуметь всю великую силу Глупости.

Глава LXVI. Христианская вера сродни Глупости

Не зарываясь в бесчисленные подробности, скажу кратко, что христианская вера, по-видимому, сродни некоему виду глупости и с мудростью совершенно несовместна. Ежели хотите доказательств, то вспомните прежде всего, что ребята, женщины, старики и юродивые особенно любят церковные обряды и постоянно становятся всех ближе к алтарю, покорные велениям своей природы. Во-первых, позвольте спросить: кто такие были основатели христианства? Люди удивительно простодушные, жестокие враги всякой учености. Засим, среди глупцов всякого рода наиболее безумными кажутся те, кого воодушевляет христианское благочестие. Они расточают свое имение, не обращают внимания на обиды, позволяют себя обманывать, не знают различия между друзьями и врагами, в ужасе бегут от наслаждений, предаются постам, бдениям, трудам, презируют жизнь и стремятся единственно к смерти, коротко говоря, – во всем действуют наперекор здравому смыслу, словно душа их обитает не в теле, но где-то в ином месте. Что ж это такое, если не помешательство? Удивляться ли после того, что апостолов принимали порою за пьяных и что Павел показался безумным судье Фесту.³⁰³ Но поскольку я уж начала рассуждать, то продолжу и докажу вам, что блаженство, которого христиане стараются достигнуть ценою стольких мучений и трудов, есть не иное что, как некая разновидность безумия. Не гневайтесь на мои слова и лучше постарайтесь уразуметь их.

Во-первых, христиане согласны с учениками Платона в том, что душа человеческая скована цепями тела, увязла в нем, словно в грязи, и именно поэтому не способна постигнуть истину и насладиться ею. Сам Платон определил философию как размышление о смерти, ибо подобно этой последней философия поднимает душу над видимыми, телесными вещами. Мы привыкли называть человека здоровым, пока душа его должным образом пользуется телесными органами; когда же, порвав свои путы, она пытается обрести свободу и словно замышляет побег из темницы, то мы называем такое состояние помешательством. Если означенные явления вызваны болезнью либо повреждением внутренних органов, никто не усомнится в том, что это безумие. И, однако, мы видим, что люди, охваченные подобным безумием, предсказывают будущее, знают чужеземные языки и науки, которых никогда прежде не изучали, и вообще представляются во многих отношениях существами как бы божественными. Всё это, без сомнения, приходится объяснять тем, что душа, частично освобожденная от власти тела, проявляет свою природную силу. Здесь же, как я полагаю, таится и причина того, что умирающие, как бы вдохновенные божественным дуновением, изрекают порой поразительные вещи. Если благочестие и не вполне совпадает с вышеописанной разновидностью безумия, то всё же столь близко с нею соприкасается, что большинство людей почитает набожность простым

²⁹⁸ «Первая книга Царств», XXVI, 21.

²⁹⁹ «Вторая книга Царств», XXIV, 10.

³⁰⁰ «Евангелие от Луки», XXIII, 34.

³⁰¹ «Первое послание к Тимофею», I, 13.

³⁰² «Псалтирь», XXIV, 7. В русском синодальном переводе: «Грехов юности моей и преступлений моих не вспоминай».

³⁰³ В ответ на защитительную речь апостола Павла римский наместник Фест сказал ему: «Безумствуешь ты, Павел. Большая ученость доводят тебя до сумасшествия» («Деяния апостолов», XXVI, 24).

помешательством, особенно когда видит тех немногих, которые всей своей жизнью столь резко отличаются от прочих смертных. Сходным образом в известной аллегории Платона люди, сидящие скованными в пещере, созерцают только тени и подобия вещей. Один из узников выбегает наружу, видит самые вещи и, воротившись обратно в пещеру, начинает убеждать остальных, что они заблуждаются и ничего не знают, кроме теней. Мудрец скорбит об их безумии, ибо они упорно держатся за свою ошибку, а они в свой черед издеваются над ним, как над помешанным, и изгоняют его. Вот точно так же люди, занятые одними телесными вещами, склонны думать, что ничего другого не существует. Напротив, благочестивые праведники презирают всё, имеющее отношение к телу, и стремятся лишь к созерцанию невидимого мира. Первые больше всего помышляют о собирании богатств, затем – об удовлетворении своих телесных нужд и лишь в самую последнюю очередь – о своей душе, если только вообще допускают ее существование, веря лишь в то, что доступно глазу. Вторые поступают как раз наоборот: прежде всего думают о боге, субстанции простейшей и неизменной, затем помышляют о своей душе, которая всего ближе к божеству, но не желают заботиться о теле, презирают деньги, словно мякину, и, едва завидев их, обращаются в бегство. Если иногда, по необходимости, им приходится заниматься житейскими делами, они едва справляются с отвращением, относясь к своей собственности так, точно она не принадлежит им вовсе. Даже в малых вещах разительно сказывается различие между людьми, живущими по уставам мира сего, и благочестивыми праведниками.

Хотя все чувственные способности зависят от тела, есть между ними такие, которые кажутся грубее других. Таковы осязание, слух, зрение, обоняние, вкус. Другие – гораздо более независимы, например, память, рассудок, воля. Праведники, со всею силою души устремляясь к тому, что не имеет ничего общего с внешним миром, становятся тупыми и бесчувственными к телесным впечатлениям. И, напротив, заурядные люди наибольшее значение придают внешним чувствам и наименьшее – внутренним. Этим объясняется, между прочим, и то, что многие святые мужи, случалось, пили вместо вина масло.³⁰⁴ Среди страстей и душевных чувствований есть также такие, которые кажутся особенно телесными, как, например, плотское вожделение, голод, сонливость, гнев, гордость, зависть. Праведники ведут с ними непримиримую войну, а толпа уверена, что без них и прожить невозможно. Кроме того, существуют страсти, так сказать, нейтральные, словно бы естественные; таковы любовь к отечеству, нежность к детям, к родителям, к друзьям. Толпа платит всему этому немалую дань, но праведники всячески стараются изгнать из своей души все названные склонности или по крайней мере сообщают им духовный характер, так что даже отца своего любят уже не как отца (ибо что он породил на свет, кроме тела? да и тем обязан не себе самому, а богу-творцу), но как славного мужа, в коем отраженно сияет образ верховного разума, называемого ими верховным благом. Вне этого блага они не знают ничего, достойного любви и стремлений.

Этим правилом руководствуются люди благочестивые и во всех прочих житейских делах: ежели они не совсем презирают какую-либо видимую вещь, то всё же ценят ее гораздо ниже того, что недоступно оку. Они различают плоть и дух даже в таинствах и в других церковных обрядах. Так, они не верят, в отличие от большинства людей, будто пост состоит только в воздержании от мяса и отказа от вечерней трапезы, но проповедуют пост духовный, заключающийся в умерщвлении страстей, подавлении гнева и гордости, дабы дух, не удручаемый бременем плоти, мог с тем большей силой устремиться к познанию небесных благ. Так же мыслят они и об евхаристии: если обрядом причастия, говорят они, и не следует пренебрегать, то всё же он не столь спасителен, как это обычно полагают. Он даже может сделаться вредным, если в нем не будет духа, то есть воспоминания о тех событиях, кои изображаются при помощи чувственных знамений. Знамения же напоминают нам о смерти Иисуса Христа, и христиане обязаны подражать этой смерти, укрощая, подавляя и словно погребая свои страсти, дабы воскреснуть для новой жизни и соединиться со Христом Иисусом, соединяясь в то же время друг с другом. Такова жизнь, таковы постоянные помышления праведников. Напротив, толпа не видит в богослужении ничего, кроме обязанности становиться поближе к алтарю, прислушиваться к гудению голосов и глазеть на обряды.

Не только в указанных мной для примера случаях, но и во всех обстоятельствах жизни убегает праведник от всего, что связано с телом, и стремится к вечному, невидимому и духов-

³⁰⁴ Намек на рассказ о том, как св. Бернад, будучи погружен в размышления, выпил по рассеянности вместо вина масло.

ному. И так как отсюда рождаются постоянные несогласия между ним и остальными людьми, он упрекает их в безумии, а они отвечают ему тем же. Я же полагаю, что название безумца больше подходит праведникам, нежели толпе.

Глава LXVII. Высшей наградой для людей является своего рода безумие

Дабы это стало еще очевиднее, я, согласно моему обещанию, в немногих словах докажу, что награда, обещанная праведникам, есть не что иное, как своего рода помешательство. Еще Платон имел в виду нечто подобное, когда написал, что «неистовство дарует влюбленным наивысшее блаженство»³⁰⁵. В самом деле, кто страстно любит другого, тот живет уже не в себе, но в любимом предмете и, чем более он от себя удаляется, дабы прилепиться душою к этому предмету, тем более ликует. Но когда душа словно бы покинула тело и уже не в силах управлять телесными членами, то как прикажете назвать такое состояние, если не исступлением? Это подтверждают и общераспространенные поговорки: «Он вне себя», «Он вышел из себя», «Он пришел в себя». Далее, чем совершеннее любовь, тем сильнее неистовство и тем оно блаженнее. А теперь задумаемся, какова та небесная жизнь, к которой с такими усилиями стремятся благочестивые сердца? Их дух, мощный и победоносный, должен поглотить тело. Ему тем легче будет совершить это, что тело, очищенное и ослабленное всей предыдущей жизнью, уже подготовлено к подобному превращению. А затем и самый дух этот будет поглощен бесконечно более могущественным верховным разумом, и тогда человек, оказавшись всецело вне себя, ощутит несказуемое блаженство и приобщится к верховному благу, всё в себя вобравшему. Хотя блаженство это может стать совершенным лишь в миг, когда усопшие души, соединившись с прежними своими телами, получают бессмертие, однако, поскольку жизнь праведников есть лишь тень вечной жизни и непрестанное размышление о ней, им позволено бывает заранее отвесть обещанной награды и ощутить ее благоухание. И одна эта малая капля из источника вечного блаженства превосходит все телесные наслаждения в их совокупности, все утехи, доступные смертным. Вот в какой мере духовное превосходит телесное, а невидимое возвышается над видимым! Именно об этом вещал пророк, говоря: «Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил бог любящим его»³⁰⁶. Такова эта частица Мории, которая не отъемлется при разлучении с жизнью, но, напротив, безмерно возрастает. Эта малая капля трижды блаженной Глупости достается на земле лишь немногим. Они уподобляются безумцам, говорят несвязно, не обычными человеческими словами, но издавая звуки, лишённые смысла, и строят какие-то удивительные гримасы. Они то веселы, то печальны, то льют слезы, то смеются, то вздыхают и вообще постоянно пребывают вне себя. Очнувшись, они говорят, что сами не знают, где были – в теле своем или вне тела, бодрствовали или спали; они не помнят, что слышали, что видели, что говорили, что делали, всё случившееся представляется им как бы в дымке тумана или сновидения. Одно они знают твердо: беспамятствуя и безумствуя, они были счастливы. Поэтому они скорбят о том, что снова образумились, и ничего другого не желают, как вечно страдать подобного рода сумасшествием. Таково скудное предвкушение вечного блаженства.

Глава LXVIII. Эпилог

Впрочем, мне уже давно пора кончать: я позабыла всякую меру и границу. Ежели сказала я что-нибудь слишком, на ваш взгляд, дерзновенное, то вспомните, что это сказано Глупостью и вдобавок женщиной. Не забывайте также греческой пословицы: «Часто глупец в неразумии метким обмолвится словом». Не знаю, впрочем, как по-вашему: относится это к женщинам или нет? Вижу, что вы ждете от меня заключения. Но, право же, вы обнаруживаете крайнее недомыслие, если думаете, что я помню всю ту мешанину слов, которую рассыпала перед вами. Прежде говорили: «Ненавижу памятливого сотрапезника». Я же скажу: «Ненавижу памятливого слушателя». А посему будьте здоровы, рукоплещите, живите, пейте, достославные сопричастники тайнств Мории.

Конец!

³⁰⁵ Платон, «Федр», р. 245В.

³⁰⁶ «Первое послание к Коринфянам», II, 9, где Павел цитирует «Книгу пророка Исая», LXIV, 4.

Пинский Л.Е. Эразм и его «Похвала Глупости»

I

Для современного читателя знаменитый нидерландский гуманист Эразм Роттердамский (1469–1536) фактически «писатель одной книги» – бессмертного «Похвального слова Глупости». Даже его «Домашние беседы», любимое чтение многих поколений, потускнели с ходом времени, потеряли свою былую остроту. Десять томов собрания сочинений Эразма, выпущенные еще в начале XVIII века, больше не переиздаются, и к ним обращаются только специалисты, изучающие культуру Возрождения и движение гуманизма, во главе которого стоял автор «Похвалы Глупости». Эразм Роттердамский – более знаменитый, чем известный писатель.

Но такими же «авторами одной книги» остались для потомства и другие великие современники Эразма: корифей английского гуманизма Томас Мор и французского – Франсуа Рабле. Время – лучший критик – не ошиблось в своем отборе. Причина такого рода литературной судьбы – в особом характере мысли гуманистов Возрождения. Им присуще живое чувство глубокой взаимосвязи различных сторон жизненного процесса, та цельность взгляда на мир, при которой мысль не может ограничиться одним уголком действительности, одной ее стороной, но стремится дать картину всего общества, разрастаясь в своего рода энциклопедию жизни. Отсюда «универсальный» жанр «Неистового Роланда» Ариосто, «Гаргантюа и Пантагрюэля» Рабле, «Дон-Кихота» Сервантеса, «Утопии» Мора, а также «Похвального слова» Эразма. Мы называем эти произведения поэмой, романом или сатирой, хотя каждое из них слишком синтетично по характеру и само образует свой особый жанр. Форма здесь часто условна, фантастична или гротескна, на ней сказывается стремление выразить всё, передать весь опыт времени в индивидуальном преломлении автора. Такое произведение, одновременно эпохальное и глубоко индивидуальное, как бы конденсирует в себе одно творчество писателя во всем его своеобразии и, сливаясь с именем творца, заслоняет для потомства всё остальное его наследие.

Но для современников Эразма каждое его произведение было большим событием в культурной жизни Европы. Современники прежде всего ценили его, как ревностного популяризатора античной мысли, распространителя новых «гуманитарных» знаний. Его «Adagia» («Поговорки»), собрание античных поговорок и крылатых слов, с которым он выступил в 1500 году, имело огромный успех. По замечанию одного гуманиста, Эразм в них «разболтал тайну мистерий» эрудитов и ввел античную мудрость в обиход широких кругов «непосвященных». В остроумных комментариях к каждому изречению или выражению (напоминающих позднейшие знаменитые «Опыты» Ш. Монтеня), где Эразм указывает те случаи жизни, когда его уместно применять, уже сказывались ирония и сатирический дар будущего автора «Похвального слова». Уже здесь Эразм, примыкая к итальянским гуманистам XV века, противопоставляет выдохшейся средневековой схоластике живую и свободную античную мысль, ее пылкий независимый дух. Сюда же примыкают его «Aprophthegmata» («Краткие изречения»), его работы по стилистике, поэтике, его многочисленные переводы греческих писателей на латынь – международный литературный язык тогдашнего общества. Эразм отстаивал широкое светское образование – и не только для мужчин, но и для женщин, он требовал реформы школьного обучения.

Его политическая мысль, воспитанная на традициях античного свободолюбия, проникнута отвращением ко всяким формам тирании, и в этом отвращении легко узнается Эразм из Роттердама, питомец городской культуры. «Христианский государь» Эразма появился в том же 1516 году, что и «Утопия» Т. Мора, и через два года после того, как Макиавелли закончил своего «Князя». Это три основных памятника социально-политической мысли эпохи, однако весь дух трактата Эразма прямо противоположен концепции Макиавелли. Эразм требует от своего государя, чтобы он правил не как самовольный хозяин, а как слуга народа, и рассчитывал на любовь, а не на страх, ибо страх перед наказанием не уменьшает числа преступлений. Воли монарха не достаточно, чтобы закон стал законом. В век нескончаемых войн Эразм, возведенный в ранг «советника империи» Карлом V (для которого он и написал своего «Христианского Государя»), не устает бороться за мир между государствами Европы. Его антивоенная «Жалоба

Мира» была в свое время запрещена Сорбонной, но в наши годы появилась в новых переводах на французский и английский язык.

В XVI–XVIII веках читатели особенно ценили также религиозно-этический трактат Эразма «Руководство христианскому воину» (1504). Здесь, как и в ряде других произведений, посвященных вопросам нравственности и веры, Эразм борется за «евангельскую чистоту» первоначального христианства, против культа обрядов, против языческого поклонения святым, против формализма ритуала, против «внешнего христианства» – всего того, что составляло основу могущества католической церкви. Признавая существенным для христианства лишь «дух веры», а не церемонию обряда, Эразм вступает в противоречие с ортодоксальной теологией. Богословские работы Эразма вызывали самые страстные и ожесточенные споры и давали противникам немало поводов обвинять его во всех ересьях.

Главным трудом своей жизни Эразм считал исправленное издание греческого текста Нового завета (1516) и его новый латинский перевод. Этим тщательным филологическим трудом, в котором текст священного писания освобожден от вкрапившихся на протяжении веков ошибок и произвольных толкований, Эразм нанес удар авторитету церкви и принятого ею канонического латинского текста Библии (так называемой «Вульгаты»). Еще существеннее то, что в комментариях к своему переводу и в так называемых «парафразах» (толкованиях) книг священного писания, применяя научные методы исторической критики (связь Библии с древнееврейскими нравами) и прямую интерпретацию (вместо аллегорической или казуистической, характерной для средневековых схоластов), подвергая сомнению аутентичность отдельных книг и выражений и обнажая противоречия в священном тексте, Эразм подготавливал почву для позднейшей рационалистической критики Библии.

Отвергая авторитеты позднесредневековой схоластики, он неустанно издавал труды первых отцов церкви. Отредактировать и издать девять томов сочинений св. Иеронима стоило Эразму, по его собственному замечанию, больше труда, чем автору их написать. Это обращение к первоисточникам было формой движения вперед, так как множило в умах сомнения в беспорности установленных церковью догм, относительно которых, как оказывалось, во многом расходились и сами отцы церкви. Но тем самым Эразм обосновывал принцип широкой терпимости в вопросах веры, которые – за исключением немногих самых общих положений – должны были, по его мнению, стать частным делом каждого верующего, делом его свободной совести и разума. Призывая своих последователей переводить Библию на новые языки и оставляя за каждым верующим право разобраться в священном писании как единственном источнике веры, Эразм открывал доступ в святая святых богословия всякому христианину, а не только первосвященникам теологии.

Но это было подкопом под устои единой и монолитной церкви. «Очищенная» от языческого «внешнего христианства», обоснованная филологическим анализом, новая теология объективно расчищала путь деизму и вела к отказу от всякой догматики. Не удивительно, что в «эразмизме», осужденном церковью уже в XVI веке, католические и протестантские теологи находили и арианскую ересь (отрицание божественности Христа) и пелагианство (сомнение в спасении верой, в исключительной роли благодати). И хотя сам Эразм вполне искренне отстаивал свою ортодоксальность, его убеждение в бесплодности изощренных словопрений, его равнодушие к неразрешимым противоречиям в вопросе о триединстве, пресуществлении и т.д., к спорам о спасении верой или добрыми делами, его ирония по адресу всяких окончательных и общеобязательных суждений – всё это сеяло скепсис и подрывало основы церкви и христианства в целом.

Влияние Эразма на современников было огромным. Его иногда сравнивают с влиянием Вольтера в XVIII веке. Лучше всех других гуманистов Эразм оценил могучую силу книгопечатания, и его деятельность неразрывно связана с такими известными типографами XVI века, как Альд Мануций, Фробен, Бадий. С помощью печатного станка – «почти божественного инструмента», как его называл Эразм, – он выпускал в свет одно произведение за другим и руководил, благодаря живым связям с гуманистами всех стран (о чем свидетельствуют одиннадцать томов его переписки), некоей «республикой гуманитарных наук», подобно тому, как в XVIII веке Вольтер возглавил просветительское движение. Десятки тысяч экземпляров книг Эразма были его оружием в борьбе с целой армией монахов и теологов, неустанно против него проповедовавших и отправлявших на костер его последователей.

Всей своей деятельностью, в особенности начиная с 1511 года, когда появляется «Похвальное слово Глупости», Эразм способствовал тому, что в его время «духовная диктатура

церкви была сломлена»³⁰⁷. В XVI веке это сказалось прежде всего в возникновении протестантской церкви. Поэтому, когда в Германии вспыхнула реформация (1517), ее сторонники были уверены, что Эразм выступит в ее защиту и своим всеевропейским авторитетом укрепит реформаторское движение.

Несколько лет Эразм уклонялся от прямого ответа на этот волновавший всех современников вопрос. Но, наконец (1524), решительно разошелся с Лютером, заняв в религиозных распрях нейтральную позицию, которую сохранил до конца дней. За это он навлекает на себя обвинение в измене делу веры и насмешки как со стороны католиков, так и протестантов. В позиции Эразма впоследствии усматривали только нерешительность и недостаток смелости. Несомненно, личные качества Эразма, на которые наложили отпечаток условия его рождения и обстоятельства жизни,³⁰⁸ сыграли здесь известную роль. Но так же несомненно, что идеалы Эразма и Лютера – последний во многом остался до конца питомцем схоластического богословия – были слишком различны даже в вопросах реформы церкви, а тем более в общих вопросах нравственности и понимания жизни.

Об этом свидетельствует уже «Похвала Глупости», где свободная мысль гуманизма выходит далеко за пределы узкой тенденции протестантизма.

II

Со слов самого Эразма мы знаем, как возникла у него идея «Похвалы Глупости».

Летом 1509 года он покинул Италию, где провел три года, и направился в Англию, куда его приглашали друзья, так как им казалось, что в связи с восшествием на престол короля Генриха VIII открываются широкие перспективы для расцвета наук.

Эразму уже исполнилось сорок лет. Два издания его «Поговорок», трактат «Руководство христианскому воину», переводы древних трагедий доставили ему европейскую известность, но его материальное положение оставалось по-прежнему шатким (пенсии, которые он получал от двух меценатов, выплачивались крайне нерегулярно). Однако скитания по городам Фландрии, Франции и Англии и в особенности годы пребывания в Италии расширили его кругозор и освободили от педантизма кабинетной учености, присущего раннему германскому гуманизму. Он не только изучил рукописи богатых итальянских книгохранилищ, но и увидел жалкую изнанку пышной культуры Италии начала XVI века. Гуманисту Эразму приходилось то и дело менять свое местопребывание, спасаясь от междоусобиц, раздиравших Италию, от соперничества городов и тиранов, от войн папы с вторгшимися в Италию французами. В Болонье, например, он был свидетелем того, как воинственный папа Юлий II, в военных доспехах, сопровождаемый кардиналами, въезжал в город после победы над противником через брешь в стене (подражая римским цезарям), и это зрелище, столь неподобающее сану наместника Христа, вызвало у Эразма скорбь и отвращение. Впоследствии он недвусмысленно зафиксировал эту сцену в своей «Похвале Глупости» в конце главы о верховных первосвященниках.

Впечатления от пестрой ярмарки «повседневной жизни смертных», где Эразму приходилось выступать в роли наблюдателя и «смеющегося» философа Демокрита, теснились в его душе на пути в Англию, чередуясь с картинами близкой встречи с друзьями – Т. Мором, Фишером и Колетом. Эразм вспоминал свою первую поездку в Англию, за двенадцать лет перед этим научные споры, беседы об античных писателях и шутки, которые так любил его друг Т. Мор.

Так возник необычайный замысел этого произведения, где непосредственные жизненные наблюдения как бы пропущены через призму античных реминисценций. Чувствуется, что госпожа Глупость, произносящая автопанегирик, уже читала «Поговорки», вышедшие за год до этого новым расширенным изданием в знаменитой типографии Альда Мануция в Венеции.

В доме Мора, где Эразм остановился по приезде в Англию, за несколько дней, почти как импровизация, было написано это вдохновенное произведение. «Мория, – по выражению одного нидерландского критика, – родилась подобно ее мудрой сестре Минерве-Палладе»: она вышла во всеоружии из головы своего отца.

Как и во всей гуманистической мысли и во всем искусстве Эпохи Возрождения – той ступени развития европейского общества, которая отмечена влиянием античности – в «Похвале

³⁰⁷ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XIV, М.–Л. 1931, стр. 476.

³⁰⁸ Эразм был незаконнорожденным сыном бюргера. Пятно «бастарда», положение почти беглого монаха и скитания по чужим странам в известной мере определили его дипломатическую осторожность.

Глупости» встречаются и органически сливаются две традиции, – и это видно уже в самом названии книги.

С одной стороны, сатира написана в форме «похвального слова», которую культивировали античные писатели. Гуманисты возродили эту форму и находили ей довольно разнообразное применение. Иногда их толкала к этому зависимость от меценатов, и сам Эразм не без отвращения, как он признается, написал в 1504 г. такой панегирик Филиппу Красивому, отцу будущего императора Карла V. В то же время, еще в древности искусственность этих льстивых упражнений риторики – «нарумяненной девки», как называл ее Лукиан, – породила жанр пародийного похвального слова, образец которого оставил нам, например, тот же Лукиан («Похвальное слово мухе»). К жанру иронического панегирика (наподобие известной в свое время «Похвалы Подагре» нюрнбергского друга Эразма В. Пиркгеймера) внешне примыкает и «Похвальное слово Глупости».

Но гораздо более существенно влияние Лукиана на универсально критический дух этого произведения. Лукиан был самым любимым писателем гуманистов, и Эразм, его почитатель, переводчик и издатель, не случайно заслужил у современников репутацию нового Лукиана, что означало для одних остроумного врага предрассудков, для других – опасного безбожника. Эта слава закрепилась за ним после опубликования «Похвального слова».

С другой стороны, тема Глупости, царящей над миром, – не случайный предмет восхваления, как обычно бывает в шуточных панегириках. Сквозной линией проходит эта тема через поэзию, искусство и народный театр XV–XVI века. Любимое зрелище позднесредневекового и ренессансного города – это карнавальные «шествия дураков», «беззаботных ребят» во главе с Князем Дураков, Папой-Дураком и Дурацкой Матерью, процессии ряженных, изображавших Государство, Церковь, Науку, Правосудие, Семью. Девиз этих игр – «Число глупцов неисчислимо». Во французских «соти» («дурачествах»), голландских фарсах или немецких «фастнахтшпилях» (масленичных играх) царила богиня Глупость: глупец и его собрат шарлатан представляли, в различных облициях, всё разнообразие жизненных положений и состояний. Весь мир «ломал дурака». Эта же тема проходит и через литературу. В 1494 году вышла поэма «Корабль Дураков» немецкого писателя Себастьяна Брандта – замечательная сатира, имевшая громадный успех и переведенная на ряд языков (в латинском переводе 1505 г. за 4 года до создания «Похвального слова Глупости» ее мог читать Эразм). Эта коллекция свыше ста видов глупости своей энциклопедической формой напоминает произведение Эразма. Но сатира Брандта – еще полусредневековое, чисто дидактическое произведение. Намного ближе к «Похвальному слову» тон свободной от морализации жизнерадостной народной книги «Тиль Эйленшпигель» (1500). Ее герой под видом дурачка, буквально исполняющего всё, что ему говорят, проходит через все сословия, через все социальные круги, насмехаясь над всеми слоями современного общества. Эта книга уже знаменует рождение нового мира. Мнимая глупость Тиля Эйленшпигеля только обнажает Глупость, царящую над жизнью, – патриархальную ограниченность и отсталость сословного и цехового строя. Узкие рамки этой жизни стали тесны для лукавого и жизнерадостного героя народной книги.

Гуманистическая мысль, провожая уходящий мир и оценивая рождающийся новый, в самых живых и великих своих созданиях часто близко стоит к этой «дурачающей» литературе – и не только в германских странах, но и во всей Западной Европе. В великом романе Рабле мудрость одета в шутовской наряд. По совету шута Трибуле пантагрюэлисты отправляются за разрешением всех своих сомнений к оракулу Божественной Бутылки, ибо, как говорит Пантагрюэль, часто «иной дурак и умного научит». Мудрость трагедии «Король Лир» выражает шут, а сам герой прозревает лишь тогда, когда впадает в безумие. В романе Сервантеса идеалы старого общества и мудрость гуманизма причудливо переплетаются в голове полубезумного идальго.

Конечно, то, что разум вынужден выступать под шутовским колпаком с бубенчиками, – отчасти дань сословно-иерархическому обществу, где критическая мысль должна надеть маску шутки, чтобы «истину царям с улыбкой говорить». Но эта форма мудрости имеет вместе с тем глубокие корни в конкретной исторической почве переходной эпохи.

Для народного сознания периода величайшего прогрессивного переворота, пережитого до того человечеством, не только многовековая мудрость прошлого теряет свой авторитет, поворачиваясь «глупой» своей стороной, но и складывающаяся буржуазная культура еще не успела стать привычной и естественной. Откровенный цинизм внеэкономического принуждения эпохи первоначального накопления (вспомним близкую во многих отношениях «Похвальному

слову Глупости» «Утопию» друга Эразма Т. Мора, опубликованную через пять лет после «Похвального слова»³⁰⁹, разложение естественных связей между людьми представляется народному сознанию, как и гуманистам, тем же царством «неразумия». Глупость царит над прошлым и будущим. Современная жизнь – их стык – настоящая ярмарка дураков. Но и природа и разум также должны, – если хотят, чтоб их голос был услышан, – натянуть на себя шутовскую маску. Так возникает тема «глупости, царящей над миром». Она означает для эпохи Возрождения здоровое недоверие ко всяким отживающим устоям и догмам, насмешку над всяким претенциозным доктринерством и косностью, как залог свободного развития человека и общества.

В центре этой «дуррачающей литературы» как ее наиболее значительное произведение в лукиановской форме стоит книга Эразма. Не только содержанием, но и манерой освещения она передает колорит своего времени и его угол зрения на жизнь.

III

Композиция «Похвалы Глупости» отличается внутренней стройностью, несмотря на некоторые отступления и повторения, которые разрешает себе Мория, выкладывая в непринужденной импровизации, как и подобает Глупости, то, «что в голову взбрело». Книга открывается большим вступлением, где Глупость сообщает тему своей речи и представляется аудитории. За этим следует первая часть, доказывающая «общечеловеческую», универсальную власть Глупости, коренящуюся в самой основе жизни и в природе человека. Вторую часть составляет описание различных видов и форм Глупости – ее дифференциация в обществе от низших слоев народа до высших кругов знати. За этими основными частями, где дана картина жизни, как она есть, следует заключительная часть, где идеал блаженства – жизнь, какою она должна быть, – оказывается тоже высшей формой безумия вездесущей Мории.³¹⁰

Для новейшего читателя, отделенного от аудитории Эразма веками, наиболее живой интерес представляет, вероятно, первая часть «Похвального слова», покоряющая неувядаемой свежестью парадоксально заостренной мысли и богатством едва уловимых оттенков. Глупость неопровержимо доказывает свою власть над всей жизнью и всеми ее благами. Все возрасты и все чувства, все формы связей между людьми и всякая достойная деятельность обязаны ей своим существованием и своими радостями. Она – основа всякого процветания и счастья. Что это – в шутку или всерьез? Невинная игра ума для развлечения друзей или пессимистическое «опровержение веры в разум»? Если это шутка, то она, как сказал бы Фальстаф, зашла слишком далеко, чтобы быть забавной. С другой стороны, весь облик Эразма не только как писателя, но и как человека – общительного, снисходительного к людским слабостям, хорошего друга и остроумного собеседника, человека, которому ничто человеческое не было чуждо, любителя хорошо поесть и тонкого ценителя книги, – весь облик этого гуманиста, во многом как бы

³⁰⁹ Современники чувствовали идейную и стилевую связь «Утопии» с «Похвальным словом Глупости», и многие склонны были даже приписывать авторство критической первой части «Утопии», где разоблачена «глупость» нового порядка вещей, Эразму. Литературными своими корнями гуманистическое произведение Мора восходит, как известно, также к античности, но не к Лукиану, а к диалогам Платона и к коммунистическим идеям его «Государства». Но всем своим содержанием «Утопия» связана с современностью – социальными противоречиями аграрного переворота в Англии. Более разительно сходство основной мысли: и здесь и там своего рода «мудрость наизнанку», сравнительно с господствующими представлениями. Всеобщее благоденствие и счастье разумного строя в «Утопии» достигается не благоразумным накоплением богатства, а отменой частной собственности, – это звучало не меньшим парадоксом, чем речь Мории. Известно, что Эразм принимал участие в первых изданиях «Утопии», которую он снабдил предисловием.

³¹⁰ В первоначальном тексте «Похвального слова» нет никаких подразделений: принятое деление на главы не принадлежит Эразму и появляется впервые в издании 1765 года. **МОИ 2015-11-15:** В русском издании 1931 года главы имеют нумерацию и большинство из них также названия (но не все: из 68 глав 9 названий не имеют и объединены в Оглавлении с другими главами). В издании 1960 года главы в тексте имеют только номера, без названий, но в Оглавлении в скобках повторены названия 1931 года. Некоторые главы в обоих изданиях названы вообще неправильно: о том, что декларируется в названии главы, на самом деле говорится в соседней главе. Эта непоследовательность (и даже ошибочность) в именовании глав, а также характер «названий» заставляет думать, что это на самом деле никакие не названия глав, а маргиналии (пометки на полях, боковики) какого-то латинского издания. Я в своем издании в основном сохранила названия глав издания 1931 года, но ошибочные исправила, а недостающие добавила от себя.

прототипа Пантагрюэля Рабле,³¹¹ исключает безрадостный взгляд на жизнь, как на сцепление глупостей, где мудрецу остается только, по примеру Тимона, бежать в пустыню (гл. XXV).

Сам автор (в предисловии и в позднейших письмах) дает на этот вопрос противоречивый и уклончивый ответ, считая, очевидно, что *sapienti sat* – «мудрому достаточно» и читатель сам в состоянии разобраться. Но если кардиналы забавлялись «Похвальным словом», как шутовской выходкой, а папа Лев X с удовольствием отмечал: «Я рад, что наш Эразм тоже иногда умеет дурачиться», то некоторые схоласты сочли нужным выступить «в защиту» разума, доказывая, что раз бог создал все науки, то «Эразм, приписывая эту честь Глупости, кощунствует». (В ответ Эразм иронически посвятил этому «защитнику разума», некоему Ле Куртурье, две апологии). Даже среди друзей кое-кто советовал Эразму для ясности написать «палинодию» (защиту противоположного тезиса), что-нибудь вроде «Похвалы Разуму» или «Похвалы Благодати»... Не было недостатка, разумеется, и в читателях вроде Т. Мора, оценивших юмор мысли Эразма. Любопытно, что и новейшая буржуазная критика на Западе стоит перед той же дилеммой, но – в соответствии с реакционными тенденциями истолкования культуры гуманизма и Возрождения, характерными для модернистских работ – «Похвала Глупости» всё чаще интерпретируется в духе христианской мистики и прославления иррационализма.

Однако заметим, что эта дилемма никогда не существовала для непредубежденного читателя, который всегда видел в произведении Эразма под лукавой пародийной формой защиту жизнерадостного свободомыслия, направленную против невежества во славу человека и его разума. Именно поэтому «Похвальное слово Глупости» и не нуждалось в дополнительной «палинодии» типа «Похвалы Разуму».³¹²

Через всю первую «философскую» часть речи проходит сатирический образ «мудреца», и черты этого антипода Глупости оттеняют основную мысль Эразма. Отталкивающая и дикая внешность, волосатая кожа, дремучая борода, облик преждевременной старости (гл. XVII). Строгий, глазастый, на пороки друзей зоркий, в дружбе пасмурный, неприятный (гл. XIX). На пиру угрюмо молчит и всех смущает неуместными вопросами. Одним своим видом портит публике всякое удовольствие. Если вмешается в разговор, напугает собеседника не хуже, чем волк. Если надо что-либо купить или сделать – это тупой чурбан, ибо он не знает обычаев. В разладе с жизнью рождается у него ненависть ко всему окружающему (гл. XXV). Враг всяких природных чувствований, некое мраморное подобие человека, лишённое всех людских свойств. Не то чудовище, не то привидение, не знающее ни любви, ни жалости, подобно холодному камню. От него якобы ничто не ускользает, он никогда не заблуждается, всё тщательно взвешивает, всё знает, всегда собой доволен; один он свободен, он – всё, но лишь в собственных помышлениях. Всё, что случается в жизни, он порицает, во всем усматривая безумие. Не печалится о друге, ибо сам никому не друг. Вот он каков, этот совершенный мудрец! Кто не предпочтет ему последнего дурака из простонародья (гл. XXX) и т.д.

Это законченный образ схоласта, средневекового кабинетного ученого, заgrimированный – согласно литературной традиции этой речи – под античного мудреца-стоика. Это рассудочный педант, ригорист и аскет, принципиальный враг человеческой природы. Но с точки зрения живой жизни его книжная обветшала мудрость – скорее абсолютная глупость.

Всё многообразие конкретных человеческих интересов никак не сведешь к одному только знанию, а тем более к отвлеченному, оторванному от жизни книжному знанию. Страсти, желания, поступки, стремления, прежде всего стремление к счастью, как основа жизни, более первичны, чем рассудок, и если рассудок противопоставляет себя жизни, то его формальный антипод – глупость – совпадает со всяким началом жизни. Эразмова Мория есть поэтому сама жизнь. Она синоним подлинной мудрости, не отделяющей себя от жизни, тогда как схоластическая «мудрость» – порождение подлинной глупости.

Речь Мории в первой части внешне как бы построена на софистической подмене абстрактного отрицания конкретной положительной противоположностью. Страсти не есть разум, желание не есть разум, счастье – не то, что разум, следовательно, всё это – нечто неразумное, то есть Глупость (по приему «не белое, следовательно – черное»). Мория здесь

³¹¹ Рабле переписывался со своим старшим современником Эразмом и в письме к нему от 30 ноября 1532 года – это год создания «Пантагрюэля!» – называл его своим «отцом», «источником всякого творчества нашего времени».

³¹² Любопытно заглавие одного французского перевода «Слова», вышедшего в 1715 году: «Похвальное слово Глупости» – произведение, которое правдиво представляет, как человек из-за глупости потерял свой облик, и в приятной форме показывает, как вновь обрести здравый смысл и разум».

пародирует софистику схоластических аргументаций. Глупость, поверив «тупому чурбану», «некоему мраморному подобию человека», что он и есть подлинный мудрец, а вся жизнь человеческая – не что иное, как забава Глупости (гл. XXVII), попадает в заколдованный круг известного софизма о критянце, который утверждал, что все жители Крита – лгуны. Через 100 лет эта ситуация повторится в первой сцене шекспировского «Макбета», где ведьмы выкрикивают: «Прекрасное – это гнусное, гнусное – прекрасное» (трагический аспект той же мысли Эразма о страстях, царящих над человеком). Доверие к пессимистической «мудрости» и здесь и там подорвано уже самым рангом этих прокуроров человеческой жизни. Чтобы вырваться из заколдованного круга, надо отбросить исходный тезис, где «мудрость» противопоставляет себя «неразумной» жизни.

Мория первой части – это сама Природа, которой нет нужды доказывать свою правоту «крокодилитами, соритами, рогатыми силлогизмами» и прочими «диалектическими хитросплетениями» (гл. XIX). Не категориям логики, а желанию люди обязаны своим рождением – желанию «делать детей» (гл. XI). Желанию быть счастливыми люди обязаны любовью, дружбой, миром в семье и обществе. Воинственная угрюмая «мудрость», которую посрамляет красноречивая Мория, – это псевдорационализм средневековой схоластики, где рассудок, поставленный на службу вере, педантически разработал сложнейшую систему регламентации и норм поведения. Аскетическому рассудку дряхлеющего средневековья, старческой скудеющей мудрости опекунов жизни, почтенных докторов теологии противостоит Мория – новый принцип Природы, выдвинутый гуманизмом Возрождения. Этот принцип отражал прилив жизненных сил в европейском обществе в момент рождения новой буржуазной эры.

Жизнерадостная философия речи Мории часто вызывает в памяти раннюю ренессансную новеллистику, комические ситуации которой как бы обобщены в сентенциях Глупости. Но еще ближе к Эразму (в особенности своим тоном) роман Рабле. И как в «Гаргантюа и Пантагрюэле» «вино» и «знание», физическое и духовное, – неразрывны, как две стороны одного и того же, так и у Эразма наслаждение и мудрость идут рука об руку. Похвала Глупости – это похвала разуму жизни. Чувственное начало природы и мудрость не противостоят друг другу в цельной гуманистической мысли Возрождения. Стихийно-материалистическое чувство жизни уже преодолевает христианский аскетический дуализм схоластики. Но, далекое от законченной систематизации, оно еще не пришло к тому односторонне рассудочному и абстрактному пониманию жизни, отвергающему свободные и яркие краски, о котором говорят Маркс и Энгельс, характеризуя в лице Гоббса материализм XVII века, как «враждебный человеку»³¹³.

Наоборот, Мория Эразма – субстанция жизни в первой части речи – благоприятна для счастья, снисходительна и «на всех смертных равно изливает свои благодеяния». Она, как материя Бэкона, «улыбается своим поэтическим чувственным блеском всему человеку»³¹⁴.

Как в философии Бэкона «чувства непогрешимы и составляют источник всякого знания», а подлинная мудрость ограничивает себя «применением рационального метода к чувственным данным», так и у Эразма чувства, – порождения Мории, – страсти и волнения (то, что Бэкон называет «стремлением», «жизненным духом») направляют, служат хлыстом и шпорами доблести и побуждают человека ко всякому доброму делу (гл. XXX).

Мория, как «поразительная мудрость природы» (гл. XXII), это доверие жизни к самой себе, противоположность безжизненной мудрости схоластов, которые навязывают жизни свои предписания. Поэтому ни одно государство не приняло законы Платона, и только естественные интересы (например, жажда славы) образовали общественные учреждения. Глупость создает государство, поддерживает власть, религию, управление и суд (гл. XXVII). Жизнь в своем основании – это не простота геометрической линии, но игра противоречивых стремлений. Это театр, где выступают страсти и каждый играет свою роль, а неуживчивый мудрец, требующий, чтобы комедия не была комедией, – это сумасброд, забывающий основной закон пиршества: «Либо пей, либо – вон» (гл. XXIX). Раскрепощающий, охраняющий молодые побеги жизни от вмешательства «непрошеной мудрости» пафос мысли Эразма обнаруживает характерное для гуманизма Возрождения доверие к свободному развитию, родственное идеалу жизни в Телемской обители у Рабле с его девизом «Делай что хочешь». Мысль Эразма, связанная с началом эры буржуазного общества, еще далека от позднейшей (XVII век) идеализации неограниченной политической власти, как руководящего и регламентирующего центра общественной жизни. И

³¹³ Маркс и Энгельс, Сочинения, Издание второе, т. 2, М... 1955, стр. 143.

³¹⁴ Там же.

сам Эразм держался вдали от «пышного ничтожества дворов» (как он выражается в одном из своих писем), а должность «королевского советника», которой его пожаловал император Карл V, была не более, чем почетной и доходной синекурой. И недаром Эразм из Роттердама, бюргер по происхождению, достигнув европейской славы, отвергает лестные приглашения монархов Европы, предпочитая независимую жизнь в «вольном городе» Базеле или в нидерландском культурном центре Лувене. Традиции независимости, которую отстаивают города его родной страны, несомненно, питают в известной мере взгляды Эразма. Философия его Мории коренится в исторической обстановке еще не победившего абсолютизма.

Эту философию пронизывает стихийная диалектика мысли, в которой дает себя знать объективная диалектика исторического переворота во всех сферах культуры. Все начала перевернуты и обнаруживают свою изнанку:

«Любая вещь имеет два лица... и лица эти отнюдь не схожи одно с другим. Снаружи как будто смерть, а загляни внутрь – увидишь жизнь, и наоборот, под жизнью скрывается смерть, под красотой – безобразие, под изобилием – жалкая бедность, под позором – слава, под ученостью – невежество, под мощью – убожество, под благородством – низость, под весельем – печаль, под преуспеянием – неудача, под дружбой – вражда, под пользой – вред» (гл. XXIX).

Официальная репутация и подлинное лицо, видимость и сущность всего в мире противоположны. Мория природы на самом деле оказывается истинным разумом жизни, а отвлеченный разум официальных «мудрецов» – это безрассудство, сущее безумие. Мория – это мудрость, а казенная «мудрость» – это худшая форма Мории, подлинная глупость. Чувства, которые, если верить философам, нас обманывают, приводят к разуму, практика, а не схоластические писания – к знанию, страсти, а не стоическое бесстрашие – к доблести. Вообще глупость ведет к мудрости (гл. XXX). Уже с заголовка и с посвящения, где сближены «столь далекие по существу» Мория и Томас Мор, Глупость и гуманистическая мудрость, вся парадоксальность «Похвального слова» коренится в диалектическом взгляде, согласно которому все вещи сами по себе противоречивы и «имеют два лица». Всем своим очарованием философский юмор Эразма обязан этой живой диалектике.

Жизнь не терпит никакой односторонности. Поэтому рассудочному «мудрецу»-доктринеру, схоласту, начетчику, который жаждет всё подогнать под бумажные нормы и везде суется с одним и тем же мериллом, нет места ни на пиру, ни в любовном разговоре, ни за прилавком. Веселье, наслаждение, практика житейских дел имеют свои особые законы, его критерии там непригодны. Ему остается лишь самоубийство (гл. XXXI). Односторонность отвлеченного принципа убивает всё живое, ибо не мирится с многообразием жизни.

Поэтому пафос произведения Эразма направлен прежде всего против ригоризма внешних формальных предписаний, против доктринерства начетчиков-«мудрецов». Вся первая часть речи построена на контрасте живого древа жизни и счастья и сухого древа отвлеченного знания. Эти непримиримые всезнающие стоики (читай: схоласты, богословы, духовные «отцы народа»), эти чурбаны готовы всё подогнать под общие нормы, отнять у человека все радости. Но всякая истина конкретна. Всему свое место и время. Придется этому стоику отложить свою хмурую важность, покориться сладостному безумию, если он захочет стать отцом (гл. XI). Рассудительность и опыт подобают зрелости, но не детству. «Кому не мерзок и не кажется чудовищем мальчик с умом взрослого человека?» Беспечности, беззаботности люди обязаны счастливой старостью (гл. XIII). Игры, прыжки и всякие «дурачества» – лучшая приправа пиров: здесь они на своем месте (гл. XVIII). И забвение для жизни так же благотворно, как память и опыт (гл. XI). Снисходительность, терпимость к чужим недостаткам, а не глазастая строгость – основа дружбы, мира в семье и всякой связи в человеческом обществе (гл. XIX, XX, X XI).

Практическая сторона этой философии – светлый широкий взгляд на жизнь, отвергающий все формы фанатизма. Этика Эразма примыкает к эвдемонистическим учениям античности, согласно которым в самой человеческой природе заложено естественное стремление к благу, – тогда как навязанная «мудрость» полна «невыгод», безрадостна, пагубна, непригодна ни для деятельности, ни для счастья (гл. XXIV). Самолюбие (Филавтия) – это как будто родная сестра Глупости, но может ли полюбить кого-либо тот, кто сам себя ненавидит? Самолюбие создало все искусства. Оно стимул всякого радостного творчества, всякого стремления к благу (гл. XXII). В мысли Эразма здесь как бы намечаются позиции Ларошфуко, нашедшего в самолюбии основу всего человеческого поведения и всех добродетелей. Но Эразм далек от пессимистического вывода этого моралиста XVII века и скорее предвосхищает материалистическую этику XVIII

века (например, учение Гельвеция о творческой роли страстей). Филавтия у Эразма – орудие «поразительной мудрости природы», без самолюбия «не обходится ни одно великое дело», ибо, как утверждает Панург у Рабле, человек стоит столько, во сколько сам себя ценит. Вместе со всеми гуманистами Эразм разделяет веру в свободное развитие человека, но он особенно близок к простому здравому смыслу. Он избегает чрезмерной идеализации человека, фантастики его переоценки, как односторонности. Филавтия тоже имеет «два лица». Она стимул к развитию, но она же (там, где не хватает даров природы) – источник самодовольства, а «что может быть глупее... самолюбования?»

Но эта – собственно сатирическая – сторона мысли Эразма развивается больше во второй части речи Мории.

IV

Вторая часть «Похвального слова» посвящена «различным видам и формам» Глупости. Но легко заметить, что здесь незаметно меняется не только предмет, но и смысл, влагаемый в понятие «глупость», характер смеха и его тенденция. Меняется разительным образом и самый тон панегирика. Глупость забывает свою роль, и вместо того чтобы восхвалять себя и своих слуг, она начинает возмущаться служителями Мории, разоблачать и бичевать. Юмор переходит в сатиру.

Предмет первой части – это «общечеловеческие» состояния: различные возрасты человеческой жизни, многообразные и вечные источники наслаждения и деятельности, коренящиеся в человеческой природе. Мория здесь совпадала поэтому с самой природой и была лишь условной Глупостью – глупостью с точки зрения отвлеченного рассудка. Но всё имеет свою меру, и одностороннее развитие страстей, как и сухая мудрость, переходит в свою противоположность. Уже глава XXXV, прославляющая счастливое состояние животных, которые не знают никакой дрессировки и подчиняются одной природе, – двусмысленна. Значит ли это, что человек не должен стремиться «раздвинуть границы своего жребия», что он должен уподобиться животным? Не противоречит ли это Природе, наделившей его интеллектом? Поэтому дураки, шуты, глупцы и слабоумные, хотя и счастливы, всё же не убедят нас следовать скотскому неразумию их существования (гл. XXXV). «Похвала Глупости» незаметно переходит от панегирика природе к сатире на невежество, отсталость и косность общества.

Принцип естественности – фермент всякой жизни. Но как у Ларошфуко «самолюбие и порок входят в состав всех добродетелей, словно яды в состав всех лекарств», – всё зависит от условий, дозы и меры, – так и у Эразма Глупость входит в состав всего живого, но в своем одностороннем «раздувании и распухании» становится главной причиной окостенения, пороком и «безумием» существующего. Глупость переходит в различные маниакальные страсти: мания охотников, для которых нет большего блаженства, чем пение рогов и тьяканье собак, мания строителей, алхимиков, азартных игроков (гл. XXXIX), суеверов, паломников ко святым местам (гл. XL) и т.д. Тут Мория показывается вместе со своими спутниками: Безумием, Лениью, Разгулом, Непробудным сном, Чревоугодием и т.д. (гл. IX). И теперь мы вспоминаем, что она дочь паразитического Богатства и невежественной Юности, плод вожделения, зачатая во хмелю на пиру у богов (гл. VII), вскормленная нимфами, именуемыми Опыянение и Невоспитанность (гл. VIII). Эразм здесь выступает как предшественник просветителей XVIII века, но только ход его мысли, как и у других гуманистов (например, у Рабле или Шекспира), обнаруживает обратную последовательность: от открытия «природы» – к рационалистической критике, от Руссо – к Вольтеру.

В первой части речи Мория, как мудрость природы, гарантировала жизни разнообразие интересов и всестороннее развитие. Там она соответствовала гуманистическому идеалу «универсального» человека. Но безумствующая односторонняя Глупость создает постоянные застывшие формы и виды: сословие родовитых скотов, которые кичатся благородством происхождения (гл. XLII), или купцов-накопителей, – породу всех глупее и гаже (гл. XLVII), разоряющихся сутяг или наемных воинов, мечтающих разбогатеть на войне, бездарных актеров и певцов, ораторов и поэтов, грамматиков и правоведов. Филавтия, родная сестра Глупости, теперь показывает другое свое лицо. Она порождает самодовольство разных городов и народов, тщеславие тупого шовинизма (гл. XLIII). Счастье лишается своего объективного основания в природе, теперь оно уже всецело «зависит от нашего мнения о вещах... и покоится на обмане или самообмане» (гл. XLV). Как мания, Глупость уже субъективна, и всяк по-своему с ума сходит, находя в этом свое

счастье. Мнимая «глупость» природы, Мория была связью всякого человеческого общества. Теперь Мория как доподлинная глупость предрассудков, наоборот, разлагает общество.

Общезнаменитый юмор панегирика Глупости сменяется поэтому социальной критикой современных нравов и учреждений. Теоретическая и с виду шутовская полемика с античными стоиками, доказывающая, не без приемов софистического остроумия, «невыгоды» мудрости, уступает место колоритным и язвительным бытовым зарисовкам и ядовитым характеристикам «невыгодных» форм современной глупости. Впоследствии многие сатирические мотивы речи Глупости будут драматизированы в диалогах и своего рода маленьких комедиях, объединенных в «Домашних беседах»³¹⁵.

Универсальная сатира Эразма здесь не щадит ни одного звания в роде людском. Глупость царит в народной среде, так же как и в придворных кругах, где у королей и вельмож не найти и пол-унции здравого смысла (гл. LV). Независимость позиций Эразма, народный «здравый смысл», которому он всегда остается верен, сказывается также в издевательствах над глупцами собственного гуманистического лагеря, над «двухязычными» и «трехязычными» педантами, над буквоедами-филологами, грамматиками, раболепствующими перед любым словом древнего автора. Сам Эразм в 1517 году организовал в Лувене «Школу Трех Языков», где впервые изучались, наряду с латинским, греческий и древнееврейский языки, но, энтузиаст изучения древности, он был в то же время врагом сервиллизма ревнителей античности как в сфере мысли, так и в стиле.³¹⁶ Заметим заодно, что автор «Домашних бесед» – произведения, по которому, несмотря на преследования церкви, ряд поколений обучался изящной латыни – дал образец ясного, гибкого, легкого стиля, «который нравился всем, а не только ученым», как признается один из противников Эразма.³¹⁷ В стиле Эразма – дух его этики. И хотя все его произведения написаны по-латыни, слово Эразма больше чем кого-либо из гуманистов оказало влияние на литературную речь новых европейских языков, формировавшихся под влиянием неолатинской литературы. Эразм привил своим стилем вкус к непринужденной «природе» разговорной речи. Он секуляризировал литературный язык и освободил его от педантизма схоластической и церковной элоквенции.

Наибольшей резкости сатира достигает в главах о философах и богословах, иноках и монахах, епископах, кардиналах и первосвященниках (гл. LII–LX), особенно – в колоритных характеристиках богословов и монахов, главных противников Эразма на протяжении всей его деятельности. Нужна была большая смелость, чтобы показать миру «смердящее болото» богословов и гнусные пороки монашеских орденов во всей их красе! Папа Александр VI, –вспоминал впоследствии Эразм, – однажды заметил, что предпочел бы оскорбить самого могущественного монарха, чем задеть эту нищенствующую братию, которая властвовала над умами невежественной толпы. И монахи действительно никогда не могли простить писателю этих страниц «Похвалы Глупости». Монахи были главными вдохновителями гонений против Эразма и его произведений. Они в конце концов добились занесения большей части литературного наследия Эразма в индекс запрещенных церковью книг, а его французский переводчик Беркен – несмотря на покровительство короля! – кончил жизнь на костре (в 1529 г.). Популярная у испанцев поговорка гласила: «Кто говорит дурное про Эразма – тот либо монах, либо осел».

Речь Мории в этих главах местами неузнаваема по тону. Место Демокрита, со смехом «наблюдающего повседневную жизнь смертных», занимает уже негодующий Ювенал, который «ворочит сточную яму тайных пороков» – и это вопреки первоначальному намерению «выстав-

³¹⁵ Диалоги «Кораблекрушение», «Неосторожный обет» и «Паломничество» осмеивают пилигримов и обычай давать обеты святым; «Рыцарь без лошади» – кичливость дворян; «Славное ремесло» – кондотьерство; «Разговор аббата и образованной женщины» – обскурантизм монахов; «Похороны» – их вымогательства и конкуренцию орденов и т.д.

³¹⁶ Против них направлен его остроумный и язвительный диалог «Циперонианец» (1528), которым он нажил себе немало врагов

³¹⁷ Стиль «Похвального слова» в силу пародийной своей функции не может дать представления об этих достоинствах прозы Эразма. Напыщенность ученых периодов, в изобилии уснащенных цитатами и ссылками, порой совершенно бессмысленными, сочетается с вульгарной развязностью, когда Глупость, срываясь с взятого тона, высказывается откровенно и напрямик, как верно замечает П.К. Губер, автор настоящего перевода. В целом этот стиль прекрасно передает дух «риторов нашего времени» (гл. VI), язык которых служит Мории образцом: сочетание взятой напрокат учености с демагогической грубостью и страстностью проповеди на площади

лять напоказ смешное, а не гнусное»³¹⁸. Когда Христос устами Мории отвергает эту новую породу фарисеев, заявляя, что не признает их законов, ибо **ко время оно**³¹⁹ обещал блаженство не за капюшоны, не за молитвы, не за посты, а только за дела милосердия, и поэтому простой народ, матросы и возчики, ему угоднее монахов (гл. LIV), – патетика речи возвещает уже накал страстей периода Лютера.

От прежней шутовности благорасположенной к смертным Мории, не остается и следа. Условная маска Глупости спадает с лица оратора, и Эразм говорит уже прямо от своего имени, как «Иоанн Креститель Реформации» (по выражению французского философа-скептика конца XVII в. П. Бейля). Новое в антимонашеской сатире Эразма не разоблачение обжорства, надувательства и лицемерия монахов – этими чертами их неизменно наделяли уже на протяжении трех веков авторы средневековых рассказов или гуманистических новелл (вспомним, например, «Декамерон» Боккаччо середины XIV в.). Но там они фигурировали как ловкие пройдохи, пользующиеся глупостью верующих. Человеческая природа, вопреки сану, дает себя знать в их поведении. Поэтому у Боккаччо и других новеллистов они забавны, и рассказы об их проделках питают только здоровый скепсис. У Эразма же монахи порочны, мерзки и уже «навлекли на себя единодушную ненависть» (гл. LIV). За сатирой Эразма чувствуется иная историческая и национальная почва, чем у Боккаччо. Созрели условия для радикальных изменений, и ощущается потребность в положительной программе действий. Мория, защитница природы, в первой части речи была в единстве с объектом своего юмора. Во второй части Мория, как разум, отделяется от предмета смеха. Противоречие становится антагонистическим и нетерпимым. Чувствуется атмосфера назревшей реформации.

Это изменение тона и новые акценты второй половины «Похвального слова» связаны таким образом с особенностями «северного Возрождения» и с назревающим потрясением основ до этого монолитной католической церкви. В германских странах вопрос реформы церкви стал узлом всей политической и культурной жизни. С реформацией здесь оказались связаны все великие события века: крестьянская война в Германии, движения анабаптистов, нидерландская революция. Но движение Лютера принимало в Германии всё более односторонний характер: чисто религиозная борьба, вопросы вероисповедания на долгие годы заслонили более широкие задачи преобразования общественной жизни и культуры. После подавления крестьянской революции реформация обнаруживает всё большую узость и не меньшую, чем католическая контрреформация, нетерпимость к свободной мысли, к разуму, который Лютер объявил «блудницей дьяволовой». «Науки умерли везде, где установилось лютеранство», – отмечает в 1530 году Эразм.

Сохранилась старая гравюра XVI века, изображающая Лютера и Гуттена несущими ковчег религиозного раскола, а впереди них Эразма, танцем открывающего шествие. Она верно определяет роль Эразма в подготовке дела Лютера. Крылатое выражение, пущенное в ход кельнскими богословами, гласило: «Эразм снес яйцо, которое высидел Лютер». Но Эразм впоследствии заметил, что он отрывается «от цыплят подобной породы».

«Похвала Глупости» стоит, таким образом, у конца недифференцированного этапа Возрождения и на пороге реформации.

Сатира Эразма завершается весьма смелым заключением. После того, как Глупость доказала свою власть над человечеством и над «всеми сословиями и состояниями» современности, она вторгается в святая святых христианского мира и отождествляет себя с самым духом религии Христа, а не только с церковью, как учреждением, где ее власть уже доказана ранее: христианская вера сродни Глупости, ибо высшей наградой для людей является своего рода безумие (гл. LXVI–LXVII), а именно – счастье экстатического слияния с божеством.

В чем смысл этой кульминационной «коды» панегирика Мории? Она явно отличается от предшествующих глав, где Глупость приводит в свою пользу все свидетельства древних и бездну цитат из священного писания, толкуя их вкось и вкривь и не брезгая порой самыми дешевыми софизмами. В тех главах явно пародируется схоластика «лукавых толкователей слов священного писания», и они прямо примыкают к разделу о теологах и монахах. Наоборот, в заключительных главах нет почти никаких цитат, тон здесь, по-видимому, вполне серьезный и развиваемые положения выдержаны в духе ортодоксального благочестия, мы как бы возвращаемся к

³¹⁸ См. предисловие Эразма

³¹⁹ **МОИ 2015-11-18:** Видимо, какое-то искажение электронного текста в библиотеке Мошкова, но, не имея бумажного оригинала, я не знаю, как исправить.

положительному тону и прославлению «неразумия» первой части речи. Но ирония «божественной Мории», пожалуй, более тонка, чем сатира Мории-Разума и юмор Мории-Природы. Недаром она сбивает с толку новейших исследователей Эразма, которые усматривают здесь настоящее прославление мистицизма.

Ближе их к истине те непредубежденные читатели, которые видели в этих главах «слишком вольный» и даже «кошунственный дух». Нет сомнения, что автор «Похвального слова» не был атеистом, в чем его обвиняли фанатики обоих лагерей христианства. Субъективно он был скорее благочестивым верующим. Впоследствии он даже выражал сожаление, что закончил свою сатиру слишком тонкой и двусмысленной иронией, направленной против теологов, как лукавых толкователей. Но, как сказал Гейне по поводу «Дон-Кихота» Сервантеса, перо гения мудрее самого гения и увлекает его дальше пределов, поставленных им самим своей мысли. Эразм утверждал, что в «Похвальном слове» излагается та же доктрина, что и в более раннем назидательном «Руководстве христианскому воину». Однако идейный вождь контрреформации, основатель ордена иезуитов Игнатий Лойола недаром жаловался, что чтение в молодости этого руководства ослабляло его религиозное рвение и охлаждало пыл его веры. И Лютер, с другой стороны, имел право хотя бы на основании этих заключительных глав не доверять благочестию Эразма, которого он называл «королем двусмысленности». Мысль Эразма, как и автора «Утопии» (также далекого от атеизма), проникнутая широкой терпимостью, граничащей с равнодушием в вопросах религиозных, оказывала плохую услугу церкви, стоявшей на пороге великого раскола. Заключительные главы «Похвального слова», где Глупость отождествлена с духом христианской веры, свидетельствуют, что в европейском обществе наряду с католиками и протестантами, наряду с Лойолой и Лютером, складывалась третья партия, гуманистическая партия «осторожных» умов (Эразм, Рабле, Монтень), враждебных всякому религиозному фанатизму. И именно этой, пока еще слабой, партии «сомневающимся», партии свободомыслящих, опирающейся на природу и разум и отстаивающей свободу совести в момент высшего накала религиозных страстей, исторически принадлежало будущее.

V

«Похвальное слово» имело у современников огромный успех. За двумя изданиями 1511 года потребовались три издания 1512 года – в Страсбурге, Антверпене и Париже. За несколько лет оно разошлось в количестве двадцати тысяч экземпляров – успех по тому времени и для книги, написанной на латинском языке, неслыханный.

Более, чем любое другое произведение кануна Реформации, «Похвальное слово» распространяло в широких кругах презрение к теологам и монахам и возмущение состоянием церкви. Но Эразм не оправдал надежд сторонников Лютера, хотя сам, безусловно, стоял за практические реформы, которые должны были возродить и укрепить христианство. Его гуманистический скепсис в вопросах религиозной догматики, его защита терпимости и снисходительности, его лукановски непочтительная форма обращения со священными предметами оставляли слишком много места – даже с точки зрения протестантского богословия – для свободного исследования и были опасны для церкви как новой, так и старой. Противники Эразма недаром называли его «современным Протеем». Впоследствии католические и протестантские богословы старались – каждый на свой лад – доказать ортодоксальность его идей, но история расшифровала идеи автора «Похвального слова» в таком духе, который выводит их за пределы всякого вероисповедания.

Потомство не может упрекнуть Эразма за то, что он не примкнул ни к одной из борющихся религиозных партий. Его проницательность и здравый смысл помогли ему разгадать обскурантизм обоих лагерей. Но вместо того чтобы возвыситься над обеими односторонностями религиозного фанатизма и употребить огромное свое влияние на современников для разоблачения равно «папоманов» как и «папофигов» (подобно Рабле, Деспере и другим свободомыслящим) и для углубления освободительной борьбы, Эразм занял нейтральную позицию между партиями, выступая в неудачной роли примирителя непримиримых станов. Тем самым он уклонился от решительного ответа на религиозные и социальные вопросы, поставленные историей. Мир и покой ему казались дороже всего. «Я терпеть не могу столкновений, – писал он около 1522 года, – и до такой степени, что, если начнется борьба, я покину скорее партию истины, чем локон». Но ход истории показал, что этот покой уже не был возможен и катаклизм был неизбежен. У «главы европейской республики ученых» не было природы борца и той цельности, отмечающей тип человека эпохи Возрождения, которая воплощена в благородном образе его друга Т. Мора, в борьбе за свои убеждения сложившего голову на эшафоте (за что Эразм его порицал!).

Переоценка мирного распространения знаний и надежды, которые Эразм возлагал на реформы сверху, была его ограниченностью, которая доказывала, что он мог возглавить движение только на мирном, подготовительном этапе. Все его последующие наиболее значительные произведения (издание «Нового завета», «Христианский государь», «Домашние беседы») приходятся на второе десятилетие XVI века. В 20–30-х годах, в разгар религиозной и социальной борьбы его творчество уже не имеет прежней силы, его влияние на умы заметно падает.

Позиции Эразма в последний период его жизни оказались поэтому намного ниже пафоса его бессмертной сатиры. Вернее, он сделал из своей философии «удобный» вывод: мудрец, наблюдая «комедию жизни», не должен «быть мудрее, чем это подобает смертному», и лучше «вежливо заблуждаться заодно с толпой», чем быть сумасбродом и нарушать ее законы, рискуя покоем, если не самой жизнью (гл. XXIX). Он избегал «одностороннего» вмешательства, не желая принимать участие в распрях «глупцов»-фанатиков. Но «всесторонняя» мудрость этой наблюдательской позиции есть синоним ее ограниченной односторонности, ибо что может быть одностороннее точки зрения, исключаяющей из жизни действие, то есть участие в жизни? Эразм оказался в положении осмеянного им самим в первой части речи Мории бесстрастного мудреца-стоика, высокомерного по отношению ко всяким живым интересам. Выступления крестьянских масс и городских низов да арену истории «с красным знаменем в руках и с требованием общности имущества на устах» (Энгельс)³²⁰ и были в этот период высшим выражением социальных «страстей» эпохи и тех принципов «природы» и «разума», которые с такой смелостью защищал Эразм в «Похвале Глупости», а его друг Т. Мор в «Утопии». Это была настоящая борьба народных масс за «всестороннее развитие», за право человека на радости жизни, против норм и предрассудков средневекового царства Глупости.

Однако между гуманистами (даже такими, как Т. Мор) и народными движениями эпохи, идейно им созвучными, практически лежала целая пропасть. Даже будучи прямыми защитниками народных интересов, гуманисты редко связывали свою судьбу с «плебейско-мюнцеровской» оппозицией, не доверяя «непросвещенным» массам и возлагая надежды на реформы сверху, хотя именно в этой оппозиции и выступала стихийная мудрость истории. Поэтому ограниченность их позиции сказывалась как раз в момент высшего подъема революционной волны. Эразм, например, порицал Лютера за его призывы «бить, душить, колоть» восставших крестьян, «как бешеных собак». Он одобрял попытку базельской буржуазии выступить в роли арбитра между князьями и крестьянами. Но дальше этого его мирный гуманизм не шел.

Независимо от личных позиций Эразма, его идеи исторически делали свое дело. «Эразмизм», как ересь «арианская» и «пелагианская», подвергается преследованию в эпоху контрреформации, но его влияние обнаруживается и в скептицизме «Опытов» Монтеня и в творчестве Шекспира, Бен-Джонсона и Сервантеса. Его внимательно читают французские вольнодумцы XVII века вплоть до П. Бейля (прожившего последний период своей жизни в родном городе Эразма – Роттердаме), автора статьи об Эразме и его последователя в рационалистическом подходе к богословским текстам. Эта эразмовская традиция приводит к французским и английским просветителям XVIII века, а также к Лессингу, Гердеру и Песталоцци. Один развивают критическое начало его теологии, другие – его педагогические идеи, его социальную сатиру или этику.

Просветители XVIII века с новой, невиданной до того силой используют основное орудие Эразма – печатное слово. Лишь в XVIII веке семена эразмизма дают богатые всходы, и его сомнение, направленное против догматики и косности, его защита «природы» и «разума» расцветают в жизнерадостном свободомыслии Просвещения.

«Похвала Глупости» Эразма, «Утопия» Т. Мора и роман Рабле – три вершины мысли европейского гуманизма Возрождения периода его расцвета.

Современный обскурантизм вызывает тени прошлого из могил. Модные в наше время «семантическое направление» и неотомизм пытаются возродить спор средневекового номинализма и реализма, выродившийся уже в XVI веке в борьбу «скотистов» с «темнотами», над которыми насмехается Эразм. Можно подумать, что реакция намерена установить некий «закон сохранения глупости». На фоне модернизированной схоластики и воинствующего мракобесия всяческого толка сатира Эразма сохраняет силу старого, но меткого оружия.

³²⁰ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XIV, М.–Л. 1931, стр. 475.

Издание 1931 года

Сокровища мировой литературы

Эразм Роттердамский. Похвальное слово Глупости

ΜΩΡΙΑΣ ΕΓΚΩΜΙΟΝ

STVLTITIAE LAVS

Des. Erasmi Rot. Declamatio. MDIX

Academia

Москва – Ленинград, 1931

Перевод и комментарии П.К. Губера

Вступительная статья И. Смилги

4-я типография ОГИЗ'а. Ленинград. Ул. Правды 13. Ленинградский Областлит № 68984.

Тираж 5000 экз.

Предисловие к русскому изданию

«Похвальное слово Глупости» Эразма Роттердамского является одним из классических шедевров Возрождения. Произведение это, как и все крупные произведения этого рода, в первую очередь принадлежит эпохе, потом автору. Поэтому и мы в своем очерке, говоря об эпохе, авторе и произведении, остановимся прежде всего на эпохе, давшей человечеству такое богатство памятников в области литературы, знания и искусства.

Эпоха Возрождения с полным основанием может считаться преддверием восемнадцатого века. Классовые корни и дух обеих эпох одинаковы. Разница состоит только в том, что буржуазия эпохи Возрождения была моложе буржуазии времен революции примерно лет на триста. Но когда выросшей и окрепшей буржуазии нужно было со всей силой своего идеологического превосходства громить старый режим, чтобы «стать всем», она имела в своем арсенале такое несравненное оружие, как культуру Возрождения.

На этом, однако, сходство кончается. Литературные памятники Возрождения окрашены в такой специфический цвет, так колоритны, но вместе с тем и историчны, что понятными они становятся только на фоне своей эпохи с ее сложным общественно-идеологическим переплетом.

Германский гуманизм, виднейшим представителем которого был Эразм Роттердамский, является прямым продолжением итальянского Возрождения. Семя, брошенное в Италии и давшее там такие богатые плоды, обеспечило обильную жатву и в других странах. В первую очередь это относится к Германии, которая с полным правом может считаться второй страной по размаху гуманистического движения. Эразм Роттердамский в полной мере отражает как то общее, что характерно для гуманистов всех стран, так и то специфическое, что является присущим германской ветви великого движения.

Против католической церкви с ее мракобесием, схоластикой и кострами, против этой наиболее универсальной представительницы средневекового феодализма в конце XV века в Германии образовалась мощная коалиция. В эту коалицию входили города как своим правым крылом – купцами и цеховыми мастерами, так и левым – подмастерьями и пролетариатом. В этой же коалиции оказалось крестьянство, беспощадно эксплуатируемое церковью и феодалами. К коалиции же примкнула часть обнищавшего рыцарства, вытесняемого из жизни армиями ландскнехтов. С гуманистами заигрывали даже некоторые князья.

Между противниками вскоре началась гигантская борьба, в основе которой лежали совершенно отчетливые классовые интересы. Города боролись против феодалов и церкви, закладывая основы абсолютных монархий. Крестьяне боролись против ига помещиков и церкви. Рыцарство мечтало о повороте истории вспять и надеялось поправить свои дела за счет церкви и князей. Часть князей была не прочь отбить у церкви некоторое количество объектов ее эксплуатации в свою пользу.

Отсюда мы видим, какие колоссальные размеры должна была принять борьба. Коалиция была сильна своей яркой ненавистью к врагу. Атаку против католицизма и схоластики начали гуманисты. Средневековью наносились один за другим сокрушительные удары. Живопись, скульптура, наука, политические и литературные памфлеты и произведения этой эпохи свидетельствуют о блистательных победах, которые одерживали деятели Возрождения над своими противниками. С другой стороны, эти памятники говорят о мощности тех социальных корней, которыми питалось Возрождение. Оно несло на своих плечах историю вперед и было насквозь революционно и материалистично – вот в чем неуываемая прелесть эпохи.

Слабой стороной коалиции являлась ее разношерстность. Противоречие интересов внутри самой великой коалиции губительно сказывалось на всех решающих этапах борьбы. В результате борьбы в выигрыше оказались, в сущности, только князья. О «победе» городов можно говорить весьма относительно.

Противоречия внутри лагеря Возрождения яснее всего видны на фоне тех группировок, которые сложились в Германии, где эпоха наиболее ярко сказалась в области политической и религиозной борьбы. Мартин Лютер и Меланхтон связали реформацию с интересами господствующих классов. Мюнцер и Иоанн Лейденский – левое крыло реформации – были разгромлены при прямой поддержке Лютера. Пылкий и мужественный рыцарь Ульрих фон Гуттен, самый боевой представитель гуманизма, недовольный политикой Лютера, принимает участие в походе Зикингена, печальная судьба которого всем известна. Наиболее драматическими страницами эпохи являются события крестьянской войны. Против крестьян, этой наиболее обездоленной фаланги коалиции, оказавшей ей бесчисленные услуги, объединяются князья, католики и реформаторы лютеровского толка. Крестьяне терпят поражение и усмиряются с неслыханной жестокостью. В неравной борьбе нашел смерть храбрый и талантливый вождь крестьянского войска Флориан Гейер. В результате, как мы уже говорили, выигрывают те слои, которые во время борьбы с Римом и его вассалами стояли отнюдь не в первых рядах. Нужны были еще сотни лет, чтобы завершить начатое в эпоху Возрождения дело.

Гуманизм является первым актом великой борьбы. Гуманисты боролись идеологическим оружием. Они были представителями научного знания своего времени. Старшее поколение германских гуманистов имело своим наиболее ярким представителем Рейхлина. Младшее поколение германского гуманизма в массе своей связало себя с политической и религиозной борьбой и социальными движениями Реформации.

Документы и памятники эпохи Возрождения насквозь пропитаны материалистическим духом. В Италии Рафаэль рисовал своих Мадонн с тогдашних красавиц и своих возлюбленных. Излюбленной темой художников и писателей Ренессанса является человек, живущий на земле, с его радостями и горестями. В живописи и скульптуре итальянского Возрождения надо всегда различать сюжет и трактовку. Сюжет есть дань времени, нравам и вкусам меценатов и заказчиков. Библейская же форма доверху наполнена античным, языческим, жизнерадостным содержанием. Гуманисты других стран полностью усвоили «земные» черты итальянского Возрождения. Можно без всякой натяжки утверждать, что «Декамерон», «Гаргантюа» и «Похвальное слово Глупости», несмотря на различную национальность их авторов, сделаны из одного теста, вскормлены одной и той же эпохой.

Что является общим для всех названных произведений? Во-первых, ненависть к монахам, этим конкретным представителям римской церкви. Против них направлено всё – от насмешки и издевательства до сочной и несдержанной ругани. Раблэ целую главу посвящает самому папе и кардиналам. Но он издевается и над реформаторами. Эразм также не скупится на резкие слова, говоря о представителях церкви. О Боккачио, одном из первых гуманистов, и говорить не приходится.

Второе, что бросается в глаза при чтении произведений этой эпохи, – это веселая жизнерадостность их героев и суждений. Вместо молитвы и поста – бутылка доброго вина или кружка пива; вместо аскетизма и воздержания – кусок жареного мяса и любовные утехы; вместо библейских текстов и изречений схоластов – ядреная шутка, подчас не очень цензурного свойства, – вот излюбленный стиль литературных произведений эпохи. Но вместе с тем от этих произведений несет зноем борьбы. Произведения этой эпохи, несмотря на их подчас безобидную внешность, становились знаменами борьбы. Аудитория из прозрачных намеков делала прямолинейные выводы.

Раблэ одновременно с критикой существующего набрасывает контуры своих представлений об идеальном устройстве общества. Законченную систему желательного общественного

устройства рисует Томас Мор в своей «Утопии». Наш автор преобразовательными идеями занимается в меньшей мере, но и он пишет на политические темы, высказываясь против рабства и против неограниченного произвола королей. Что он был в полном курсе идей Мора – это бесспорно. Их связывала дружба, и свое «Похвальное слово» Эразм посвятил Мору.

Таким образом, перед нами целое мировоззрение, включающее в себя критику прошлого, борющееся за изменение настоящего и заглядывающее, правда робко, в будущее. Нашей задачей является установить место Эразма Роттердамского среди гуманистов и его «Похвального слова Глупости» среди произведений эпохи.

Эразм Роттердамский родился 28 октября 1466 г. в городе Роттердаме. Он был «незаконным» сыном своих родителей, происходивших по мужской линии из культурной бюргерской семьи. Первоначальное образование Эразм получил в местной школе, где преподавание велось по правилам схоластики. В дальнейшем Эразм изучал древние языки в Девентере. Когда ему минуло 13 лет, умерли его родители. Перед незаконнорожденным мальчиком открывались весьма нерадостные перспективы. Он не мог рассчитывать на сколько-нибудь успешную жизненную карьеру. Проучившись в Герцогенбуше, в школе местного братства, еще три года, Эразм должен был думать о будущем. Одаренного блестящими способностями юношу преподаватели сманивали в монастырь, где по их совету Эразм мог бы продолжать образование. Так он и сделал.

Жизнь молодого Эразма в Штейнском монастыре имела двоякие последствия. Во-первых, талантливый юноша имел достаточно свободного времени, чтобы утолить свою жажду знаний. Во-вторых, перед ним раскрылась неприглядная закулисная жизнь монахов. Нет никакого сомнения, что теми ядовитыми стрелами, которые впоследствии Эразм обращал против богословов-схоластов и монахов, мы обязаны в значительной мере годам, проведенным юным Эразмом в монастыре.

В монастыре Эразм провел около двух с половиной лет. Вырвался он оттуда благодаря епископу Камбрэ Генриху, который пригласил блестящего латиниста Эразма в качестве своего секретаря для поездки к папе в Италию. Поездка, однако, не состоялась, и через некоторое время мы видим Эразма в Париже, продолжающим образование в коллегии Монтэрю. Над нравами этого учреждения, где Эразм провел год, он впоследствии издевается в своем «Рыбождении».

В Париже он заболевает лихорадкой. С этого времени начинается период его странствий. Страсть к путешествиям не покидала его всю жизнь. Эразма преследует бедность. Меценаты весьма скупы авансируют славу и «бессмертие», которые им обещает за помощь Эразм. В это время целиком сложилось гуманистическое мировоззрение Эразма. Первое литературное произведение Эразма «Adagia», в котором были собраны анекдоты и изречения древних, выявило его как определенно сложившегося гуманиста. Это произведение сразу сделало Эразма известным в гуманистических кругах. В дальнейшем мы видим Эразма путешествующим в Англию, где его встречают с почетом как известного гуманиста. В Англии он заводит знакомство с Томасом Мором; это знакомство перерастает в дружбу. Впоследствии Эразм путешествует по Италии, откуда снова возвращается в Англию. Несколько лет он преподает в Кембриджском университете греческий язык и богословие по подлинным текстам Писания. Однако Эразма снова тянет в путешествие. Во время путешествия из Италии в Англию в 1508 году Эразм задумал свое знаменитое, обессмертившее имя автора, «Похвальное слово Глупости», которое написал в доме Томаса Мора, посвятив его ему же.

Помимо этого произведения, к которому сам Эразм относился как к литературной безделке, им написаны «Colloquia» («Разговоры»), произведение, имевшее огромный успех. Политические взгляды Эразма изложены в «Institutio principis christiani». Своим главным трудом Эразм считал исправленный греческий текст Нового завета с примечаниями к нему. Кроме того Эразм оставил большое количество писем и других работ, посвященных по преимуществу классической древности и науке.

История резко разошлась с автором в оценке его творчества. То, что Эразм считал шалостью пера, вошло в сокровищницу мировой литературы; то же, что он считал наиболее важным среди своих произведений, человечеством давным давно забыто. Хуже того, относясь отрицательно как к католической церкви, так и к реформации, Эразм Роттердамский, против своей воли, как автор богословских произведений оказался одним из основоположников протестантской теологии.

Из кратких биографических сведений об Эразме видно, что он является типичным представителем эпохи Возрождения. Происходит он не из дворян и не из духовенства. В своем

роде он выходец из народа, вернее, из так называемого среднего сословия. Условия появления его на свет заставили мальчика сразу почувствовать всю горечь и тяжесть несправедливого положения. В дальнейшем благодаря своим способностям он занимает одно из самых почетных мест в плеяде деятелей Возрождения. Слава его гремит по всей Европе, с ним считаются государи и сам римский папа. На склоне лет, благодаря покровительству Карла V, Эразм устраивает себе спокойную и уютную жизнь.

Эразм по характеру своего творчества примыкает к младшему поколению гуманистов, с той, однако, разницей, что он остался в стороне от религиозных и социальных движений эпохи Реформации. В смысле же знаний и классической образованности он занимает первое место среди германских гуманистов.

Политический индифферентизм Эразма привел его к разрыву с прежними друзьями. Дело доходит до того, что он отказывает в убежище Ульриху фон Гуттену, скрывавшемуся от преследований своих врагов после победы князей над Зикингеном. Этот факт вызывает со стороны Гуттена полную негодование оценку, с обвинением Эразма в трусости, расчетливости и других грехах.

Эта оценка личных качеств Эразма с теми или иными вариациями находит свое отражение в ряде последующих работ о нашем авторе.

Не ставя себе целью ни в малой мере идеализировать портрет роттердамского сатирика, в целях исторической истины считаем необходимым установить следующее. Отношение Эразма к Реформации стоит в прямой связи с его гуманистическим мировоззрением. Не надо забывать, что к Реформации насмешливо относился и другой великий гуманист – Раблэ. По своему образованию и уму Эразм стоял головой выше своих германских современников. По своим убеждениям он был гуманистом-космополитом, по характеру своего творчества – жизнерадостным скептиком. Бойцом вроде Гуттена он не был. Ставить, однако, это обстоятельство ему в вину могут только или ортодоксы лютеранства, или люди, не учитывающие того, что Эразм ведь был «человек сам по себе», как о нем выражается один из авторов «Писем темных людей». По нашему мнению, при отсутствии всякого давления на Эразма и при полной безопасности он скорее эволюционировал бы к рационализму, чем к лютеранству. Говорят, что «Эразм снес яйцо, а Лютер высидел курицу». Это, конечно, верно. Но никто не может поручиться, что Вольтер был бы якобинцем, хотя для революции он сделал исключительно много. Так и с Эразмом. Для нас вполне достаточно того, что в его лице мы имеем писателя, произведения которого гремели в его время и не потеряли своей прелести и теперь. При оценке его творчества можно исходить только из объективных критериев. Всякая же попытка объяснить его творчество субъективными свойствами автора была бы величайшим издевательством над памятью великого гуманиста и сатирика.

Умер Эразм Роттердамский 12 июня 1536 г. в Базеле.

«Похвальное слово Глупости» имело совершенно исключительный успех. Напечатанное в первый раз в Париже в 1509 г., «Похвальное слово» в течение нескольких месяцев выдержало семь изданий. При жизни Эразма его переиздавали свыше сорока раз. К настоящему времени «Похвальное слово» переведено на все главнейшие языки и прочно заняло свое место в сокровищнице классических образцов мировой литературы. На русском языке оно выходит пятым изданием.

В своем письме-посвящении Томасу Морю сам Эразм пишет о своей работе таким образом:

«Что же касается вздорного упрека в излишней резкости, то я отвечаю, что всегда дозволено было безнаказанно насмехаться над повседневной человеческой жизнью людей, лишь бы эта вольность не переходила в неистовство. Весьма дивлюсь я нежности современных ушей, которые, кажется, ничего не выносят, кроме торжественных титулов. Я не хотел по примеру Ювенала ворошить сточную яму тайных пороков и охотнее выставлял напоказ смешное, нежели гнусное».

Очень трудно одним каким-нибудь словом расценить такую вещь, как «Похвальное слово» Эразма. Автор наступает по чрезвычайно широкому фронту. Недаром он избрал своей героиней Глупость, которая гордится своей универсальностью для всех времен и народов. Избрав формой своей работы автопанегирик, Эразм высмеивает современность, нанося удары по излюбленным мишеням гуманистов. Нет необходимости загружать нашу заметку цитатами. Мы ставим своей задачей не критический разбор «Похвального слова», а всего лишь помощь читателю. Но и в этом случае сам автор нам совершенно необходим. Мы приведем всего лишь несколько выдержек из «Похвального слова», которые, по нашему мнению, являются лучшим введением к сатире.

Начнем с богословов и священников – этих смертельных врагов гуманистов. Вот как «забавляет» своих читателей Эразм:

«Что до богословов, то, быть может, лучше было бы обойти их здесь молчанием, не трогать *этого смрадного болота*, не прикасаться к этому ядовитому растению. Люди этой породы весьма щекотливы и раздражительны. Того и гляди набросятся они на меня сотней своих конклюдзий и потребуют отречения от моих слов, а ежели я откажусь, вмиг объявят меня еретичкой. Они ведь привыкли страшать этими громами всякого, кого не взлюбят.

«Что касается рядовых священников, то им, конечно, не подобает уступать в святости жизни своему церковному начальству. Поэтому и они сражаются воинским обычаем за право десятины, обороняя ее мечами, копьями, камнями и прочим оружием. Люди весьма глазастые, они вычитывают в старинных грамотах всё, чем можно навести страху на простой народ и заставить его вносить более, чем десятую часть урожая».

Не лучше обстоит дело и с придворными:

«Спят они до полудня. Наемный попик стоит наготове возле постели, и, лишь только барин проснется, тотчас же наспех служит обедню. Засим следует завтрак, по окончании которого почти немедленно подают обед. Затем кости, бирюльки, пари, девки, шуты, скоморохи, забавы и потехи. В промежутках раза два закуска с выпивкой. Затем наступает время ужина, за которым, клянусь Юпитером, осушается не одна бутылка. Таким образом без малейшей скуки проходят часы, дни, месяцы, годы, века. Даже мне самой иногда бывает не в мочь глядеть на этих *длиннохвостых*.

Эразм ненавидел войну и не выносил представителей этого ремесла. В бесподобной тираде Глупости о войне мы читаем такие строки:

«Война, столь всеми прославляемая, ведется дармоедами, сводниками, ворами, убийцами, невежественными мужиками, неоплатными должниками и тому подобными подонками общества, и отнюдь не просвещенными философами».

Из приведенных выдержек читатель увидит, что расценивать «Похвальное слово» Эразма как «забавный, юмористический документ» совершенно бессмысленно. Кто не слышит в строках автора отдаленных раскатов грома, тот лишен и литературного вкуса и исторического понимания произведений.

Разумеется, судить по этим выдержкам о всей сатире невозможно. Мы там встречаем блестящие образцы сатиры на более «нейтральные» темы. Но приведенных цитат достаточно, чтобы поставить «Похвальное слово» в ряд самых боевых документов Возрождения.

Наконец мы приведем еще одну цитату, характерную и для Эразма, и для ряда других гуманистов:

«Глупость создает государства, поддерживает власть, религию, управление и суд. Да и что такое вся жизнь человеческая, как не забава Глупости?»

Разве не этой же нотой кончает Раблэ путешествие Пантагрюэля к Божественной Бутылке?

Но какая гигантская разница между скепсисом Возрождения и скепсисом времен увядания буржуазии! Там скептическая нотка прорывается у мыслителя, насквозь жизнерадостного и материалистического; у него – всё в будущем. Совершенно иначе выглядит современный скептицизм буржуазии. У нее, – всё в прошлом. Историческая миссия класса закончена. Одряхлевшая буржуазия отказывается от культуры своей молодости. В права наследства вступает пролетариат, который поднимет человечество на высшую ступень.

И. Смилга.

От переводчика

1

В многотомном собрании печатных трудов Эразма «Похвальное слово Глупости» занимает небольшое по объему, зато, с точки зрения историка литературы, наиболее важное место. Дабы уяснить себе исторические условия, в окружении которых создалась эта маленькая книжка с такой своеобразной судьбой, расскажем здесь несколько более подробно главы из биографии писателя, непосредственно предшествовавшие сочинению «Похвального слова».

Как все гуманисты, родившиеся к северу от Альпийских гор, Эразм в течение многих лет лелеял мечту побывать рано или поздно в Италии. Правда, он собирался в эту страну, влекомый не совсем теми чувствами, с какими туда едет современный турист. Роскошная природа Апеннинского полуострова и великие памятники классической старины не пленяли его воображения. Хотя он был тонким знатоком и ценителем живописи, но ради одних картин и статуй он не предпринял бы утомительного и опасного странствования. Его манили в Италию не картинные галереи, не пышные папские дворцы и даже не античные развалины, но главным образом богатейшие итальянские библиотеки, в ту эпоху еще мало обследованные и казавшиеся неистощимой сокровищницей древних рукописей. Эразм при всей живости и непоседливости своего характера был все-таки прежде всего *филолог*, т.е. человек книжного, писаного слова. Пыль древних манускриптов опьяняла его. В итальянских книгохранилищах он мечтал сделать открытия, относившиеся к области, всего более занимавшей его, а именно – к установлению точного текста античных писателей, которые в изображаемую эпоху впервые стали попадать на печатный станок и требовали вдумчивого и зоркого редактора. И так, охота за древними рукописями была главной целью долгожданного путешествия, которое, однако, приходилось откладывать. Главным препятствием для этой поездки служили даже не войны между Францией, папой, императором и Венецией, опустошавшие в описываемое время полуостров, но самая прозаическая и вместе с тем наиболее уважительная причина из всех возможных, а именно – отсутствие денег. Эразм вышел из Штейновского монастыря почти нищим. В течение многих лет он вел многотрудную жизнь бедного студента, борясь с нуждой и добывая средства к жизни уроками, которые он давал в богатых домах, да случайными подачками, перепавшими ему от времени до времени. Его первые произведения, появившиеся в печати, быстро доставили ему известность, но еще не принесли ни гроша. Правда, у него уже завелись многочисленные связи в знатных кругах, и при их помощи он легко мог бы получить какую-нибудь прибыльную церковную должность. Но он ревниво оберегал свою независимость и ничем не желал заниматься, кроме науки и литературы. Поэтому заветная мечта его об итальянском путешествии долгое время оставалась неосуществленной. По его расчетам, на поездку нужно было ему иметь около двухсот французских ливров. Это в точности соответствовало той пенсии, которую писатель получал ежегодно от просвещенной благотворительницы, голландской маркизы ван-Веере. Оставалось, следовательно, выпросить эту пенсию авансом за год вперед. Эразм не раз обращался к самой маркизе и ее управителю с соответствующими просьбами, но постоянно наталкивался на отказ. Лишь в 1506 г. судьба неожиданно пришла к нему на помощь.

Генуэзец Баптиста Боэрио, лейб-медик и фаворит Генриха VIII, первого английского короля из династии Тюдоров, вознамерился отправить в Италию двух своих сыновей для окончания образования в тамошних университетах. Особый гувернер-англичанин сопровождал обоих молодых людей, а Эразму доктор Боэрио предложил состоять при них в качестве репетитора по древним языкам. Таким образом, поездка могла состояться.

Путешественники прибыли в Париж в июне 1506 г. Здесь в это время печатались в типографии Бадиуса новые произведения Эразма, а именно: переводы на латинский язык диалогов Лукиана и трагедий Эврипида «Гекуба» и «Ифигения в Авлиде». То и другое должно было выйти в свет не позже осени. Исправив корректуры, Эразм со своими спутниками проследовал далее через Орлеан и Лион и в августе миновал альпийские перевалы. В дороге, по своему обыкновению, он занимался сочинительством и написал длинное, хотя довольно слабое стихотворение, которое сам он называет: «Стихотворение кавалерийское или, вернее, альпийское».

В начале осени путешественники прибыли в Турин и здесь сделали первую продолжительную остановку. Эразм воспользовался этим случаем, чтобы проделать в тамошнем университете

церемонию ученого диспута и получить наконец недостававший ему титул доктора богословия. Это было довольно резкое отступление от обычаев тогдашних гуманистов, особенно итальянских, которые, вообще говоря, гнушались университетскими званиями и почестями, неразрывными с изучением ненавистной схоластики. Но Эразм хорошо понимал, что на его родном севере несколько иначе смотрят на этот предмет. И, действительно, парижский издатель поспешил снабдить уже готовую к выходу в свет книгу следующей заметкой: «Итак, прилежный читатель, здесь ты имеешь несколько диалогов Лукиана, переведенных на лучший латинский язык Эразмом Роттердамским, ученейшим мужем, который недавно украсился лаврами священного богословия».

Получив докторский диплом, Эразм отправился в Болонью, где молодые Боэрио должны были приняться за изучение юриспруденции. Они проехали насквозь всю Ломбардию и осмотрели в Павии знаменитую тамошнюю Чертозу, в то время еще недостроенную. Но путешествие совершалось при не особенно благоприятных обстоятельствах. Война свирепствовала на всем пространстве к югу от Альп. Армия французского короля Людовика XII занимала страну, а папа Юлий II старался отстоять мечом города и области, отторгнутые от церковных владений.

В Болонье господствовало семейство Бентиволио – непримиримые враги папы. Покорив Перузу, армия святого престола двинулась против них. Война внушала Эразму глубокое отвращение. Он поспешил покинуть Болонью и отправился искать убежища во Флоренции.

По всем вероятностям, он прибыл туда в конце октября. Сколь это ни удивительно, но по-видимому Флоренция, один из главных очагов итальянского Возрождения, не произвела особого впечатления на ученого путешественника. А между тем он попал в этот город в весьма примечательный исторический момент. Медичи уже были изгнаны, движение, вызванное проповедями Савонаролы и столь враждебное наукам и искусствам, кончилось, в республике было восстановлено народное правление, и там, в одном из немногих мирных уголков истекавшей кровью Италии, работали в то время Леонардо да Винчи, Микель Анджело, Рафаэль, фра Бартоломео и Андреа дель Сарто. Но Эразм почти не упоминает в своей переписке о несравненных флорентийских мастерах. Пламенный народный трибун Савонарола представляется ему невежественным крикуном-монахом, нарушителем общественного спокойствия. Он даже порицает итальянских государей за ту расточительность, с которой они тратят деньги на сооружение памятников искусства. Конечно, в качестве гуманиста он не мог не помнить, что Флоренция была колыбелью возрождения классической древности, что здесь жили и работали Анджело Полициано и Поджио. Но он ни с кем не сводит знакомства на берегах Арно. Он даже, по-видимому, не знает, что должность секретаря республики занимает такой знаток античной литературы, как Маккиавелли. Если судить по письмам, Эразм находится в очень скверном настроении духа и целые дни проводит запершись у себя в комнате, где всё еще работает над переводом диалогов Лукиана.

Пребывание во Флоренции продолжалось около шести недель. В первой половине ноября Эразм смог снова вернуться в Болонью, откуда Бентиволио бежал и куда теперь с триумфом вступал папа, окруженный кардиналами. «Он был воистину достоин имени Юлия», писал Эразм насмешливо. Его святейшество вступил в победенный город через брешь в стене, облаченный в кирасу словно Юлий Цезарь. Главная улица Болоньи была убрана коврами, воинскими трофеями и триумфальными арками с надписями: «Юлию Второму, победителю тиранов». Дамы махали платками, стоя на эстрадах, воздвигнутых на пути этой процессии. Сто молодых людей, принадлежащих к местной аристократии, маршировали впереди будто пленники, предшествующие колеснице победоносного римского императора. Молодые девушки бросали розы к ногам верховного первосвященника, который подвигался под шелковым балдахином в сопровождении двадцати трех кардиналов. Эразм любовался на это странное зрелище папы-полководца, затерявшись в толпе любопытных. Он испытывал скуку и негодование. Вид воинских почестей, воздаваемых старейшему христианскому епископу, был ему глубоко противен: «Я не мог не скорбеть в глубине души, – пишет он, – когда сравнивал величие апостолов, побеждавших мир при помощи небесного учения, с этими триумфами, которых должны были бы стыдиться даже христианские государи».

В своих письмах, относящихся к данному времени, он не перестает жаловаться на неудобства, связанные для него лично с затянувшейся войной:

«Я приехал в Италию главным образом с целью усовершенствоваться в греческом языке, – говорит он, – но, увы, война неистовствует здесь; я постараюсь уехать возможно скорее. В день св. Мартина папа Юлий вступил в Болонью и на другой день священнодействовал в местном соборе. Здесь ждут прибытия императора и готовятся к походу на венецианцев на тот случай, если они не склонятся перед волей папы. А тем временем все ученые занятия прекратились».

Пребывание в Болонье, вопреки желанию Эразма, затянулось на целых тринадцать месяцев. Писатель то и дело жаловался на скверный климат этого города и ссорился с английским губернатором молодых Бозерио. Этих ссор он долго не мог позабыть, и двадцать пять лет спустя он всё еще называл своего спутника чудовищем и боровом.

В конце 1507 г. Эразм покинул должность наставника в семействе Бозерио. Избавившись от этого бремени, он получил возможность продолжать путь по собственному усмотрению. Он уже успел завязать переписку с Альдом Мануцием, славным венецианским типографщиком, которому переслал рукописи своих новых произведений и с которым уже договорился относительно переиздания в расширенном и дополненном виде сборника древних пословиц, опубликованного ранее в Париже. Желая лично наблюдать за этим изданием, Эразм направился в Венецию, куда и прибыл в начале 1508 года.

2

В ту эпоху, когда Эразм впервые появился в городе лагун, республика св. Марка, благодаря своему флоту и своей торговле с Востоком, еще считалась самым богатым и могущественным из итальянских государств. Впрочем, политическое ее значение уже начало несколько умаляться, но зато она была теперь более, чем когда-либо, центром литературной и художественной деятельности. В это время заканчивался постройкою двор Палаццо дождей. Беллини, Чима, Карпаччио, Джорджоне, старик Пальма и молодой Тициан украшали своей кистью дворцы и церкви. Умственная жизнь Венеции выгодно отличалась в том отношении, что в ней никакой роли не играли университетские интриги и козни. Университет «Наияснейшей Республики» находился в Падуе, а в самой Венеции наукой и литературой занимались люди, принадлежавшие к местному патрициату, богатые и знатные любители, вежливые и утонченные, расширившие свой умственный кругозор благодаря постоянным сношениям с Востоком и Грецией. Скромный домик недалеко от Риальто, где помещалась типография Альда Мануция, был средоточием венецианского гуманизма. Альд поддерживал переписку с виднейшими учеными Германии, Франции и Англии. Каждая новая книга, выходящая из-под его станков, была настоящим событием в литературном мире.

Впрочем, в 1508 году дела издательства находились не в особенно цветущем состоянии. Тяжело сказывалась война, грозившая лишить Венецию всех ее владений на материке. Тем не менее, Альд продолжал работать, подготавливая новые, критически проверенные издания классиков. В такое-то время к нему в двери постучался желанный гость.

Случилось так, что никто не ожидал его. Слуга объявил посетителю, что хозяин никого не принимает в эти часы. «Я – Эразм из Роттердама», – сказал незнакомец. Слуга, не торопясь, отправился доложить своему господину о появлении иностранца. Альд тотчас же выбежал из внутренних покоев, рассыпался в извинениях, расцеловал Эразма, не позволил ему остановиться в гостинице, а устроил у своего тестя Андреа д'Азола, а затем в скором времени перевел его в свой собственный дом.

Семья Альда была весьма многочисленна: тридцать три человека садилось за стол, считая в том числе и слуг. Тесть Альда, Андреа д'Азола, руководил технической частью типографских работ; его сыновья, Франческо и Федерико, помогали ему. Все работали дружно и весело.

Новый гость этой семьи, встреченный с чрезвычайным радушием, имел только одну причину жаловаться. У себя в Голландии он привык есть жирно и сытно, а за столом у Альда царил строгая экономия, переходившая в скупость. Эразм рассказывает, что там на столе красовались кислое вино, заплесневелый хлеб, масло и яйца сомнительной свежести. «Нам подавали, – рассказывает он, – семь листиков салата, плававших в уксусе, и это на девять сотрапезников. Я им казался обжорой». Встревоженные хозяева направили к нему домашнего врача, который заклинал гостя умерить свой аппетит, уверяя, что в местном климате для уроженцев севера бывает чрезвычайно опасно кушать вволю по обычаям своей родины. Эразм угадал, откуда исходит этот совет, и посмеялся над ним. Но вскоре ему пришлось раскаться, так как он действительно захворал от последствий своей невоздержанности.

Все эти мелкие неприятности не мешали ему с головой погрузиться в работу. Почти всё его время уходило на редактирование и пополнение сборника «Adagia». Это сочинение было одним из самых крупных памятников эрудиции эпохи Возрождения и в новом издании представляло собою почти совершенно новую книгу, настолько отличалось оно по своему объему от первого издания, выпущенного в Париже в 1500 году. Рабочие типографии Альда были очень искусны в своем ремесле и печатали книги с неслыханной для того времени быстротой. Эразм правил авторскую корректуру. Работать приходилось в помещении типографии среди стука печатных станков. «Альд удивлялся, – рассказывает Эразм, – что я могу писать, несмотря на ужасный шум, производимый рабочими. Он перечитывал корректуры после меня, и, когда я его спрашивал, почему он берет на себя эту обузу, он отвечал: – Я тоже хочу поучиться».

После восьми или десяти месяцев напряженного труда огромный фолиант вышел наконец из печати. Ничто более не связывало Эразма с Венецией. Но Альд и Андреа д'Азола постарались удержать при себе подольше ученого друга, который был столь полезен для их предприятия. Эразм, закончив сборник пословиц, продолжал некоторое время трудиться над текстом комедий Плавта и Теренция и трагедий Сенеки. Многочисленные рукописи, хранившиеся в библиотеке св. Марка, были им тщательно использованы.

Среди венецианских писателей и ученых, встреченных Эразмом в доме Альда, он свел знакомство с одним человеком, с которым несколько лет спустя ему пришлось столкнуться при совсем иных, более критических обстоятельствах. То был Джироламо Алеандро, прекрасный латинист, недурно также знавший древне-еврейский язык и собиравшийся ехать в Париж, куда его приглашали для чтения лекций в университете. Этому скромного молодого ученого ожидала блестящая карьера. В ближайшем будущем ему предстояло сделаться архиепископом города Бриндизи, папским библиотекарем и, наконец, кардиналом. При первых признаках великой церковной смуты, которая впоследствии потрясла Германию, Алеандро отправился туда в качестве папского нунция. Эразм уже не был более скромным священником, занятым только античными текстами, каким он появился в Венеции. Германия, Англия и Франция прислушались к его словам и готовились последовать его примеру в вопросе о церковной реформе. Алеандро несколько раз упрекал знаменитого гуманиста за его слишком терпимое отношение к Лютеру. Эразм, с своей стороны, имел основание быть недовольным папским нунцием. Жестокие слова были сказаны с обеих сторон, но всё же прежним друзьям удалось избежать окончательного разрыва, и в этом, быть может, сыграли роль воспоминания о мирной, спокойной жизни под патриархальным кровом Альда.

В 1508 году еще не могло быть и речи ни о Лютере, ни о реформе. Никто в Венеции не предвидел грядущих бурь. В кружке Альда все споры ограничивались вопросами светской литературы. Эразм еще не принимался за свои труды по истолкованию священного писания. Он был всецело поглощен изучением древних классиков.

3

Из Венеции Эразм отправился в Падую, где его поджидал новый ученик. Восемнадцатилетний архиепископ Александр, побочный сын шотландского короля Иакова IV, в сопровождении целой свиты явился в Италию заканчивать высшее богословское образование. Эразм был приглашен посвятить его в таинства греческого языка и литературы. Любопытно распписание дня, которое он установил, взяв на себя руководство занятиями молодого прелата. Каждое утро архиепископ переводил отрывок из какого-нибудь греческого автора. После полудня он занимался музыкой, учился играть на флейте и на лютне и упражнялся в пении. Во время обеда и ужина походный капеллан читал ему вслух творения отцов церкви. После обеда Александр посвящал время своему любимому занятию, изучая латинских историков. Эразм сочинял для него небольшие рассуждения на философские и моральные темы. Такие рассуждения назывались тогда «декламациями». Это стоит отметить потому, что написанное несколько месяцев спустя «Похвальное слово Глупости» тоже носит подзаголовок *Declamatio*.

Пребывание в Падуе пришлось чрезвычайно по вкусу Эразму. Занятый педагогическими трудами, он не оставлял и самостоятельных научных занятий, с целью окончательно усовершенствоваться в греческом языке, и усердно посещал вместе со своим питомцем лекции знаменитого эллиниста Музуруса, ученого издателя творений Платона. Вся свита архиепископа состояла из завзятых классиков. Один из учителей Александра, Рафаэль Реджио, старик шестидесяти лет, в числе первых появлялся каждое утро на скамьях университетской аудитории, мечтая научиться греческому языку, который он не успел усвоить в молодости.

К великому сожалению Эразма, приятная и мирная жизнь в Падуе скоро должна была прерваться. 10 декабря 1508 года в городке Камбрэ был подписан союзный договор между императором, папой, королями французским и испанским. Этот договор, направленный против Венеции, изменил расположение фигур на шахматной доске европейской политики. Все владения св. Марка на твердой земле, и прежде всего Падуя, оказались под ударом. Надо было искать другого, более безопасного убежища. «Проклятые войны!» – восклицает Эразм в одном из своих писем: – «они мешают мне наслаждаться этой областью Италии, которая с каждым днем нравится мне все больше и больше».

Архиепископ Александр перебрался со своими спутниками из Падуи в Феррару. Здесь застали они блестящий двор прославленной красавицы Лукреции Борджиа. Молва называла эту женщину отравительницей и мужеубийцей, но это не мешало гуманистам искать у нее покровительства, и феррарский двор славился своей образованностью. Эразму очень хотелось закончить здесь зиму, но на его горе герцог Альфонсо, в то время пользовавшийся довольно опасной честью быть супругом Лукреции, собирался принять участие в начинавшейся войне. Пришлось продолжать путешествие, и длительную остановку удалось сделать только в Сиенне. Отсюда всего несколько дней пути оставалось до Рима, и Эразм, конечно, воспользовался случаем, чтобы навестить вечный город.

Пышная столица цезарей и пап более чем наполовину лежала в развалинах, но развалины эти были такого рода, что к ним не мог остаться равнодушным поклонник классической старины. Многие древние здания, впоследствии исчезнувшие, например, термы Константина, еще стояли на своих местах. Многие другие, в том числе Колизей, еще не были так изуродованы, как в настоящее время. Но напрасно станем мы искать в письмах и сочинениях Эразма отклика на впечатления, произведенные зрелищем грандиозных руин, которые покрывали Авентинский и Эсквилинский холмы. Весь поглощенный литературными интересами, он почти ни слова не говорит об архитектурных памятниках. Его интересовали только библиотеки да общество римских гуманистов.

Из этих последних он ближе всего сошелся с Томасо Инграмини, хранителем ватиканского книгохранилища. Это был модный проповедник, говоривший не иначе, как изысканной цicerоновской латынью. Он носил прозвище Федро, данное ему потому, что в молодости он однажды с чрезвычайным успехом исполнил женскую роль царицы Федры в трагедии Сенеки «Ипполит». Эразм описывает нам одну проповедь, произнесенную этим типично римским прелатом и представлявшую собою наглядную историческую иллюстрацию к одной из глав «Похвального слова». Дело происходило на страстной неделе. «Не упустите случая, – говорили Эразму его ученые друзья: – вы услышите римскую речь, льющуюся из истинно римских уст». Церковь была переполнена. Сам Юлий II присутствовал собственной особой и сидел в креслах против кафедры. Проповедник начал торжественным восхвалением папы и его недавних воинских подвигов. Затем, обратившись к главному предмету своей речи, а именно – к крестной жертве Христа, он едва упомянул это имя и тотчас же стал распространяться о самоотвержении Дециев, Курция и даже Ифигении. В течение двух часов читал он восхищенным слушателям витиеватую лекцию по римской истории.

Несмотря на краткость своего пребывания в Риме, Эразм успел возбудить всеобщие симпатии. Тщеславные итальянцы, полагавшие, что им принадлежит монополия умственного образования, искренно удивлялись, видя необыкновенную ученость, остроумие и любезность «северного варвара». Эразм получил несколько весьма лестных предложений, и от него одного зависело навсегда обосноваться в Риме. Рафаэль Риарио, племянник Юлия II, и кардинал Джованни Медичи, будущий папа Лев X, сулили ему блестящую церковную карьеру, соблазняя красной кардинальской шляпой, которая должна была ему достаться рано или поздно в воздаяние ученых заслуг. Эразм колебался. Ни один город тогдашней Европы не представлял таких удобств для занятий классиками, как Рим. Римские библиотеки, еще не разграбленные солдатами императора, которые опустошили священный город в 1528 году, таили в своих стенах сокровища, необычайно заманчивые для филолога. Эразм уже готов был согласиться, тем более, что архиепископ Александр собирался обратно в Шотландию. Перед разлукой наставник и ученик предприняли совместно поездку в Неаполь, где осматривали пещеру Кумской Сивиллы. Затем молодой архиепископ направился к себе на родину, где несколько лет спустя его ожидал трагический конец в сражении с англичанами под Флоуденом, а Эразм снова поехал в Рим, быть может, с намерением окончательно там поселиться. Неожиданное обстоятельство изменило его планы.

22 апреля 1509 года умер английский король Генрих VII, и на престол вступил его сын, воспитанный гуманистами. Новое царствование начиналось при необычайно благоприятных предзнаменованиях с точки зрения ученой братии. Друзья Эразма настойчиво приглашали его вернуться как можно скорее. Лорд Вильям Монтжой писал ему 27 мая:

«Если бы ты видел, милый Эразм, как здесь все радуются, как счастливы все, имея такого государя. Небо смеется, земля ликует, повсюду лишь мед, млеко и нектар. Скупость обратилась в бегство, щедрость полными горстями распределяет свои дары. Наш король не ищет золота, редких камней и дорогих металлов, но стремится единственно к добродетели и славе. Чтоб дать тебе некоторое понятие об этом, сообщаю разговор, происходивший на днях: он выразил в моем присутствии желание сделаться еще более образованным. «Мы не ждем от вас этого, государь, – сказал я ему: – мы лишь надеемся, что вы будете любить ученых и покровительствовать им». – «Как же иначе? – ответил он, – ибо что я буду представлять собою без них?» Никогда монарх не изрекал столь прекрасных слов. Я хотел рассказать тебе в самом начале этого письма о достоинствах нашего божественного государя, дабы ты тотчас же отогнал прочь всякую тоску, ежели случайно она тобой владеет, и дал полный простор честолюбивым помыслам и надеждам».

К письму был приложен переводный вексель для оплаты путевых расходов. Колебания Эразма кончились. Ему казалось, что блистательное будущее ожидает его в Англии, и он решил отказаться от мирной, спокойной жизни, которая открывалась перед ним в Риме. Он понимал, что в столице пап, среди льстивых и коварных итальянцев, он никогда не будет чувствовать себя вполне дома. Папский Рим с его кознями и интригами, с его католицизмом, переходившим в откровенное язычество, несколько шокировал его, несмотря на все свои обольщения. Всего несколько лет спустя другой выходец из немецких земель, доктор Мартин Лютер, тогда еще никому неизвестный августинский монах, тоже побывал в Риме по делам своего ордена и бежал в ужасе из этого города, показавшегося ему новым Вавилоном. Моральный ригоризм Лютера был чужд Эразму, но все-таки ему трудно было примириться с римским, чрезмерно широким взглядом на вещи. Поэтому он предпочел уехать.

Через Ломбардию и Шплюгенский перевал он достиг Констанца. Оттуда по долине Рейна он проехал сухим путем в Страсбург, где сел на корабль, доставивший его в Голландию. Чтобы убить скуку во время пути, он начал сочинять «Похвальное слово Глупости», законченное им в деревенском доме Томаса Мора по прибытии в Англию в том же 1509, а может быть, в 1510 году.

4

Так возникла эта книга, которой суждена была столь широкая известность. По своему замыслу она близко примыкает к «Королю глупцов» Себастиана Бранта, изданному в Базеле в 1494 году. Но по своему оформлению, живая и остроумная, густо насыщенная классической эрудицией, сатира Эразма разительно отличается от тягучих и пресных виршей немецкого стихоплета. С большим основанием можно ее сопоставить с «Похвальным словом подагре», которое сочинил шутики ради нюрнбергский патриций-гуманист Вилибальд Пиркгеймер. Здесь применен с успехом тот же прием насмешливой пародии. Однако сатира Эразма несравненно смелее, охват ее шире, и темой ее является вся жизнь современного писателю общества. Западная Европа первых лет XVI века показана здесь в косом разрезе. Все классы и сословия, начиная от владетельных князей и самой римской курии и кончая смиренными бюргерами немецких и голландских захолустных городков, получили свою долю в издевательствах, которыми богиня Глупость осыпает «повседневную жизнь смертных». Эразм никого не пощадил, даже ближайших своих друзей, каковы Томас Мор, Альд Мануций и Инграмини. Не постеснялся он бросить мимоходом весьма прозрачный намек по адресу грозного папы Юлия II, не дал потачки и могущественным корпорациям, каковы университетские богословы, классики-гуманисты и монахи различных орденов. При других исторических обстоятельствах столь откровенная насмешка вызвала бы бурю негодования. Но в описываемую эпоху господствующие классы еще не понимали той опасности, которой грозило им недавно изобретенное типографское искусство. Книжка была встречена с единодушным восторгом как раз в тех кругах, которые явились ближайшим объектом сатиры. Римский двор не почувствовал себя задетым. Порфиноносные кардиналы смеялись от души, читая меткие обличения заезжего голландца, и сам Альд предложил автору выпустить новое издание книги. Переводы ее на живые европейские языки начали появляться немедленно, и она разошлась в десятках тысяч экземпляров – цифра неслыханная для тогдашней книжной торговли. Успехи «Похвального слова» можно сравнить

только с успехом «Женитьбы Фигаро» Бомарше. Оба эти произведения появились накануне великих исторических кризисов, оба они осмеивали в легкой и забавной форме пороки и слабые стороны общества, обреченного в ближайшем будущем вынести жестокие потрясения, оба были вестниками переворота, который, однако, вовсе не входил в расчеты их авторов. По отношению к Эразму это даже еще более справедливо, нежели по отношению к Бомарше. При помощи иронии, тонкой, как осиное жало, Эразм мечтал исправить пороки окружающей его среды. В своем трезвом, рассудочном эгоизме кабинетного работника и литературного гурмана он нисколько не хотел потрясать самые основы того режима, с которым было тесно связано его личное благополучие.

Но книга, написанная и изданная в свет, уже перестает принадлежать своему автору, который не имеет средств умерять или регулировать ее действие. Шутливая сатира произвела впечатление разорвавшейся бомбы в спертый, грозовой атмосфере, которая установилась в германских землях в начале XVI столетия. Сложное сплетение противоречивых классовых интересов, общая обстановка жестокого хозяйственного кризиса и тягостное напряжение, всегда предшествующее открытой борьбе, объединились, чтобы создать для голоса насмешницы-Глупости такой резонанс, какого никогда не ждал и не предвидел Эразм. Если бы он заранее знал, какие практические выводы будут сделаны читателями его книги, он, вероятно, собственноручно бросил бы рукопись в огонь.

В Англии Эразма встретили с великим почетом в ученом кружке, группировавшемся вокруг архиепископа Уорхэма и оксфордского богослова Колета, вскоре избранного на должность декана собора св. Павла. Писатель не прервал своих научных занятий, но предмет их изменился. Среди северных гуманистов господствовали иные, более серьезные и более практические умственные интересы. Здесь уже поговаривали о реформе церкви «во главе и в членах», и порицали обмирщение, жертвой которого сделалась римская курия. Вместо античных языческих писателей Эразм усиленно начинает заниматься христианской древностью: издает и комментирует труды отцов церкви и подготавливает критическое издание Нового завета. Эти его произведения, хотя совершенно иными путями, должны были послужить той же цели, что и «Похвальное слово Глупости». Они давали остро отточенное оружие в руки будущих реформаторов. И этого Эразм тоже не предвидел. Тем неожиданнее явился для него последовавший вскоре затем взрыв.

Слава его росла. Не только в области филологии, но и в области богословия он становился общепризнанным европейским авторитетом. Дни нужды миновали. Он был осыпан подарками и почестями, поддерживал переписку с коронованными особами и князьями церкви и носил титул императорского советника.

Он продолжал свои обычные разъезды из страны в страну, но его любимым пребыванием становится вольный город Базель, где в кругу богатых и просвещенных бюргеров усердно культивировалось изучение классиков и где писатель нашел нового издателя для своих трудов, в лице известного Фробена, занимавшего теперь в книжной промышленности то место, которое недавно принадлежало Альду.

Эразм имел все основания быть довольным своей судьбой, и будущее рисовалось ему в розовом свете. Ему казалось очевидным то, что новая эпоха наступает в жизни человечества. Не он один лелеял эту мечту. Ее разделяли почти все тогдашние гуманисты. Хотя они привыкли щеголять республиканскими фразами, заимствованными у древних авторов, их политическим идеалом в действительности был просвещенный и благожелательный деспотизм. И вот обстоятельства складывались так, что идеал этот как бы осуществлялся воочию во всех главнейших европейских странах. Англией правил ученый латинист и теолог Генрих VIII. Во Франции царствовал Франциск I, тароватый любитель всяческих наслаждений, в том числе и умственных. Императором Священной империи был избран юный испанский король Карл, истинный характер которого в то время был мало известен, но которому тоже приписывали симпатии к новейшему просвещению. Наконец в самом Риме старому буйному солдату Юлию II наследовал Лев X, сын Лоренцо Великолепного, отпрыск семьи Медичи, в которой меценатство было семейной традицией. Гуманисты верили, что золотой век готов снизойти на землю. Вместо этого перед ними, говоря их собственным языком, растворился ящик Пандоры.

Катастрофа разразилась внезапно и неудержимо, словно стихийный пожар или вулканическое извержение. Сварливая перебранка двух монахов по вопросу об отпущении грехов перешла в распрю, которая залила кровью Европу и задушила в дыму костров свободную мысль и науку Возрождения. Церковная схизма, дворянское восстание, крестьянский мятеж и мистический

коммунизм перекрещенцев, словно всадники Апокалипсиса на известной гравюре Дюрера, пронесли над Германией. В Испании остервенилась инквизиция. Во Франции стали сжигать людей живьем за чтение Библии на французском языке. В Англии вопрос о королевском разводе привел к отпадению страны от Рима и к жестокой расправе с католиками. Генрих VIII, прилежный и благонравный ученик гуманистов, вдруг превратился в свирепого тирана, похожего на героя сказки о Синеи Бороде, и Томас Мор, шутник и вольнодумец, взошел на плаху, как мученик за католицизм. Молодой император поднялся войной на папу, и грубые ландскнехты, наслушавшиеся проповедей Лютера и Карльштата, разгромили Рим. Эразм был в ужасе и отчаянии. Профессиональный идеолог, чуждый практической политики и не имевший понятия об экономике, он был не в состоянии осмыслить хаос, воцарившийся вокруг него. Его душевное состояние этих лет заставляет нас вспомнить о тех либеральных буржуа, которые накануне 1848 года увлекались идеями народоправства и были застигнуты врасплох социалистическим рабочим движением.

Обе борющиеся партии – католики и реформаты – громко зывали к автору критического издания Нового завета, приглашая его высказаться. К какому же лагерю принадлежит он в конце концов? За кого он стоит – за Лютера или за папу? В течение нескольких лет старый хитрец увертывался от ответа, поддерживая более или менее приятельские отношения с представителями обоих враждующих станов. Затем, раздраженный грубыми выпадами протестантов, он объявил себя против реформы. Это оттолкнуло от него многих прежних друзей, о немало не удовлетворило католических фанатиков. На старости лет Эразм вдруг очутился в смешной и глупой позиции человека, севшего между двух стульев.

5

Не место рассказывать здесь об ядовитой полемике Эразма с виттенбергским реформатором. Вернемся поэтому к «Похвальному слову Глупости». Что представляет оно собою – исторический памятник, служащий только для познания прошлого, или литературное произведение, которое и в наши дни можно читать независимо от историко-исследовательских целей? Нет спора: очень многое устарело в этой сатире за четыре слишком столетия, протекшие со времени ее написания. Весь быт, вся социальная структура Западной Европы коренным образом изменились. Римские папы потеряли светскую власть, и их суверенитет теперь ограничен тесными пределами Ватиканского дворца с его садами. Немецкие епископы больше не выезжают в поле, вооруженные до зубов, для защиты своих владений. Католические богословы хотя и не отказались окончательно от Фомы Аквината, но уже не делают тех наивных ошибок в латинском языке, над которыми так зло потешался Эразм. Они отстаивают древнее безумие новыми, усовершенствованными методами.

Устарела и внешняя форма «Похвального слова». Его пародийная соль остается незаметной для современного читателя, не искушенного в школьной риторике XV века. Постоянные ссылки на классическую древность требуют многословного и утомительного комментария. Сатира, восхищавшая современников своей грацией и легкостью, ныне кажется несколько тяжеловесной. И всё же иные страницы «Похвального слова» сохранили до наших дней первоначальную свежесть и по-прежнему бьют прямо в цель. Царица Глупость продолжает править миром. Она только переменяла одежду да нацепила другую личину. Она уже не щеголяет в пестром наряде придворного шута с погремушкой в руках и не переодевается, смеха ради, в долгополую мантию схоластического педанта. Гораздо легче представить ее себе во фраке дипломата, в солидном сюртуке университетского профессора, в элегантном пиджаке бульварного журналиста. Она рассуждает уже не о богословии, а о политической экономии и о кантовской философии, цитирует Шпенглера, Ницше и Ромена Ролана. Она стала хитрее, лицемернее, неуловимее, но по-прежнему «на всех смертных равно изливает свою благостыню».

Перевод «Похвального слова» представляет значительные трудности не потому, что Эразм писал темным и непонятным языком, но потому, что не всегда удастся уловить двойственный характер стиля, по существу своему искусственного и пародийного. Глупость произносит витиеватую, напыщенную речь по всем правилам старинной элоквенции. И для того, чтобы нынешний читатель мог почувствовать специфические особенности этой речи, ей приходится сообщать умышленно архаический оттенок. Но, вместе с тем, богиня Глупость, верная своей природе, то и дело срывается с тона, впадает в вульгарную развязность, высказывается откровенно и напрямик обычным разговорным языком. Чтобы сохранить эту двойственную стилистическую физиономию подлинника, пришлось во многих местах пожертвовать буквальной точностью

перевода. Кроме того нескончаемые латинские периоды, которые в переложении на русский язык могли бы показаться чересчур громоздкими, разделены на самостоятельные фразы. Отдельные греческие слова и выражения, которыми обильно уснащен оригинал, в русском тексте набраны курсивом. Для перевода послужило новое критическое издание, выпущенное И.Б. Каном в Гааге, в 1898 году. В книге воспроизводятся иллюстрации, нарисованные Гансом Гольбейном Младшим на полях принадлежавшего ему экземпляра первого издания «Похвального Слова».

П.К. Губер.

Марина Ипатьева. Комментарии к «Похвале глупости»

I. Лица русских изданий «Глупости»

В моей публикации «Восхваления Глупости» использовались два русских издания этого сочинения, разделенные 29 годами истории: издание «Academia» 1931 года и издание ГИХЛ 1960 года. В этих изданиях своим литературным творчеством присутствовали четыре человека:

- Петр Константинович Губер перевел «Глупость» на русский язык, дал комментарии к изданию 1931 года и написал в нем статью об Эразме;
- Ивар Тенисович Смилга написал предисловие к изданию 1931 года;
- Симон Перецович Маркиш отредактировал перевод Губера для издания 1960 года;
- Леонид Ефимович Пинский дал комментарии к изданию 1960 года и написал в нем эссе о «Глупости» Эразма.

Познакомимся теперь ближе с этими четырьмя лицами.

1. Губер, Петр Константинович

Губер-кадет

Губер-литератор

В настоящее время о Губере нет статьи в Википедии; разбросанные по многим другим интернетовским ресурсам сведения отрывочны и противоречивы. Пожалуй, за наиболее достоверную основу можно принять справку о нем, выданную КГБ СССР в 1990 году в ответ на запрос Союза писателей. Вот эта справка:

*

Комитет Государственной безопасности СССР
Управление по Ленинградской области
11 марта 1990 года, № 10/28-517
Ленинград

Губер, Петр Константинович, 16 сентября 1886 года рождения, уроженец г. Киева, русский, гражданин СССР, беспартийный, литератор (член ССП), проживал: Ленинград, наб. р. Карповки, дом 23, кв. 1

- жена – Губер Ада Аркадьевна, 1892 года рождения
- сын – Губер Константин Петрович, 1914 года рождения
- сын – Губер Александр Петрович, 1919 года рождения

дочь – Губер Наталья Петровна, 1907 года рождения

дочь – Бюкинг Елена Петровна, 1911 года рождения

Арестован 26 августа 1938 года Управлением НКВД по Ленинградской области. Обвинялся по ст. 58-10 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда), 58-11 (организационная деятельность, направленная к совершению контрреволюционного преступления).

Постановлением Особого Совещания при НКВД СССР от 10 ноября 1939 года определено содержание в ИТЛ сроком на 5 лет.

Был направлен в Кулойлаг НКВД (ст. Архангельск).

Постановлением Президиума Ленинградского Городского суда от 11 июля 1961 года постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 10 ноября 1939 года в отношении Губера П.К. отменено, и дело за отсутствием в его действиях состава преступления прекращено.

Губер П.К. по данному делу реабилитирован.

Из материалов дела

Губер П.К. в 1904 году в Полтаве окончил кадетский корпус и поступил на экономическое отделение Петроградского политехнического института. Окончил в 1909 году.

В 1914 году окончил юридический факультет Петроградского университета.

В этом же году уехал на фронт по линии Красного Креста.

В 1915 году ушел из Красного Креста и поступил военным чиновником-переводчиком в штаб 6-й армии, где был до конца 1916 года.

В Петроград вернулся перед Февральской революцией и был назначен помощником коменданта Биржи труда.

Работал корреспондентом Петроградского [телеграфного] агентства.

В 1919 году при содействии Горького устроился переводчиком во «Всемирную литературу».

С 1921 года целиком отдался литературной деятельности.

С 1927 по 1930 год издал «Кружение сердца», «Месяц туманов», «Хождение на Восток Марко Поло».

В 1931 году выпустил перевод – «Похвальное слово глупости».

В 1934 году был принят в ССП.

Умер весной 1940 года в Архангельской области.

*

Другие источники называют датой смерти Губера 13 апреля (значит, умер в лагере в возрасте 53 лет). В архивах Политического Красного Креста, руководимого Е.П. Пешковой (женой Горького) есть обращение Губера от 25 октября 1935 года (заявление и автобиография). Там он сообщает, что его отец был генерал-лейтенантом медицинской службы (умер в 1916 году), семья к потомственному дворянству не принадлежала, земель и капиталов не имела. Сам он ни в каких партиях не состоял, на территориях, занятых белыми, и за границей не был. «Во время гражданской войны – сотрудник Управления по формированию госпиталей; потом – смотритель Васильевского Красного Креста армейского госпиталя». В 1921 году уволен в запас. Однако в этих документах Губер не упоминает, что учился в кадетском корпусе; в справке (видимо, составленной в ПКК) не упомянуты сыновья, а только жена Ада и дочь Наталья.

В этом обращении Губер сообщает, что его арестовали 4 марта 1935 года и 14 марта выслали в Архангельск с большой женой (и, видимо, с дочерью³²¹), где в течение 7 месяцев он не смог найти никакой работы и крайне бедствует. Он потерял связи с издательством, продал свою библиотеку, которую долго собирал и которая была его «рабочим инструментом». Просит разрешить ему вернуться в Ленинград, так как за ним нет никакой вины.

Как видно из справки КГБ, по паспорту Губер был русским (ни один источник не дает информации о его матери), но сайт «Немцы России» приводит его биографию, тем самым причисляя его к российским немцам. В немецком варианте фамилия: Huber.

³²¹ Дочери Наталье, если верна дата ее рождения в справке КГБ, в 1935 году исполнилось 28 лет.

2. Смилга, Ивар Тенисович

Ивар Тенисович³²² Смилга – латыш по национальности, родился 2 декабря 1892 года (по нашему календарю) в Вольмарском уезде Лифляндской губернии (ныне Валмиерский район Латвии), как пишет Википедия:

в городке Алоя в семье «хозяина»³²³ (так в свидетельстве о рождении) Тениса Смилге³²⁴ и его жены Аннетты Юлии Линде.

Помимо «хозяина», Тенис Смилга был еще лесником и школьным учителем, и в 1905 году, когда повсюду в Латвии устанавливались самочинные органы власти, был избран председателем волостного комитета. За это в 1906 году карательная экспедиция его расстреляла, что однозначно определило уход в революцию его 13-летнего сына Ивара. Он в 14 лет вступил в РСДРП, в 15 лет был впервые арестован, Февральскую революцию встретил в ссылке в Сибири, в марте 1917 приехал в Петроград, а в апреле в возрасте 24 лет был избран в ЦК большевистской партии.

Так что во время Октябрьской революции Смилга был членом ЦК – наравне, например, со Сталиным. (Смилга был «куратором» Финляндии, находился в Гельсингфорсе и обеспечивал переброску в Петроград верных большевикам войск). Он был избран в Учредительное собрание от Северного фронта и присутствовал на его единственном заседании. В Гражданскую войну был членом Реввоенсоветов различных фронтов, а с 31 мая 1919 – начальником Политуправления РККА, то есть – начальником всех красных комиссаров.

Смилга был членом ЦК в 1917–1920 и 1925–1927 годах, а в промежутке три раза кандидатом в члены ЦК.

Смилга был личным другом Троцкого. Его дочь Татьяна Иваровна Смилга-Полуян в воспоминаниях, опубликованных в Интернете под датой «9 ноября 2007 года», рассказывает, как к ним в гости приходил Зиновьев (которого они с сестрой не любили) и Троцкий с женой (которых они очень любили).

Мать Татьяны и жена Смилги, Надежда Васильевна Полуян,³²⁵ студентка Высших медицинских курсов, вступила в большевистскую партию в 1915 году и была в 19 лет выслана с Киева в Сибирь, где и встретила Ивара Смилгу. В ссылке они прожили вместе 2 года; Татьяна родилась 22 мая 1919 года; она была старше сестры.

Когда Троцкий проиграл борьбу со Сталиным, Смилга потерял всякое влияние, в 1927 году был снят со всех постов, исключен из партии и приговорен к 4 годам ссылки в Минусинск. В 1930 году «покаялся», заявил о разрыве с троцкизмом, вернулся в Москву, был восстановлен в партии и назначен заместителем председателя Госплана СССР. Именно к этому периоду относится его литературная деятельность, в частности, Предисловие к академическому изданию «Похвалы Глупости».

После убийства Кирова Смилга был арестован 1 января 1935 года. Его жена была арестована спустя полтора года 1 июля 1936 года. 10 января 1937 года Военной коллегией Верховного

Ивар Смилга

³²² В русской (а от нее и английской) Википедии неправильно указано отчество с ударением на «и» (видимо, по образцу «Денисович»). Тенис – это старинное латышское имя, весьма распространенное в XIX веке, но теперь практически исчезнувшее.

³²³ В 1860 году царь Александр II издал указ, согласно которому дворяне-землевладельцы в Балтийских губерниях обязаны были предоставлять крестьянам землю на выкуп в рассрочку. В следующие десятилетия латышское крестьянство разделилось на два слоя: те, кто выкупил землю и кто не стал или не смог выкупить. Первый слой стали обозначать словом *saimnieks*, что в переводе означает «хозяин». Отец Ивара Смилги, следовательно, уже имел землю в собственности.

³²⁴ Слово «smilga» по-латышски означает «былинка», «травинка».

³²⁵ Скорее всего, она – младшая сестра Яна Васильевича Полуяна (1891.10.09 – 1937.10.08). В таком случае она родилась в казачьей семье на Кубани.

суда СССР Смилга был приговорен к смертной казни и в тот же день расстрелян в возрасте 44 лет. Жена его была расстреляна в том же 1937 году в возрасте 41 года.

Дочь Татьяна была арестована в 1939 году в 20-летнем возрасте и 14 лет провела в тюрьмах, лагерях и ссылке. Умерла в Москве 27 сентября 2014 в возрасте 95 лет.

3. Маркиш, Симон Перецович

Родился в Баку 6 марта 1931 года в семье еврейского (на идише) поэта Переца Давидовича Маркиша и Эстер Ефимовны Лазебниковой (тоже литератора).

Перец Маркиш, сын портного, родился в Российской империи, но в 1920–1926 годах был гражданином Польши, жил в Европе (Варшаве, Берлине, Париже, Лондоне, Риме); в 1926 году переехал в СССР, в 1939 году награжден Орденом Ленина, в 1942 году вступил в ВКП(б), 28 января 1949 года арестован и 12 августа 1952 года расстрелян. Семья в январе 1953 года была арестована и выслана в Казахстан (Симон в то время был студентом филфака МГУ).

После возвращения из ссылки Симон окончил МГУ и работал переводчиком в ГИХЛ (1956–1962). В это время он в 29-летнем возрасте редактировал перевод Губера.

В 1970 году переехал к жене в Венгрию, а оттуда в 1974 – в Женеву, где в отделении славистики Женевского университета проработал 22 года до пенсии в 1996. Умер в Женеве 5 декабря 2003 года в возрасте 72 лет.

При редактировании «Похвалы Глупости» Маркиш придерживался распространенной в советской русской переводной литературе концепции перевода, категорически отвергаемой мной. Согласно этой концепции идиоматические выражения языка оригинала заменяли более подходящим выражением русского языка (и вообще уничтожали особенности оригинального текста, приводя перевод к «стандартному русскому»). Например, если в английском тексте была англоязычная поговорка «У каждого свой скелет в шкафу», то ее заменяли русской поговоркой, например, «Каждый по-своему с ума сходит». Если Джек Лондон писал: «Daylight is Burning», то это заменяли на «Время не Ждет» – и соответственно именовали роман и его героя Харниша.

После такого перевода и редактирования терялись особенности речи автора; и латинист Эразм XVI века, и американец Лондон разговаривали на одинаковом языке – как будто они русские XX столетия.

Меня эта концепция перевода всегда раздражала. Меня не интересует идиоматика русского языка – я ее и так знаю. Я хочу максимально прочувствовать язык Эразма Роттердамского (или Джека Лондона и т.п.), увидеть, какими понятиями они пользовались, какие идиоматические выражения употребляли, – и т.д.

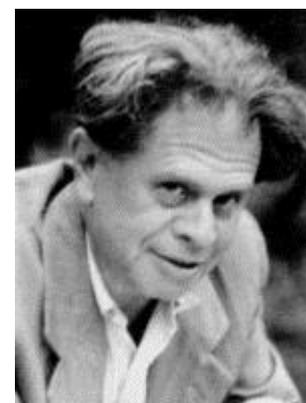
4. Пинский, Леонид Ефимович

Родился в Могилевской губернии 6 ноября 1906 года (по нашему календарю) в семье меламеда (учителя еврейской начальной школы); окончил Киевский университет в 1930 году; с 1933 года в Москве аспирант, в 1936 защитил кандидатскую диссертацию по Франсуа Рабле; с 1938 доцент кафедры истории зарубежной литературы (на филфаке ИФЛИ, потом преобразованном в филфак МГУ). В июне 1951 года (в возрасте 45 лет) был арестован по доносу Якова Эльсберга (доктора филологических наук, лауреата Сталинской премии 1950), осужден на 10 лет лагерей и пожизненную ссылку. В сентябре 1956 реабилитирован.

После освобождения в университет не вернулся, занимался литературной деятельностью; в 1963 принят в Союз писателей, стал активным участником диссидентского движения. В 1972 году у него КГБ провел обыск, путь к печати был закрыт. Умер в Москве от рака 26 февраля 1981 года в возрасте 74 лет.

Симон Маркиш

Леонид Пинский

5. Досоветские переводы

Словарь Брокгауза–Ефрона (1907 год) в статье «Эразм Роттердамский» пишет:

«На русский язык из всех сочинений Эразма переведена только «Похвала Глупости»: впервые – проф. Кирпичниковым (сокращенный перев., М., 1883), и вторично (полный перевод) – проф. Ардашевым (Юрьев, 1902; то же, второе издание, исправленное, Юрьев, 1903)»³²⁶.

В БСЭ-2³²⁷ (1957 год) в аналогичной статье в качестве первого перевода указано издание 1938 года со «вступительной статьей П.К. Грубера и М.М. Покровского». Авторы БСЭ как будто не знают не только о переводах царского времени, но даже и о советском издании «Academia» 1931 года! (Правда, в названной там книге находится не только «Похвала Глупости», но и «Разговоры запросто»).

БСЭ-3 (1978 год) в статье «Эразм Роттердамский» в той позиции, где в других статьях она обычно называет первый русский перевод данного сочинения, о «Похвале Глупости» указывает издание 1960 года – как будто автор статьи не слышал ни о царских, ни о советских более ранних изданиях.

Итак, перевод Губера не был первым; первый полный русский перевод «Похвалы Глупости» осуществил 37-летний в 1902 году профессор Юрьевского университета (ныне Тарту) Павел Николаевич Ардашев (1865.11.22 – 1922 ?), уроженец Вятской губернии (ныне Удмуртия), сын священника.

Почему же в начале 1930-х годов не воспользовались его переводом, а делали новый? Потому, видимо, что Ардашев был «неправильной личностью»³²⁸: в 1903 году он из Юрьевского университета перешёл в Киевский университет и там стал активным участником и одним из вождей «Клуба Русских Националистов», издававшего газету «Киев». Он боролся и с «засилием евреев», и со сторонниками «самостийной Украины», отстаивая, как он писал, «права коренного населения». Левые его причисляли к «крайне правым» и к «черносотенцам». После революции его следы теряются; даже год его смерти не известен – называют то 1922, то 1924, – не говоря уже о точной дате и об обстоятельствах смерти. (Можно только с уверенностью сказать, что Ардашев не эмигрировал, а умер под советской властью, не дожив до 60-ти лет).

П.Н. Ардашев

II. Глупость и ее двойняшка

Ничего не изменилось под Луной за 506 лет, прошедших с пятого дня июньских ид 1509 года (Quinto Idus Iunias, AD MDIX), когда Эразм Роттердамский поставил подпись под письмом к Томасу Морю, завершив, таким образом, свою «Moriae encomium». Глупость по-прежнему царствует в подлунном мире, и морионы правят бал, а сочинение Эразма остается актуальным и бессмертным, – пока еще в Царстве Глупости сохраняется живой хоть капля разума.

Как выше правильно сказал эссеист Леонид Пинский, в сочинении Эразма чувствуются и довольно легко выделяются две части. В первой части свободная, забавная игра: «наш Эразм дурачится», как сказал об этом папа Лев X. Во второй части эта забава уже превращается в едкую

³²⁶ Автором этой статьи является сам П. Ардашев. Прочитав статью из Брокгауза–Ефрона, видно, что последующие советские авторы много черпали из нее.

³²⁷ Большая Советская Энциклопедия 2-го издания.

³²⁸ Губер пишет: «Для перевода послужило новое критическое издание, выпущенное И.Б. Каном в Гааге, в 1898 году». Не известно, с какого издания переводил Ардашев в 1902 году. Хронологически это могло быть то же самое издание, что у Губера, но могло быть и какое-нибудь более старое и «не критическое». В таком случае это тоже могло бы послужить причиной для нового перевода. Однако в таких случаях обычно ссылаются на предыдущий перевод, указывая его недостатки. Но ни одно советское издание ни словом не обмолвилось вообще о существовании перевода Ардашева. Такое замалчивание в советское время было характерно в отношении «врагов народа». Поэтому более вероятными представляются всё-таки не литературные, а политические причины игнорирования Ардашева и его перевода «Похвалы Глупости».

сатиру на всё и вся. Но Эразм так и не дошел до третьей части, где уже приходилось бы расставлять все точки над *i*.

Я не хочу его упрекать в этом. Во-первых, он просто не мог такое писать: ни Алдус, ни Фробениус не осмелились бы это печатать, а если б и напечатали, то Эразма сожгли бы на костре (и так-то его запретили, сочинения внесли в Индекс запрещенных книг, хотя самого не тронули). Во-вторых, скорее всего, Эразм и не чувствовал внутреннего побуждения переходить к Третьей части. Ведь жизнь его была в целом благополучной – и даже очень благополучной: короли и папы римские встречались с ним и благоволили ему, награждали его и давали денег. Карл V дал ему синекуру: сделал таким своим «советником», который никогда не был рядом и советов которого никогда не спрашивали, но деньги исправно платили. Вся Европа восхищалась им и рукоплескала ему, он общался с самыми знаменитыми ее мужами... Не было у него внутренних причин переходить к крайним мерам и идти до конца.

Ну, а мы синекур не имеем, короли и папы нам не благоволят, и поэтому мы пойдем дальше Эразма и скажем то, что он то ли не заметил, то ли побоялся сказать.

Дело в том, что у богини Мории есть сестра-близнец Анелевтерия,³²⁹ и они обе всегда, или почти всегда, действуют в паре, так что и не различишь, что сделано по велению Мории, а что по велению Анелевтерии.

Латинское имя Анелевтерии – Флагитиоза,³³⁰ а русское имя: Подлость.

Вот я выше привела краткие биографии пяти человек, связанных с переводом и изданием «Похвалы Глупости» на русском языке. Первый переводчик Ардашев сгинул безвестно около 1922 года в возрасте 57 лет. Автор предисловия и теоретик марксизма Смилга был расстрелян в 1937 году в возрасте 44 лет. Второй переводчик Губер умер в лагере в 1940 году в возрасте 53 лет. Эссеист Пинский в 1951 году в возрасте 45 лет был арестован и провел пять лет в лагерях. У редактора Маркиша в возрасте 21 года в 1952 году был расстрелян отец, а сам он сослан в Казахстан.

Никто из них не жил спокойной, мирной, нормальной жизнью.

КТО устроил весь этот водоворот – какие боги? Была ли тут причастна Мория? Конечно, была – человеческая глупость тут еще как при чем!

Но не одна Мория: рядом с ней всегда свирепствовала и ее двойняшка Анелевтерия – человеческая подлость. И не проведешь границу: что от Глупости, и что от Подлости.

Я занялась «Похвалой Глупости» 8 ноября после того, как 7 ноября отправила четырем адресатам первые три переизданные номера альманаха МОИ, а на следующее утро увидела в своем почтовом ящике письмо от академика Решетняка. Это было уже СЕДЬМОЕ письмо от академика, которое я не открываю и не читаю. Но само наличие письма и те слова, какие он ставит в тему сообщения, видные и у неоткрытого письма, побудили меня взяться за Эразма Роттердамского (это для меня было что-то вроде отдыха и развлечения, словом, – «для души»).

Закончила я всё предыдущее до настоящей главы 18 ноября; таким образом, десять дней я готовила свое издание «Похвалы Глупости»: вычитывала и исправляла электронный текст, изучала комментарии и дополняла их, где находила нужным, собирала сведения об авторах и т.д.

За эти десять дней, которые я занималась Эразмом Роттердамским, наиболее впечатляющим событием в мире были террористические акты в Париже вечером в пятницу, 13 ноября 2015 года.

Ну, и чьих это рук дело? – Мории или Анелевтерии?

Как всегда, не различишь этих двух сестер-близнецов.

Глупость или Подлость руководила теми восьмью наглыми арабскими юнцами, которых уничтожили той ночью в Париже после того, как они убили 128 человек и ранили еще несколько сотен?

Глупость или Подлость руководила теми, кто уничтожили Европу, отдали ее на растерзание ордам иностранных варваров?

Глупость или Подлость руководила теми, кто угробил европейскую культуру, воздвигнув вместо нее Мулен-ружи и прочие храмы разврата, проституции, наркомании, деградации и гибели?

³²⁹ На древне-греческом языке ἀνελευθερία – 1) низменный образ мыслей, неблагородство, низость (Платон, Аристотель, Плутарх); 2) жадность, корыстолюбие, скряжничество (Ксенофонт, Аристотель).

³³⁰ Flagitiosa (flagitiosus, flagitiosum) – постыдное, нечестное, низкое, подлое (лат.).

(Так больно было читать «Похвалу Глупости», осознавая, что всё это культурное богатство не только само погибло, но что погибли и практически все те, кто способен это богатство оценить).

Когда я начинала издавать альманах МОИ, я клялась себе, что не буду пускать в него политику – такая там открывается бездна людской глупости и подлости, что из этой бездны уже никогда не выберешься, не хватит никаких ни сил, ни нервов, ни времени, – и такие стаи черных воронов бросятся на меня... Всё равно я изменить ничего не могу, так зачем тратить усилия и губить себя преждевременно?

Ясно ведь, что Солнце будет светить еще миллиарды лет, и земная цивилизация могла бы существовать еще сотни миллионов лет (срок, абсолютно несопоставимый с длительностью прошлой истории цивилизации!), но столь же очевидно, что она погибнет еще в этом же столетии. (То, что останется, будут уже только осколки).

И всё это они – Мория и Анелевтерия! Всё из-за человеческой глупости и подлости.

Я давно знаю, что ничего изменить нельзя, как бы я ни старалась и что бы я ни писала, поэтому и не хотела этих глобально-политических вопросов касаться вообще; хотела сосредоточиться исключительно на науке.

Но самое «смешное» то, что в Науке-то то же самое: опять нас встречает та же Мория и та же Анелевтерия!

Вот перед нами академик Решетняк, письмо которого побудило меня наконец-то взяться за переиздание «Похвалы Глупости» (собственно замысел-то давно тлел...).

Кто руководит поведением Решетняка – Мория или Анелевтерия? И опять не разберешь! Близняшки тут как тут обе!

Конечно, Решетняк не стреляет по концертному залу «Батаклан» из автомата Калашникова – не может он в этом отношении состязаться с сирийскими юнцами. Масштаб не тот. Но, вот, мелко пакостить и вредить науке – в этом весь наш морион. Впрочем, академику Решетняку ниже я посвящаю отдельный материал, так что здесь не будем больше о нем говорить.

Близкое родство Мории и Анелевтерии вытекает из того, что суть явления одна и та же и при глупости, и при подлости: мозг человека отрабатывает неправильно. Этот мозг принимает определенные решения о том, как субъекту поступать, и эти решения мы со стороны оцениваем как глупость, если они приносят больше вреда самому субъекту, и как подлость, если они приносят вред тому, что мы считаем ценным. Так что граница между глупостью и подлостью субъективна и зависит от воззрений оценивающего, а суть явления одна – в определенной работе мозга субъекта.

С давних времен общеизвестно, что глупость – самая характерная черта людей, то есть особей биологического вида *Homo stultus* (усилиями Мории во многих источниках переименованного в *Homo sapiens*). Однако на этот вопрос можно посмотреть и с другой стороны.

Вот, на поверхности одной планеты посредственной звезды, желтого карлика, называемого у нас Солнцем, завелась химическая плесень в виде молекул дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК), ввиду строения молекулы способной к репликации (раздвоению), и, вот, эта плесень начала развиваться, создавая вокруг молекул ДНК всё более и более сложные системы-организмы. И вот, эти системы начали ловить и обрабатывать информацию об окружающей их среде и о состоянии самой системы, и на основе этой информации составлять программы своих дальнейших действий – т.е. осуществлять самопрограммирование.

Честно говоря, если смотреть с ЭТОЙ точки зрения, то меня просто удивляет, что *Homo stultus* достигли ТАКОГО уровня самопрограммирования! То, что они *stultus*, это понятно, но это – в сравнении с какой-нибудь действительно разумной системой, которую могли бы создать и запрограммировать МЫ. Но эти *stultus* ведь вырастают сами – никто их прямо не программирует (лишь косвенно влиять можно); сами они строят свои программы, и то, на что эти программы всё-таки оказываются способными, – в общем-то потрясает знатока этого дела.

Удивляться надо тому, что при самопрограммировании вообще можно достигнуть ТАКОГО уровня сложности (если б не видела своими глазами, ни в жизнь не поверила, что такое возможно!), а не тому, что это самопрограммирование всё-таки отстает от действительно разумного программирования – а это отставание и есть Глупость.

Марина Ипатьева

19 ноября 2015 года

Марина Ипатьева. Академик Решетняк перед Судом

Академик РАН Юрий Григорьевич Решетняк является ярким примером того, как Мория и Анелевтерия работают совместно, и невозможно разграничить, что в действиях этого мориона вызвано Глупостью, а что – Подлостью.

Вообще я должна признаться, что для меня есть всё-таки нечто не совсем понятное в поведении Решетняка. Когда какой-нибудь вор-уголовник ворует и грабит, то это в общем-то понятно: ну, так устроен его мозг, такие программы строит его самопрограммирование, чего же от него ожидать? Когда Андрей Чикатило убивает детей, это вызывает возмущение и отвращение, но в общем-то тоже понятно. Когда родившийся в Бельгии в 1987 году сын марокканца Абдельхамид Абауд организывает террористические акты в Париже, то он – омерзительный подонок, но его поведение тоже не окутано для меня никакой загадочностью.

А вот в поведении Решетняка есть нечто всё-таки загадочное. Я не могу понять, как человек, внешне как будто причастный к Науке (к Науке!), доктор физико-математических наук, профессор, академик РАН, – как такой человек может быть ТАКИМ подлецом и ТАК нагло отрицать самые очевидные и неоспоримые вещи?! Есть нечто противоестественное в этом сочетании научной оболочки и абсолютной антинаучности и аморальности поведения.

Абдельхамид Абауд
(1987.04.08 – 2015.11.18)

*

В выпуске МОИ [№ 2](#) на стр.73 было описано, как я трудилась над решетняковским письмом от 17 августа 2015 года. То было четвертое письмо от него из тех, что я не открывала и не читала, следуя июньскому решению:

Когда я 12 июня с.г. опубликовала выпуск [№ 29](#) альманаха МОИ, Решетняк мне 16 июня прислал письмо, которое я не открыла и не читала. Теперь, значит, второе письмо, которое я тоже не открываю и не читаю: у меня действует принцип «Не читать ничего, что приходит от имени Решетняка». (Пусть он пишет, если хочет, по принципу «Мели, Емеля!»), но я это читать не буду, потому что знаю: это человек абсолютно беспринципный и бессовестный).³³¹

После описанной в МОИ [№ 2](#) истории Решетняк прислал мне еще три письма, которые я тоже не открывала и не читала. (Теперь, значит, в моей коллекции уже 7 нечитанных писем академика Решетняка). Видные и без открытия тема (дана жирным шрифтом) и начало этих писем таковы:

7 октября: **VO sancta simplicitas!** Тексты, подобные статье Терлецкого в 1951 году – это политический донос – порочные...

22 октября: **Re: Мадам не умеет формулировать вопросы для тестов** Четверг 22 октября 2015, 8:58 +03:00 от юрий Решетняк <doctorz29@mail.ru>: Почитайте,, может...³³²

7 ноября: **Не надо покровительствовать авторам политических доносов** До сведения гражданке Ипатьевой Я не физик и не считаю возможным выступить с оценкой научного уровня...

Итак, после июня я принципиально не открываю и не читаю писем Решетняка, потому, что считаю его (повторяю это здесь еще раз!) абсолютно беспринципным и бессовестным человеком, никакое нормальное общение с которым невозможно.

³³¹ МОИ [№ 30](#), стр.4.

³³² У письма есть прикрепленный файл. Статус письма непонятен: приставка «Re:» как будто указывает, что это чей-то ответ на какое-то письмо Решетняка. Чей? Но я не настолько любопытна, чтобы нарушать свои принципы, открывать письмо, поступившее от Решетняка, и выяснять, в чем там дело.

Но, так как Решетняк продолжает присылать мне письма, и их содержание (по крайней мере в общей их направленности) мне до некоторой степени видно даже без открытия этих писем, то я приму против него некоторые ответные меры.

По процитированным выше начальным фрагментам трех писем, поступивших в течение месяца с 7 октября по 7 ноября, видно, что Решетняк затрагивает две темы:

1) продолжает муссировать Терлецкого;

2) объявляет, будто я не умею формулировать вопросы для тестирования математиков.

Вот, по этим двум темам в следующих двух главах ему будут даны ответы.

I. Ответ о Терлецеком

1. Я не знала о существовании Терлецкого и ничего не слышала о нем до начала выпуска альманаха МОИ. У меня нет никаких причин ни покровительствовать ему, ни осуждать его.

2. После опубликования в МОИ [№ 1](#) статьи академика Александрова на меня посыпался град писем, которые понудили меня снова заняться теорией относительности, в результате чего мне в руки попала книга Терлецкого, так как она обсуждалась на интернетовском форуме (обсуждалось именно изложение в ней ТО, а не какие-то политические аспекты). Так как для меня прочитать электронную книгу и отредактировать ее для перепечатки в Альманахе – практически одно и то же, то я ее отредактировала и перепечатала – как источник сведений по теории относительности. В тот момент я перепечатала бы любую другую книгу по ТО, если бы она обсуждалась на просмотренных мной форумах и была бы доступна в электронном виде, пригодном для переноса в МОИ.

3. Настойчивые попытки академика Решетняка придать всему этому делу какую-то политическую подоплеку являются очередным проявлением глупости академика. Видимо, он уцепился за Терлецкого потому, что не был способен ничего сказать по существу разбираемых математических вопросов.

4. Статья Терлецкого в журнале «Вопросы философии», которую я прочитала (и тоже перепечатала в Альманахе) после того, как Решетняк «прицепился» ко мне с Терлецом, объективно не выходит за рамки допустимого в нормальном обществе выражения своего мнения и критики.

5. Она не содержит обвинений в «антисоветской пропаганде» или деятельности, во «вредительстве», оскорблении Сталина, «шпионаже в пользу Англии, США» и т.п. обвинений, характерных для настоящих политических доносов.

6. Настоящие доносы посылались в МГБ,³³³ а не печатались в «Вопросах философии».

7. Как правильно пишет В.Н. Матвеев в статье «Ошибся ли президент Дмитрий Медведев?»³³⁴, «идеологические спекуляции сражающихся в Советском Союзе друг с другом физиков использовались с обеих сторон».

8. Нападки на Терлецкого со стороны группы Ландау были более успешны, чем нападки Терлецкого на группу Ландау: Терлецкий так и не был избран в АН даже членом-корреспондентом, а ученики Ландау были избраны действительными членами, не говоря уже о нем самом: трижды лауреате Сталинских премий (1946, 1949, 1953).

9. В психологии известен «принцип зеркала»: человек ожидает от другого человека такое поведение, как ведет он себя сам. Обманщик ожидает, что и его собеседник будет обманщиком, а честный человек ожидает, что и собеседник честен (именно поэтому честных людей так легко обмануть). Сталин сам плел заговоры, потому и ожидал заговоров от всех; Хрущев же заговоры не плел, потому и прозевал, когда против него сплели. Аналогично и академик Решетняк в статье Терлецкого видит политический донос, скорее всего, потому, что сам был политическим доносчиком. В день смерти Сталина ему было 23 года 5 месяцев и 7 дней, и к такому возрасту он вполне мог уже успеть поработать «стукачом». Такая версия хорошо согласуется с общей аморальностью Решетняка, констатированной нами по другому поводу.

³³³ С 1946.03.15 по 1953.03.15 советские органы госбезопасности носили название «Министерство Государственной Безопасности».

³³⁴ Статья в настоящее время находится «в портфеле редакции альманаха МОИ» и будет опубликована в одном из его выпусков.

10. Вполне возможно, что Терлецкий испытывал личную неприязнь к Ландау. Все мемуаристы, не принадлежащие к группе Ландау, отмечают ту атмосферу чрезвычайного высокомерия, которая царила в этой группе, так что физикам, не принадлежавшим к «бригаде Ландау», не было оснований испытывать к нему и его ученикам симпатии, но были основания для обратного.

11. Похоже, что Ландау вообще презирал русских; об этом свидетельствует и упомянутый Терлецким отказ в учебнике Ландау–Лифшица назвать имя Менделеева³³⁵ даже тогда, когда речь идет о периодической системе элементов, и другие подобные случаи, описанные Терлецким, а также общеизвестная сексуальная распущенность Ландау в отношении русских женщин и их мужей. Эту распущенность признает даже академик Гинзбург, хотя и пытается оправдать Льва Ландау.³³⁶

12. Известны ли вам, Решетняк, обстоятельства той знаменитой автоаварии в воскресенье, 7 января 1962 года в 10 часов утра на Дмитровском шоссе по дороге из Москвы в Дубну, которая положила конец карьере, научной деятельности, а фактически и жизни Льва Ландау? За рулем «Волги» сидел физик Владимир Васильевич Судаков,³³⁷ а на заднем сидении Ландау целовался с его женой Верой Евгеньевной. По официальной версии авария произошла из-за скользкой дороги. Даже если и так, то ей явно способствовало нервное состояние Судакова в ситуации, когда начальник пристает к твоей жене. А, может быть, авария и не была случайной? Ведь пострадал один только Ландау – ни Судаков, ни Вера практически не пострадали, и даже яйца в салоне машины не разбились! Так что же говорить о Терлецком, если даже у подчиненных академика Ландау³³⁸ были причины его не любить?

II. Тест для академика

19 мая 2015 г. в 13:28 академик Решетняк писал мне так:

3) *Nemo debet esse iudex in propria causa* (никто не может быть судьей в собственном деле) Мадам Ипатьева, по видимому, не согласна с тем, что она «никто» и по этой причине указанный принцип считает для себя не обязательным.³³⁹

Я ему тогда ответила так:

Идея о передаче этого дела независимому и объективному ученому суду поседела от старости. Еще покойный Валдис Эгле в 1990-х и 2000-х годах в Латвии пытался добиться организации такого суда и в этих своих попытках дошел аж до тогдашнего Президента государства Латвии Вайры Вике-Фрейберги (она академик Латвийской АН). Ответной реакцией было сначала поголовное игнорирование, потом издевательства, а когда он стал настаивать, тогда – передача дела Полиции безопасности для возбуждения уголовного дела против Валдиса Эгле.

Так что, Решетняк, мы не в суде – и не потому, что мы боялись бы передать дело честному, объективному и беспристрастному научному суду, а потому что нет такого суда, который мог бы рассмотреть наше дело, и организовать такой суд за четверть столетия так и не удалось.³⁴⁰

Спустя почти полгода я начала переиздавать Альманах и разослала такое письмо:

от: Marina Olegovna Ipatjeva <marina.olegovna@gmail.com>

Кому: Вадим Матвеев <matwad@mail.ru>,
юрий Решетняк <doctorz29@mail.ru>,
pkaravdin <pkaravdin@yandex.ru>,
Александр Никитин <anikitinaaa@mail.ru>

дата: 7 ноября 2015 г., 16:42

³³⁵ МОИ № 2, стр.72.

³³⁶ См. ВЗН № 5, стр. 18–21.

³³⁷ См. документальный фильм «Дау-великолепный», 45-я минута; «Мой муж – Гений», 68-я минута.

³³⁸ Академик РАН (с 2003) Семен Соломонович Герштейн (р. 1929.07.13) в очерке «Мой друг С.П. Аллилуев», рассказывая о своих однокурсниках, мимоходом бросает такую фразу: «..Владимир Васильевич Судаков, один из самых талантливых наших студентов и учеников Л.Д. Ландау, в будущем сотрудник ИТЭФ, профессор МФТИ..». Но теперь о Судакове в Интернете упоминают практически только в связи с той аварией. Его научная карьера была поломана 7 января 1962 года.

³³⁹ Выпуск МОИ № 29, стр.48.

³⁴⁰ МОИ № 29, стр.49.

тема: Переиздание альманаха МОИ
отправлено через: gmail.com

Уважаемые адресаты!

Сегодня, 7 ноября 2015 года я начинаю давно планированный перевыпуск альманаха МОИ, чтобы сделать его независимым от Юкоза и других подобных держателей-вымогателей. Альманах будет доступен во многих местах Интернета, а основной вид его существования: в личном компьютере читателя. Вы как в настоящем или в прошлом активные читатели МОИ, выбраны в качестве «испытательного полигона» в ходе переиздания МОИ. Номер Альманаха считается переизданным (а номера выше 30 – вновь изданными), если он помещен в Интернет (пока хотя бы в одном месте), а вам сообщено его местонахождение.

Я рассчитываю, что Вы будете скачивать очередные изданные номера, собирать их вместе на своем диске (в одной папке!), просматривать хотя бы бегло и высказывать мне свои замечания, если таковые появятся.

Благодарю Вас заранее за эту работу!

Сегодня выпущенными считаются номера:

МОИ № 0 <https://yadi.sk/i/uSb6qJt5kHxuf>

МОИ № 1 https://yadi.sk/i/z_jFveStkHxjy

МОИ № 2 <https://yadi.sk/i/uKB9zYc3kHxk4>

МОИ № 3 <https://yadi.sk/i/Se8P8sRykHxkA>

С уважением и наилучшими пожеланиями,
МОИ

На это отозвался П.А. Каравдин:

от: pkaravdin <pkaravdin@yandex.ru>
Кому: Marina Olegovna Ipatjeva <marina.olegovna@gmail.com>
дата: 8 ноября 2015 г., 11:06
тема: УКОЗ
отправлено через: yandex.ru

Здравствуй, Марина Олеговна! Вчера, 7.11.15 писал вам письмо (снова о двойственности), почти закончил. Решил отдохнуть пару дней, а потом еще почитать и закончить. Но сегодня получил от вас письмо о переиздании МОИ. Я уже скачал ваши файлы и буду поддерживать ваши усилия и дальше. Желаю успеха. Каравдин 8.11.2015

Я выражаю признательность Павлу Александровичу и призываю остальных адресатов поступить так же с переиздаваемыми номерами альманаха МОИ. Со временем у Вас накопится уникальная библиотека, которая «есть не требует».

Но на разосланное 7 ноября письмо еще раньше Каравдина отозвался также и Решетняк. Его письмо я, конечно, не читала, но видела то, что процитировано выше на стр.91. Наглые слова «Мадам не умеет формулировать вопросы для тестов» возмущают меня каждый раз, когда я их вижу, открыв свой почтовый ящик, и в конце концов они навели меня на мысль устроить Решетняку суд – тот суд, которого он добивался 19 мая.

В выпуске МОИ [№ 30](#) на стр.4 я писала:

Итак, профессору Решетняку присвоена квалификация «жулик», и с ним я больше не дискутирую.

С Решетняком я больше не дискутирую, его письма не открываю и не читаю, и снова его протестировать не могу. Но я могу поставить его перед необходимостью защищать свою позицию в нейтральном суде, – и теперь делаю это.

Итак, Решетняк, будем считать, что отныне мы с Вами находимся в Суде. Жюри присяжных заседателей состоит из трех лиц, которым вместе с Вами было послано уведомление о начале переиздания МОИ. Это:

Вадим Николаевич Матвеев (Вильнюс, инженер);

Павел Александрович Каравдин (Челябинск, инженер);

Александр Павлович Никитин (Набережные Челны, профессию не знаю).

Их адреса е-почты видны из выше приведенного письма, и Вы можете контактировать с ними самостоятельно, без моего ведома.

Я подаю в этот Суд исковое заявление, которое опубликовано ниже, а также будет послано и Суду, и Вам как ответчику в отдельном файле. Смысл Искового заявления состоит в том, что я

прошу присяжных признать справедливой квалификацию «Жулик», присвоенную Вам на основании представленных Суду тестов.

Вам же, как Ответчику, надлежит представить Суду материалы, которые, по Вашему мнению, не позволяют квалифицировать Вас как жулика, а также, если хотите, доказывающие, что я не умею формулировать вопросы теста.

Все эти материалы Вы предоставляете не мне, а Суду! – т.е. отправляете прямо присяжным, а не мне. Я по-прежнему не буду открывать и читать письма, поступающие от Вас, Решетняк. Но я открою и прочту всё, что мне сочтут необходимым прислать или переслать присяжные.

Я даю Вам, Решетняк, время до Нового года для представления первого ответа на Исковое заявление. Если до 1 января 2016 года судебное разбирательство не начнется по причине Вашего уклонения, то я наряду с квалификацией «Жулик ф.-м. наук» присвою Вам еще и квалификацию «Трус ф.-м. наук». Если же судебное разбирательство начнется, то оно может продолжаться сколько угодно, пока Жюри присяжных заседателей не вынесет свой вердикт.

Присяжных же я призываю изучить мое Исковое заявление, а потом дальнейшие материалы, предоставляемые сторонами, по мере их поступления, а в конце, получив полную ясность о ситуации, вынести свой вердикт по существу Искового заявления и сообщить этот вердикт мне для опубликования его в альманахе МОИ.

Решетняк! Я публично квалифицировала Вас как жулика и дважды подтвердила, что считаю Вас абсолютно беспринципным и бессовестным человеком.

Защитите в открытом и справедливом Суде свою честь и достоинство!

Убедите присяжных, что мои обвинения в Ваш адрес несправедливы, а по существу теоретических вопросов правда не за мной, а за Вами!

Желаю успехов!

Марина Ипатьева

21 ноября 2015 года

Приложение

(Файл *Iskovoe_Zajavlenie*)

В Суд присяжных заседателей в составе:
В.Н. Матвеев, П.А. Каравдин, А.П. Никитин

Истица: Марина Олеговна **Ипатьева**
Ответчик: Юрий Григорьевич **Решетняк**

Исковое заявление.

Высокоуважаемый Суд!

Прошу рассмотреть мое настоящее Исковое заявление, истребовать объяснения у Ответчика, а также (в случае необходимости) рассмотреть дальнейшие пояснения обеих сторон и вынести вердикт, в котором дать ответы (да – нет) на три вопроса:

- 1) Очевиден ли ответ «да» на первый тестовый вопрос?
- 2) Очевиден ли ответ «да» на второй тестовый вопрос?
- 3) Справедлива ли квалификация «Жулик» для человека, дающего отрицательный ответ на один или оба тестовые вопросы?

Тестовые вопросы

Речь идет о тестовых вопросах, которые были впервые опубликованы в выпуске альманаха МОИ [№ 30](#) на стр.7 и в лаконичном виде звучат так:

- 1) Признаете ли Вы, что для успешного проведения классического диагонального процесса
0,7854...
0,2341...
0,1869...
0,9752... и т.д.

требуется предположение (постулат) о том, что бесконечность «вправо» равнозначна бесконечности «вниз»?

- 2) Признаете ли Вы, что можно различать две следующие точки зрения:
 - а) четных чисел столько же, сколько натуральных;
 - б) четных чисел в два раза меньше, чем натуральных;и что можно отслеживать, где в рассуждениях используется одна, и где другая точка зрения?

Это вопросы, которые будут использованы в операции *Milliaria*³⁴¹ для аттестации математиков. Собственно затронутые в них теоретические проблемы разбирались бесчисленное количество раз как в альманахе МОИ, так и вне его. Здесь для удобства Суда вкратце повторю основное.

Первый тестовый вопрос

Он касается вещи, называемой «диагональный процесс» (или метод), описанной в несметном количестве книг и статей и поэтому хорошо известной любому, кто хоть немножко знаком с канторовской теорией множеств. В рамках альманаха МОИ внешние авторы (то есть, не считая Эгле и меня) описывали эту вещь, например, Даубен в МОИ [№ 5](#), стр.12 и Пенроуз в МОИ [№ 14](#), стр.109.

В этом рассуждении Кантора сначала предполагается, что вещественные числа промежутка $[0, 1]$ перенумерованы в каком-нибудь порядке. В приведенном в Вопросе примере этот порядок таков, что первым числом является 0,7854..., вторым 0,2341... и т.д. Потом проводится «диаго-

³⁴¹ Официальный старт операции *Milliaria* – рассчитанного на 15 лет публичного «избиения математиков» – состоится во вторник, 16 февраля 2016 года – в 35-ю годовщину первого обращения Валдиса Эгле к математикам, представляющим «официальную науку».

нальный процесс» с целью построения нового такого числа, которого нет в перенумерованном списке (и этим по замыслу Кантора и кантористов доказывается, что вещественные числа данного промежутка перенумеровать невозможно). Процесс проводится следующим образом: пишем сначала «0,», потом берем первую цифру за запятой у первого числа из списка (выделена *болом* и подчеркнута: это «7») и пишем вслед за «0,» любую цифру, кроме «7», например, «4»: «0,4». Потом берем вторую цифру у второго числа (это «3») и пишем далее любую цифру, кроме тройки, например, так: 0,41. Так проходим по диагонали весь список перенумерованных чисел и получаем «диагональное число», которого нет в списке, поскольку оно хотя бы в одной позиции отличается от каждого числа из списка. (Построенный таким образом объект далее называем «диагональным элементом»).

Вот, такое простенькое рассуждение, удовлетворяющее людей с умственными способностями кантористов. Если же человек обладает нормальными умственными способностями, то ему очевидно следующее: диагональный процесс у кантористов проводится в бесконечной матрице цифр; обозначим в этой матрице количество цифр в строке через X , а количество строк через Y . Ясно, что возможность проведения и результат диагонального процесса зависит от соотношения величин X и Y . Схематически это проиллюстрировано на рис. 1.

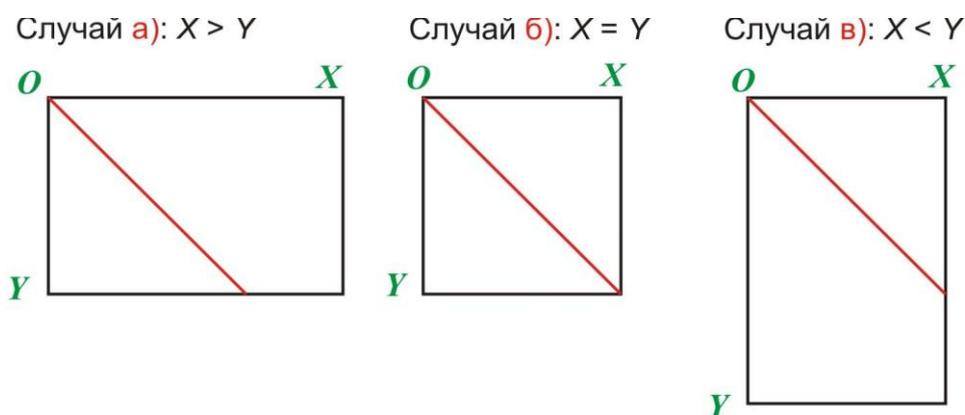

Рис. 1. Три случая в проведении диагонального процесса. Черный прямоугольник изображает матрицу цифр. Красная прямая изображает диагональный элемент.

Если $X > Y$ (случай *a*), то диагональный элемент вообще невозможно построить полной длины (из X цифр), потому что не хватает для этого строк. Если $X < Y$ (случай *v*), то диагональный элемент построить можно полной длины, но тогда не верен вывод, что этот элемент отличается от всех строк, содержащихся в матрице, потому что диагональный процесс охватил не все строки.

Только в случае, если $X = Y$ (случай *b*), диагональный процесс действительно охватывает все строки матрицы, диагональный элемент строится полной длины и отличается от всех элементов, содержащихся в матрице. Следовательно, в рассуждениях кантористов по умолчанию подразумевается именно случай *b* (а не случай *a* или *v*).

Уважаемые присяжные заседатели! Первый вопрос, на который вам следует ответить в своем вердикте (*да* или *нет*) – это: **Очевидно ли для Вас, что кантористы подразумевают именно случай *b*** из рис.1, т.е. что они предполагают $X = Y$ (количество цифр равно количеству строк; бесконечность «вправо» равнозначна бесконечности «вниз»), т.е., что они это изначально принимают, т.е., что у них есть такой постулат, т.е. что на первый вопрос Теста для математиков следует отвечать «Да»?

Ответчик (академик Ю.Г. Решетняк) уклонился от какого-либо ответа, когда ему вся эта аргументация была предъявлена. Порядочный человек либо согласился бы с этой аргументацией, либо выдвинул бы против нее какие-то возражения. Но академик Решетняк не делает ни то, ни другое. Возразить что-либо он не в состоянии (в самом деле: что тут возразишь?!), а согласиться – это означает полный крах всего защищаемого им учения канторизма. Поэтому он и виляет – а я поэтому называю его абсолютно беспринципным и бессовестным человеком.

Из признания постулата $X = Y$ крах канторизма следует потому, что в матрице, содержащей ВСЕ числа промежутка $[0, 1]$ при количестве n цифр в строке, количество строк будет 10^n (если работаем с десятичной системой счисления, как в примере Теста). Поэтому на самом деле имеет

место случай b из рис.1. Диагональный процесс НЕ охватывает все перенумерованные числа, диагональный элемент ЕСТЬ среди перенумерованных, и рассуждения кантористов несостоятельны. А чтобы они стали состоятельными, надо предположить (постулировать), что имеет место случай b и что $10^n = n$ при бесконечно большом n (что с точки зрения настоящей математики является полным абсурдом).

Прошу Суд потребовать у Ответчика (академика Решетняка) объяснения по этому вопросу, хотя ожидаю, что никаких объяснений он дать не в состоянии.

Второй тестовый вопрос

Этот вопрос не требует столь обширных объяснений, как первый. Даже ученику младших классов понятно, что такое четные числа и что в любом конечном множестве последовательных натуральных чисел будет четных чисел около половины.³⁴² Это положение можно распространить и на бесконечность: во всем множестве натуральных чисел четных чисел будет только половина.

На том основании, что оба ряда (натуральных чисел и четных чисел) можно бесконечно продолжать, Кантор ввел представление, что четных чисел столько же, сколько и всех натуральных.

Уважаемые присяжные заседатели! Второй вопрос, на который вам следует ответить в своем вердикте (*да* или *нет*) – это: **Очевидно ли для Вас, что оба эти представления можно себе мыслить, и можно отслеживать, где подразумевается первое, а где подразумевается второе**, т.е., что на Второй тестовый вопрос для математиков следует отвечать «Да»?

Решетняк же на этот вопрос ответил «Нет, можно мыслить только второе представление, а первое представление и вообще выделение двух представлений – это *«фантазия, то ли Ваша, то ли того гения, которому Вы покровительствуете, то есть Валдиса Эгле»*»³⁴³

Когда я убедилась, что Решетняк, несмотря на все объяснения, упорно отрицает возможность различения, выделения и отслеживания обоих этих представлений (понятий), я присвоила ему квалификацию «Жулик физико-математических наук», потому что не верю, что он и на самом деле не способен понять то, что понятно школьнику младших классов, и думаю, что на самом-то деле Решетняк притворяется и жульничает. Но если он настаивает, то я могу заменить ему квалификацию «Жулик ф.-м. наук» на квалификацию «Дурак ф.-м. наук», признав таким образом, что он не жульничает, не притворяется, а на самом деле не понимает эти вещи.

А дело всё в том, что как только Решетняк признает, что оба эти понятия (представления) **можно** выделять и отслеживать, так сразу обрушится «золотая теорема»³⁴⁴ теории множеств и многие другие вещи канторизма. У них ведь всё построено именно на путанице в этих двух понятиях и на постоянном перескакивании с одного представления на другое и обратно.

Третий вопрос присяжным

Уважаемые присяжные заседатели!

Третий вопрос, на который вам следует ответить в своем вердикте (*да* или *нет*) – это: **Справедливо ли присвоение квалификации «Жулик» профессиональному математику, если он отвечает отрицательно на один или оба тестовые вопросы?**

Подчеркиваю, что тестированию подвергаются только люди, претендующие на то, что они являются представителями Науки Математики: имеющие ученые степени в области математики, преподаватели ВУЗов, работающие математиками в НИИ и т.п.

Если Юрий Решетняк является просто пенсионером, играющим в домино во дворе своего дома, и при этом он рассказывает своим компаньонам басни про мощь континуума, то это одно дело, и никто его осуждать не будет. Но если Юрий Решетняк выступает как академик РАН, бряцает своими званиями доктора физико-математических наук и профессора, то это совсем другое дело, и тогда он уже несет ответственность за свои слова, и в случае антинаучной деятельности подлежит наказанию.

Два тестовых вопроса специально выбраны мной до предела простые и очевидные. В канторизме много нелепых вещей, но если бы я вынесла на Суд, например, теорему, представлен-

³⁴² Точно половина или близко к ней – зависит от того, какое именно множество следующих один за другим натуральных чисел мы берем, и причисляем ли мы 0 к натуральным и к четным числам, или нет.

³⁴³ Выпуск МОИ № 25, конец страницы 5; утверждение повторяется и многократно впоследствии.

³⁴⁴ См. «§19. Пятнадцатая теорема Александрова» в МОИ № 5 на стр.79–81.

ную Решетняком на стр.52 выпуска МОИ [№ 25](#), и мой ее разбор, например, на стр.68 МОИ [№ 27](#) и далее, то многие читатели (и судьи, и присяжные) побоялись бы высказывать определенно свое мнение, не чувствуя в себе достаточно уверенности и доверия к своим силам.

Теперь же два тестовых вопроса настолько просты и настолько очевидны, что даже самый неподготовленный и не уверенный в себе человек должен видеть Истину – если только он вообще психически здоров. Вопросы не требуют практически никакой математической подготовки – разве что знания, что такое четные числа и как вообще записывать десятичные дроби.

В физике (которой занимались вы все трое, уважаемые господа присяжные), та или иная концепция (а вы все трое выдвигали свои концепции) зависит от постулатов, которые могут соответствовать, но могут и не соответствовать внешнему, физическому миру. Можно предполагать, что физическое пространство трехмерно евклидово, и можно предполагать, что оно 4-мерно Минковского. Не так-то легко доказать, что в физическом мире реализован именно этот, а не какой-нибудь другой постулат.

Здесь же, в наших тестовых вопросах НЕТ никакой зависимости ни от физического мира, ни от каких-либо постулатов другого типа. Здесь логика и ясность мышления являются нам в чистом виде: только и единственно в случае *б* из рис.1 реализуются рассуждения кантористов – и несостоятельны они в случаях *а* и *в*. Можно выделять указанные во втором вопросе представления, и можно отслеживать их использование в рассуждениях, как можно вообще выделять в любой области любые понятия и оперировать ими. Всё это – истины абсолютные, и на самом деле никакому сомнению не подлежат.

В то же время эти абсолютные истины нагло отрицаются людьми, претендующими на то, что они якобы представляют Науку. 16 февраля 1981 года Валдис Эгле впервые обратился к этим «представителям», и скоро будет 35-я годовщина этого события. И вот, уже почти 35 лет типы, подобные Решетняку, отчаянно борются против Логике и против Науки. Они не способны ничего сказать по существу дела, как не способен на это академик Решетняк (господа присяжные, потребуйте от него, чтобы он сказал хоть что-нибудь по существу разбираемых здесь вопросов!); их оружие – это увиливание, демагогия и тупое отрицание – приемы, полный букет которых мы видели у академика Решетняка, и которые задокументированы в выпусках альманаха МОИ [№ 25](#), [№ 27](#), [№29](#) и [№ 31](#).

Но академик Решетняк не просто пенсионер, играющий в домино. Как человек, своим общественным положением претендующий на роль представителя Науки, он должен нести ответственность за свои действия, и его антинаучная деятельность должна быть наказана – если не административно и уголовно, то хотя бы морально.

Вот, одной из мер такого морального наказания и является присвоение Решетняку и другим подобным типам умышленно унижительного титула «Жулик ф.-м. наук». Титул этот вполне соответствует действительному положению вещей: Решетняк и ему подобные типы ведь действительно «мухлюют», отрицая очевидные истины с целью во что бы то ни стало, любыми, самыми нечестными, средствами защитить лженаучную концепцию, поднятую ими в качестве идола в их сообществе – на самом деле в религиозной секте, а не научном обществе.

Господа присяжные! Ваш ответ «Да» на третий вопрос выносимого вами вердикта будет означать, что вы поддерживаете моральное наказание таких людей.

Эти люди должны быть наказаны. Почему я из-за их аморальных действий должна десятилетиями жить с чувством тотальной несправедливости и неистребимой глупости человечества? Я, как и всякий другой человек, имею право на честный и объективный разбор приводимой мной аргументации. А такой разбор Решетняком и вообще всей их лженаучной сектой был заменен на бесконечную демагогию и жульничество.

Марина Ипатьева

22 ноября 2015 года

Реквизиты присяжных заседателей и фигурантов дела:

Матвеев , Вадим Николаевич	matwad@mail.ru
Каравдин , Павел Александрович	pkaravdin@yandex.ru
Никитин , Александр Павлович	anikitinaaa@mail.ru
Ипатьева , Марина Олеговна	marina.olegovna@gmail.com
Решетняк , Юрий Григорьевич	doctorz29@mail.ru

Научно-популярное издание
«Мысли об Истине»
Выпуск № 33
Сформирован 22 ноября 2015 года

Все читатели приглашаются принять участие в создании альманаха МОИ и присылать свои статьи и заметки для этого издания по адресу: Marina.Olegovna@gmail.com. Если присланные материалы будут соответствовать направлению Альманаха и минимальным требованиям информативности и корректности, то они будут опубликованы в нашем издании.

Основной вид существования Альманаха МОИ – в виде PDF-файлов в Вашем компьютере. Держите все выпуски МОИ в одной папке. Скачать PDF-ы можно с разных мест в Интернете, и не важно, откуда номер скачан. В Интернете нет одной фиксированной резиденции МОИ.

Содержание

<i>Эразм Роттердамский. Похвала глупости</i>	2
Предисловие автора	3
Глупость говорит:	5
<i>Пинский Л.Е. Эразм и его «Похвала Глупости»</i>	57
Издание 1931 года.....	70
Предисловие к русскому изданию.....	70
От переводчика	75
<i>Марина Ипатьева. Комментарии к «Похвале глупости»</i>	84
I. Лица русских изданий «Глупости»	84
II. Глупость и ее двойняшка.....	88
<i>Марина Ипатьева. Академик Решетняк перед Судом</i>	91
I. Ответ о Терлецком.....	92
II. Тест для академика.....	93
Приложение	96
Содержание	100